

ISSN 2071-3622

ВЕСТИ

**Прикамского
социального
института**

№ 3(84) 2019

Пермь

ВЕСТНИК ПРИКАМСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
VESTNIK PRIKAMSKOGO SOCIAL'NOGO INSTITUTA
BULLETIN OF PRIKAMSKY SOCIAL INSTITUTE

2019. № 3 (84)

Научный журнал

Учредитель: автономная
некоммерческая организация высшего и
профессионального образования
«Прикамский социальный институт»

Адрес учредителя, издателя, редакции:
614010, Пермь, ул. Куйбышева, 98А
Тел.: (342) 214-26-76
E-mail: psi.nauka@mail.ru

Издается с 2001 года, выходит 3 раза в год

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

В журнале публикуются научные материалы,
которые связаны с анализом социально-
экономических и правовых отношений,
посвящены актуальным проблемам
развития общества и личности, носят как
теоретический, так и экспериментальный
характер. Приоритетное исследовательское
направление журнала — теоретические
и практические вопросы совершенствования
системы обеспечения национальной
безопасности

Позиция авторов статей может
не совпадать с мнением редакции

Авторские материалы рецензируются и не
возвращаются

2019. No. 3 (84)

Science journal

Founder: the Prikamsky Social Institute

Address of the founder, editor, publisher:
Kuibyshev st., 98A, Perm, Russia, 614010
Ph.: (342) 214-26-76
E-mail: psi.nauka@mail.ru

Published since 2001, 3 times a year

The journal is included in system
of the Russian Science Citation Index

The journal publishes scientific
materials that are connected with
the analysis of socio-economic and legal re-
lations, and devoted to the urgent problems
of society and personality. Moreover, they
are both of theoretical researchers' results
and make known specialists' experience in
different spheres. Priority direction of the
journal is to discuss theoretical and practical
issues of improving the national
security system

The position of the authors of publications
may not coincide with the opinion
of the editorial board

The copyright materials reviewed
and will not be returned

Компьютерная верстка Л. Н. Голубцовой

Выход в свет 17.12.2019. Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 15,34. Тираж 100 экз.
Заказ № 1744/2019. Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Пермского национального
исследовательского политехнического университета.
614099, Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113.
Тел.: (342) 219-80-33.
© АНО ВПО «ПСИ», 2019

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Никитина Инна Филипповна — канд. юрид. наук, ректор Прикамского социального института

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Аренков Игорь Анатольевич — д-р экон. наук, профессор Высшей экономической школы Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Безукладников Константин Эдуардович — д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания иностранных языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Булахтин Максим Анатольевич — д-р ист. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета

Голохвастова Наталия Вениаминовна — канд. ист. наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, проректор по научной работе Прикамского социального института (заместитель главного редактора)

Игнатенко Виктор Васильевич — д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Иркутского областного государственного казенного учреждения «Институт законодательства и правовой информации имени М. М. Сперанского»

Кузнецова Ольга Анатольевна — д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского права, заместитель декана юридического факультета по научной работе Пермского государственного национального исследовательского университета

Пастухов Павел Сысоевич — д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета

Похмелкин Виктор Валерьевич — д-р юрид. наук, доцент, научный руководитель Научно-исследовательского и внедренческого центра Прикамского социального института

Руденко Марина Николаевна — д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательства и экономической безопасности Пермского государственного национального исследовательского университета

Светлаков Андрей Геннадьевич — д-р экон. наук, профессор кафедры организации аграрного производства Пермского государственного аграрно-технологического университета имени академика Д. Н. Прянишникова

Хочрадел Ребекка — доктор наук (PhD), доцент Университета Трансильвании (Лексингтон, США)

Шедяков Владимир Евгеньевич — д-р социол. наук, канд. экон. наук, доцент (Киев, Украина)

Шестова Татьяна Юрьевна — д-р ист. наук, профессор кафедры теории и практики управления Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Юлдашева Оксана Урняковна — д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой маркетинга Санкт-Петербургского государственного экономического университета

EDITOR IN CHIEF

Nikitina Inna Philippovna — Cand. of Juridical Sciences, Rector, Prikamsky Social Institute

EDITORIAL BOARD

Arenkov Igor Anatolyevich — Dr. of Economic Sciences, Professor, Higher School of Economics, Saint-Petersburg State Economic University

Bezukladnikov Konstantin Eduardovich — Dr. of Pedagogic Sciences, Professor, Head of the Department of Methodology of Teaching Foreign Languages, Perm State Humanitarian Pedagogical University

Bulakhtin Maxim Anatolyevich — Dr. of Historical Sciences, Professor at the Department of State and Municipal Administration, Perm State University

Golokhvastova Natalia Veniaminovna — Cand. of Historical Sciences, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Vice-rector for Scientific Affairs, Prikamsky Social Institute (deputy editor)

Ignatenko Viktor Vasilyevich — Dr. of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Leading Researcher, Irkutsk Regional State Treasury Institution “Institute of Legislation and Legal Information named after M. M. Speransky”

Kuznetsova Olga Anatolyevna — Dr. of Juridical Sciences, Professor at the Department of Civil Law, Vice Dean for Scientific Affairs of the Faculty of Law, Perm State University

Pastukhov Pavel Sysoyevich — Dr. of Juridical Sciences, Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Perm State University

Pokhmelkin Victor Valeryevich — Dr. of Juridical Sciences, Associate Professor, Scientific Director of the Research and Innovation Centre, Prikamsky Social Institute

Rudenko Marina Nikolayevna — Dr. of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Entrepreneurship and Economic Security, Perm State University

Svetlakov Andrey Gennadyevich — Dr. of Economic Sciences, Professor at the Department of Organization of Agricultural Production, Perm State Agro-Technological University named after Academician D. N. Pryanishnikov

Hochradel Rebecca — Philosophiae Doctor, Associate Professor, Transylvania University (Lexington, USA)

Shedyakov Vladimir Evgenyevich — Dr. of Sociological Sciences, Cand. of Economic Sciences, Associate Professor (Kiev, Ukraine)

Shestova Tatiana Yuryevna — Dr. of Historical Sciences, Professor at the Department of Theory and Practice of Management, Perm branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Yuldasheva Oksana Urniakovna — Dr. of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Marketing, Saint-Petersburg State Economic University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Голохвастова Наталия Вениаминовна** — канд. ист. наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, проректор по научной работе Прикамского социального института (заместитель главного редактора)
- Головкина Дарья Витальевна** — канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Прикамского социального института; доцент кафедры предпринимательства и экономической безопасности Пермского государственного национального исследовательского университета
- Жуйков Александр Леонидович** — канд. юрид. наук, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Прикамского социального института
- Калугин Алексей Юрьевич** — канд. психол. наук, доцент кафедры психологии и педагогики Прикамского социального института
- Каминский Борис Борисович** — канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Прикамского социального института
- Карнаухова Людмила Исмагиловна** — заведующая кафедрой дизайна Пермского гуманитарно-технологического колледжа, член Международной общественной ассоциации «Союз дизайнеров», Общероссийской общественной организации «Союз дизайнеров России»
- Кузнецова Елена Геннадьевна** — канд. психол. наук, доцент, декан факультета психологии и управления, заведующая кафедрой психологии и педагогики Прикамского социального института
- Мальцев Олег Валерьевич** — канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления Прикамского социального института
- Маринкин Денис Николаевич** — канд. юрид. наук, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса Прикамского социального института
- Советов Игорь Константинович** — канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, муниципального и административного права Прикамского социального института

EDITORIAL STAFF

- Golokhvastova Natalia Veniaminovna** — Cand. of Historical Sciences, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Vice-rector for Scientific Affairs, Prikamsky Social Institute (deputy editor)
- Golovkina Daria Vitalyevna** — Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law and Civil Procedure, Prikamsky Social Institute; Associate Professor at the Department of Entrepreneurship and Economic Security, Perm State University
- Zhuikov Alexandr Leonidovich** — Cand. of Juridical Sciences, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Prikamsky Social Institute
- Kalugin Aleksey Yuryevich** — Cand. Of Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of Psychology and Pedagogy, Prikamsky Social Institute
- Kaminsky Boris Borisovich** — Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Prikamsky Social Institute
- Karnaukhova Lyudmila Ismagilovna** — Head of the Department of Design, Perm Humanitarian-Technological College, a Member of the International Association “Society of Designers”, a Member of the All-Russian Public Organization “Association of Designers of Russia”
- Kuznetsova Elena Gennadyevna** — Cand. of Psychological Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Psychology and Management, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Prikamsky Social Institute
- Maltsev Oleg Valerievich** — Cand. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Management, Prikamsky Social Institute
- Marinkin Denis Nikolaevich** — Cand. of Juridical Sciences, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law and Civil Process, Prikamsky Social Institute
- Sovetov Igor Konstantinovich** — Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional, Municipal and Administrative Law, Prikamsky Social Institute

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ.....	6
Бойко П. В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РАБОТНИКОМ ПРАВА НА ТРУДОВУЮ ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО.....	6
Запивалов Д. А., Малюткина А. В. ОСНОВЫ ПЛАНИРОВАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.....	11
Костарева М. А. ПРАВОВОТВОРЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ПОНЯТИЕ, ЭЛЕМЕНТЫ, ФУНКЦИИ.....	14
Маринкин Д. Н., Соболева Е. Д. ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ.....	19
Мхитарян Л. Ю., Ивонин А. С. ИЗМЕНЕНИЕ ПОРЯДКА ПРИНЯТИЯ МЕР АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕАГИРОВАНИЯ ПО ЗАЯВЛЕНИЯМ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ НА ДЕЙСТВИЯ (БЕЗДЕЙСТВИЕ) СУБЪЕКТОВ ЕСТЕСТВЕННОЙ МОНОПОЛИИ ПО НАРУШЕНИЮ ПРАВИЛ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К СЕТЯМ РЕСУРСОСНАБЖЕНИЯ.....	25
Мхитарян Л. Ю., Мхитарян А. С. ЛИШЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ВСЛЕДСТВИЕ САМОВОЛЬНОЙ ПЕРЕПЛАНИРОВКИ ПОМЕЩЕНИЯ.....	32
Никитина И. Ф., Лядова А. С. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ И ПРОФИЛАКТИКА РАДИКАЛЬНОЙ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ.....	37
Печатнова Ю. В., Решетников Г. Е., Стаценко Д. А. ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН МИРА: СТАНОВЛЕНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	45
Чудин Н. М. О НЕФОРМАЛЬНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ АСОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	49
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ.....	57
Печатнова Е. В., Кузнецов В. Н. АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ УСПЕШНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАТЕГИЙ ПО ПОВЫШЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ.....	57
Яркова Т. М., Лукашин Н. А. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ).....	62
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА.....	69
Пискунова В. В. ОСОБЕННОСТИ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР, ОКАЗЫВАЮЩИХ ПАЛЛИАТИВНУЮ ПОМОЩЬ.....	69
Шумкова С. В. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕРВНОЙ АНОРЕКСИИ.....	74
НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ.....	79
Булахтин М. А. СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	79
Бурмистрова Е. С. ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ПОВЕСТКЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ СИЛ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА: США И КАНАДА.....	87
Голохвастова Н. В. ЧТЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ КРЕПОСТНЫХ СЛУЖАЩИХ УРАЛЬСКОЙ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ВОТЧИНЫ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКИХ ВОТЧИН СТРОГАНОВЫХ КОНЦА ХVІІІ — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ХІХ ВЕКА).....	93
Кальсина А. А. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	99
Колпакова Н. Б. ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	106
Логвинов Р. Н. СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: НА ПУТИ К ПОЛИТИКЕ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ.....	110
Чуприкова А. А. БЫТЬ ЧЕРНОЙ БРИТАНКОЙ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНТЕКСТЕ ЧЕРНОГО ФЕМИНИЗМА.....	117
Щукина Р. И. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	123
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ.....	129

CONTENTS

JURISPRUDENCE	6
Boyko P. V. ACTUAL PROBLEMS OF THE EMPLOYEE EXERCISING THE RIGHT TO LABOR HONOR AND DIGNITY	6
Zapivalov D. A., Malyutina A. V. THE ESSENTIAL PRINCIPLES OF PLANNING AND INTERACTION IN INVESTIGATION PROCESS OF ILLEGAL ENTREPRENEURSHIP	11
Kostareva M. A. LAW-MAKING CULTURE: DEFINITION (CONCEPT), ELEMENTS, FUNCTIONS.....	14
Marinkin D. N., Soboleva E. D. IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE FIELD OF HUMAN SECURITY	19
Mkhitarvan L. Yu., Ivonin A. S. CHANGES TO THE ACCEPTANCE OF THE ANTIMONOPOLIC RESPONSE BY STATEMENTS OF INDIVIDUALS TO THE ACTIONS (IN ACTIONS) OF SUBJECTS OF THE NATURAL MONOPOLIES IN VIOLATION OF THE RULES OF TECHNOLOGICAL CONNECTION TO THE RESOURCE SUPPLY NETWORKS.....	26
Mkhitarvan L. Yu., Mkhitarvan A. S. DEPRIVATION OF PROPERTY RIGHTS IN CONSEQUENCE OF AN UNAUTHORIZED RE-PLANNING OF PREMISES.....	32
Nikitina I. F., Lyadova A. S. COUNTERING THE SPREAD AND PREVENTION OF RADICAL DESTRUCTIVE IDEOLOGY AMONG YOUNG PEOPLE	37
Pechatnova Yu. V., Reshetnikov G. E., Statsenko D. A. BASIC LEGAL SYSTEMS OF THE COUNTRIES OF THE WORLD: FORMATION AND DEVELOPMENT TRENDS	45
Chudin N. M. ON INFORMAL YOUTH ASSOCIATIONS OF ASOCIAL DIRECTION	49
ECONOMICS AND MANAGEMENT	57
Pechatnova E. V., Kuznetsov V. N. ANALYSIS OF FEATURES OF SUCCESSFUL FOREIGN STRATEGIES TO INCREASE ROAD SAFETY	57
Yarkova T. M., Lukashin N. A. CURRENT STATE OF SOCIAL INFRASTRUCTURE OF RURAL TERRITORIES (ON THE EXAMPLE OF THE PERM REGION).....	62
PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY	69
Piskunova V. V. PECULIARITIES OF THE EMOTIONAL BURN OUT SYNDROME IN MEDICAL NURSES PROVIDING PALLIATIVE HELP.....	69
Shumkova S. V. PSYCHOANALYTIC ASPECTS OF ANOREXIA NERVOSA	74
SCIENCE AND EDUCATION	79
Bulakhtin M. A. FAMILY POLICY OF POLISH CONSERVATIVES AT THE PRESENT STAGE.....	79
Burmistrova E. S. TRADITIONAL VALUES IN LIBERAL AGENDA IN THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY: USA AND CANADA.....	87
Golohvastova N. V. READING AS AN ELEMENT OF AN EVERYDAY CULTURE OF SERF EMPLOYEES IN URAL MINING ESTATES (OF PERM PATRIMONIES OF THE STROGANOF ESTATES LATE XVIII — FIRST HALF OF THE XIX CENTURY).....	93
Kalsina A. A. PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN EDUCATION IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY	99
Kolpakova N. B. PERSONALITY IN MODERN WORLD.....	106
Logvinov R. N. CHANGE OF POLITICAL LEADERSHIP IN THE REPUBLIC OF SOUTH AFRICA: ON THE WAY TO THE POLICY OF NEXT GENERATION	110
Chuprikova A. A. BEING A BLACK BRITISH WOMAN: CONSTRUCTING IDENTITY IN NOWADAYS BRITAIN IN THE CONTEXT OF BLACK FEMINISM.....	117
Shchukina R. I. PROBLEMS OF ETHNIC SECURITY: LEGAL ASPECT	123
GUIDELINES FOR PREPARING ARTICLES FOR PUBLICATION	129

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Бойко П. В. Актуальные проблемы осуществления работником права на трудовую честь и достоинство // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 6–10.

Boyko P. V. Actual problems of the employee exercising the right to labor honor and dignity. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 6–10. (In Russ.)

УДК 349.2

П. В. Бойко

Прикамский социальный институт, Пермь, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РАБОТНИКОМ ПРАВА НА ТРУДОВУЮ ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО

Бойко Петр Владимирович — старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс».

E-mail: boyko-perm@mail.ru

В статье рассматриваются нормы российского законодательства об охране чести и достоинства граждан в трудовых отношениях. Обращается внимание на проблемы судебной защиты работников по делам о нарушенной трудовой чести. Вносятся предложения по решению некоторых коллизионных вопросов, связанных с защитой и реализацией права работника на трудовую честь и достоинство.

Ключевые слова: трудовые отношения, работник, права, честь, достоинство.

P. V. Boyko

Prikamsky Social Institute, Perm, Russia

ACTUAL PROBLEMS OF THE EMPLOYEE EXERCISING THE RIGHT TO LABOR HONOR AND DIGNITY

Boyko Petr V. — Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure.

E-mail: boyko-perm@mail.ru

The article discusses the norms of Russian legislation on the protection of the honor and dignity of citizens in labor relations. Attention is drawn to the problems of judicial protection of workers in cases of violation of labor honor. Proposals are being made to resolve some conflict issues related to the protection and realization of the employee's right to honor and dignity.

Keywords: labor relations, employee, rights, honor, dignity.

Как известно, Россия ратифицировала международные акты, в том числе Всеобщую декларацию прав человека, принятую 10 декабря 1948 года на Генеральной ассамблее ООН¹. В ст. 12 указанного документа говорится, что никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмеша-

© П. В. Бойко, 2019

¹ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс] (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 14.03.2019).

тельства и таких посягательств. Ст. 19 свободу убеждений и их выражения связывает с правом искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

В свою очередь, ст. 23 Декларации провозгласила право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и защиту от безработицы. В совокупности эти статьи означали, что и в трудовых отношениях личная и семейная жизнь, честь и достоинство человека пользуются защитой закона, тогда как сам человек имеет право на получение полной информации. Принципиальное значение имели ст. 8 и 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 год)¹, которая вступила в силу для России 5 мая 1998 года. Она закрепила право на уважение частной жизни, свободу получать и распространять информацию.

Обоснованно и верно то, что в Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 год) провозглашается запрет на вмешательство в личную и семейную жизнь и незаконное посягательство на честь и репутацию².

Нельзя не отметить, что в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее — ТК РФ) появилась новелла, отсутствующая в ранних кодексах о труде России, — гл. 14 «Защита персональных данных работника»³, которая изменила стратегический подход к правам человека на уровне Конституции РФ [9].

В соответствии с действующей редакцией Конституции России права и свободы человека провозглашены как высшая ценность, а признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина — обязанность государства (ст. 2)⁴.

По Конституции РФ каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную, семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается (ст. 24). Очевидно, что правовая охрана персональных данных касается не только трудового права, но ТК РФ стал первым кодифицированным актом, имеющим в своей структуре соответствующую специальную главу [9].

В качестве исторического примера развития отечественного трудового законодательства следует привести Устав о промышленном труде, который не был принят в связи со свержением Временного правительства в октябре 1917 года. Положения указанного акта предполагали право работника требовать досрочного расторжения трудового договора по определенным основаниям, в том числе, вследствие жестокого обращения с работником или посягательства на его честь нанимателем. Такое нововведение было весьма прогрессивным на тот период и оставалось актуальным вплоть до введения в действие действующего кодифицированного закона о труде современной России [1].

Очевидно, что защита, охрана чести и достоинства гражданина безусловно должны осуществляться и нормами трудового права, отражая одну из тенденций его развития — гуманизацию трудовых отношений как важнейшую задачу государства в условиях рыноч-

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 [Электронный ресурс] (Рим, 4 ноября 1950 года) (с изм. и доп. от 21.09.1970, 20.12.1971, 1.01.1990, 6.11.1990, 11.05.1994, 13.05.2004). URL: <http://base.garant.ru/2540800/#ixzz66YXhIg97> (дата обращения: 14.03.2019).

² Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 14.03.2019).

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 12.11.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 5.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

ных отношений. Хочется отметить имеющуюся недоработку Трудового кодекса РФ, который в действующей редакции не затрагивает (не регулирует) этические отношения между работодателем и работником, хотя именно они нередко нарушаются работодателем в трудовых отношениях [5].

Считаем обоснованной тенденцию в рамках трудового законодательства России закреплять за работниками в законах об их правовом статусе специальное право на честь и достоинство. В российском праве она нашла отражение, например, в ст. 63 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года № 5487-1, согласно которой за медицинскими и фармацевтическими работниками были закреплены дополнительные права на защиту своей профессиональной чести и достоинства [2, § 1]. К сожалению, в действующей редакции Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» подобная норма уже не сохранилась.

Как уже упоминалось, ТК РФ провозгласил принцип — обеспечение права работников на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности. И этот основной принцип нуждается в определенном совершенствовании, ибо неясно, почему в нем нет положения о трудовой чести и деловой репутации работника. Полагаем, что в этом смысле Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ), естественно, превосходит Трудовой кодекс России. Согласно п. 1 ст. 152 ГК РФ гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений¹.

В этой связи было своевременно и обоснованно предусмотреть в ст. 2 ТК РФ положение об обеспечении права работников на защиту чести, достоинства и деловой репутации, исключив тем самым существенный пробел в правовом регулировании указанных отношений.

Нельзя не согласиться с А. Я. Петровым, который полагает, что целесообразно исключить из рассматриваемого положения ст. 2 ТК РФ слова «в период трудовой деятельности». Судебная практика по делам о восстановлении на работе (особенно это касается расторжения трудового договора по инициативе работодателя по п. 5–10 ч. 1 ст. 81 ТК РФ) свидетельствует о многочисленных случаях защиты чести, достоинства и деловой репутации уволенного работника (а не в период его трудовой деятельности) [9].

Как уже упоминалось, Российское трудовое законодательство не предусматривает особых отраслевых способов защиты прав работников, таких как честь и достоинство. Между тем международная практика, зарубежный опыт свидетельствуют о необходимости легализации таких способов, так как гражданско-правовые способы защиты личных трудовых прав не обеспечивают их восстановления в полной мере [8]. Такой подход видится обоснованным и верным с учетом объективной реальности в исследуемой проблеме.

Невозможно было бы не замечать существенного морального вреда, возникающего в результате нарушения права на честь, причиняемого многим работникам бюджетной сферы, особенно учителям, врачам, работникам сельского хозяйства, которым в ряде регионов России порой систематически своевременно не выплачивают заработную плату и отказывают в возмещении морального вреда лишь на том основании, что это их «имущественные права». Оплата труда — это не только имущественный элемент в трудовом правоотношении. Это также показатель чести и достоинства работника, оценки его как личности, занятой производительным трудом [3, § 5].

Отметим, что спор о правах работников на честь и достоинство нередко возникает в рамках части второй ст. 21 ТК, где обязанности работника полностью воспроизводятся в

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

тексте трудового договора и тем самым устраняются неясности — за неисполнение или ненадлежащее исполнение любых из них к работнику могут быть применены дисциплинарные взыскания.

Однако за иные деяния, не связанные с выполнением трудовых обязанностей, дисциплинарное взыскание наложено быть не может. Нередко работодатели применяют дисциплинарные взыскания за «недостойное поведение, позорящее честь трудового коллектива» по следам привлечения работника к административной ответственности, например за мелкое хулиганство, иные правонарушения, не связанные с трудовой деятельностью работника и совершенные им вне рабочего времени и вне задания работодателя. В данном случае речь идет о неисполнении работником общественных или социальных (по отношению к трудовым) обязанностей.

Считаем, что в данном случае в отдельных категориях трудовых отношений обоснованно и законно применение права работодателя привлекать работника к дисциплинарной ответственности за поступки, порочащие честь и достоинство «мундира» определенных профессий [10].

Примером такой практики может служить Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»¹. В нем, в отличие от общих норм трудового законодательства, с учетом особенностей трудовой функции работников прокуратуры, в ст. 47.1 усилена их дисциплинарная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей и совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника.

В Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации»² указано, что государственный служащий, наряду с другими обязанностями, не должен совершать поступки, порочащие его честь и достоинство, а также не должен разглашать ставшие ему известными в связи с исполнением обязанностей сведения, затрагивающие частную жизнь, честь и достоинство граждан [6].

Однако следует заметить, что при таком разумном подходе к надлежащему поведению отдельных категорий сотрудников работодателю следует в полном объеме соблюдать принцип ТК РФ, который гласит: наказание, разумное и даже суровое, не должно унижать честь и достоинство человека-работника.

Обратимся также к проблемам судебной защиты работников о нарушенной трудовой чести. Здесь существует, в том числе, следующий аспект незавершенности и несовершенства нормативной базы о труде. Начнем с компенсации морального вреда. Взыскать таковой возможно при рассмотрении судом трудовых споров о защите чести, достоинства и деловой репутации, если в суде будет доказано их умаление, а также при нарушении сроков выплаты заработной платы, при незаконном отказе в приеме на работу, например по мотивам, связанным с беременностью женщины или наличием у нее детей, с трудоустройством лиц, с которыми работодатель обязан в силу закона заключить трудовой договор.

Затруднительным для работника, а соответственно, не урегулированным законодателем должным образом является то, что судом с учетом фактических обстоятельств причинения морального вреда степень нравственных и физических страданий оценивается в рамках индивидуальных особенностей работника и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий.

На практике работнику не удается взыскать с работодателя разумных сумм денежных средств, адекватно могущих компенсировать последнему вред — умаление тех же чести и достоинства. Суд обязывает таких работников доказать объем причиненного вреда путем

¹ О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 26.07.2019) // Рос. газета. 18.02.1992. № 39.

² О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 01.05.2019) // Рос. газета. 31.07.2004. № 162.

предоставления многочисленных медицинских и иных документов, проведением дорогостоящей экспертизы по определению всей массы вреда, скажем, здоровью работника.

Было бы верным, на наш взгляд, в этом случае предложить следующее: предусмотреть на нормативной основе некие фиксированные суммы денежных средств, предъявляемые к нарушителям права за конкретные неправомерные действия, которые могли быть отражены, скажем, в разъяснениях Пленума Верховного суда или даже закреплены в отдельных нормах ТК.

Следует подчеркнуть, что необъективный отзыв (характеристика) на работника, нарушение процедуры аттестации, незаконная формулировка причин увольнения, перевод по результатам аттестации могут не только препятствовать работнику защитить трудовую честь, достоинство, но и реализовать конституционное право на труд. Именно поэтому часто работники, признанные не соответствующими должности, вынуждены обращаться в суд с иском об опровержении сведений, порочащих честь и достоинство [4].

Любопытно с точки зрения применения на практике юридических норм о труде и то, что при обращении работника в суд часто возникает сложность в определении момента нарушения его права на честь и достоинство. Предлагаем, в частности, при неправомерной оценке поведения работника, выразившейся в издании приказа об объявлении ему замечания, считать, что со дня ознакомления с таким приказом работник узнает о нарушении права на трудовую честь и достоинство [7].

Подводя итог изложенному, скажем, что осуществление работником своих трудовых прав на честь и достоинство еще ново в трудовом законодательстве России, притом что революционные шаги на этом пути законодатель уже пытался предпринять, скажем, в том же 1917 году. Некоторые вопросы в современном Трудовом кодексе Российской Федерации, коих немало, не урегулированы законодателем достаточно для полного, законного и надлежащего применения эксклюзивного права личности работника на честь и доброе имя. Часть коллизий в этой области мы рассмотрели и предложили собственное видение разрешения стоящих перед правоприменителями и исследователями коллизионных вопросов и задач.

Библиографический список

1. Бугров Л. Ю. Свобода труда и увольнение по инициативе работника // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 1. С. 23–31.
2. Гусева В. С., Сибикеев К. В. Дисциплина труда, трудовой распорядок. М.: Экзамен, 2009.
3. Гусов К. Н., Полетаев Ю. Н. Ответственность по российскому трудовому праву: науч.-практ. пособие. М.: Велби: Проспект, 2008.
4. Закалюжная Н. В. Квалификация работника и прекращение трудового договора // Трудовое право в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 38–42.
5. Кабанов А. А. Этические аспекты в исследовании и развитии трудового права // Трудовое право в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 33–35.
6. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс] / О. В. Абрамова, М. А. Бочарникова, З. Д. Виноградова [и др.]; под ред. Ю. П. Орловского. 5-е изд., испр., перераб. и доп. М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Лушников А. М. Защита персональных данных работника: сравнительно-правовой комментарий гл. 14 Трудового кодекса РФ // Трудовое право. 2009. № 9. С. 93–101; № 10. С. 77–82.
8. Лушникова М. В. Сущность и природа прав работника на защиту достоинства, трудовой чести и деловой репутации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 1. С. 32–37.
9. Петров А. Я. Спорные аспекты принципов российского трудового права // Трудовое право. 2016. № 11. С. 65–73.
10. Щур Д. Л., Щур-Труханович Л. В. Прекращение трудового договора: комментарий к главе 13 Трудового кодекса РФ [Электронный ресурс]. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2008. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Запивалов Д. А., Малютина А. В. Основы планирования и взаимодействия при расследовании незаконного предпринимательства // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 11–13.

Zapivalov D. A., Malyutina A. V. The essential principles of planning and interaction in investigation process of illegal entrepreneurship. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 11–13. (In Russ.)

УДК 343

Д. А. Запивалов, А. В. Малютина

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия

ОСНОВЫ ПЛАНИРОВАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Запивалов Дмитрий Александрович — кандидат юридических наук, начальник кафедры «Уголовный процесс и криминалистика».

E-mail: D_zapivalov@mail.ru

Малютина Александра Витальевна — курсант.

В статье рассматриваются основы планирования и взаимодействия при расследовании незаконного предпринимательства. Ключевым обстоятельством, определяющим планирование незаконного предпринимательства и тактику отдельного мероприятия, является информационно-познавательная, доказательственная перспектива планируемой тактической комбинации или отдельного следственного действия. Указываются основные формы взаимодействия субъектов расследования по делам о незаконном предпринимательстве.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, планирование, взаимодействие, субъекты расследования, план расследования.

D. A. Zapivalov, A. V. Malyutina

Perm Institut of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia

THE ESSENTIAL PRINCIPLES OF PLANNING AND INTERACTION IN INVESTIGATION PROCESS OF ILLEGAL ENTREPRENEURSHIP

Zapivalov Dmitriy A. — Candidate of Juridical Sciences, Chief of the Department of Criminal Process and Criminalistics.

Malyutina Alexandra V. — Cadet.

The article deals with the essential principles of planning and interaction in investigation process of illegal entrepreneurship. The dominant circumstances defining illegal entrepreneurship planning and the tactics of a separate arrangement is informational cognitive and evidentiary perspective of planned and tactical combination or a separate investigative action. The author views the main forms of investigation subject's interaction forms on the cases of illegal entrepreneurship.

Keywords: illegal entrepreneurship, planning, interaction, investigation subjects, investigation plan.

При расследовании незаконного предпринимательства на основании разработанных версий, как известно, осуществляется планирование.

Основным обстоятельством, определяющим перспективы планирования расследования (что, когда и где проводить) и особенности тактики конкретного мероприятия (как это сделать), является информационно-познавательная, доказательственная перспектива планируемой тактической операции, комбинации или отдельного следственного действия [1, с. 190–191].

В основу плана при расследовании незаконного предпринимательства, как уже было сказано выше, должны быть положены версии, конкретные мероприятия по их проверке, а также конкретные исполнители и сроки исполнения этих мероприятий.

В связи с тем, что незаконная предпринимательская деятельность, как правило, относится к многоэпизодным делам, план расследования желательно составлять в виде карты-схемы с отражением динамики расследования, в зависимости от объема исходной и появляющейся информации.

План расследования в данном случае может выглядеть следующим образом:

1. Источник информации.
2. Содержание информации.
3. Следственные версии (о субъектах и связях, о способе совершения, о времени и месте осуществления незаконных предпринимательских действий, о механизме следообразования).
4. Обстоятельства, подлежащие выяснению.
5. Мероприятия субъектов расследования.
6. Исполнитель и сроки исполнения.

Преимуществом таких планов является то, что:

- 1) органы расследования быстрее познают общую картину совершенного деяния и, как следствие, более эффективно решают конкретные задачи;
- 2) лица, обладающие специальными познаниями, наглядно представляют схему нарушений, указывают на пробелы и пути их устранения в расследовании [3, с. 120].

В планировании весьма важным является взаимодействие между субъектами, задействованными в процессе расследования. В частности, следователям, не располагающим оперативными возможностями, во многих случаях расследования преступлений не обойтись без содействия оперативных подразделений. В ряде случаев деятельность органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность (далее — ОРД), может оказаться малоэффективной без консультаций со следователем, которому предстоит осуществить предварительное следствие по делу [4, с. 68].

В информационную базу данных о взаимодействии субъектов при расследовании незаконного предпринимательства должны входить рекомендации, направленные на оптимальное и своевременное решение следующих вопросов:

- 1) когда возникает необходимость во взаимодействии, когда эта необходимость отпадает и в какой части;
- 2) в какой форме необходимо реализовывать взаимодействие;
- 3) на каких направлениях следует сконцентрировать усилия субъектов взаимодействия;
- 4) в каких формах и каких пределах обеспечивать обмен информацией между субъектами взаимодействия, как организовывать совместное планирование деятельности органов следствия и дознания с подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции (далее — ЭБиПК), специалистами, а также контрольно-ревизионными органами исполнительной власти [2, с. 11–12].

К основным формам (процессуальным и непроцессуальным) взаимодействия при расследовании незаконного предпринимательства, по нашему мнению, относятся:

1. Обмен информацией между субъектами расследования и контролирующими органами исполнительной власти при решении поставленных задач на стадии возбуждения уголовного дела.

2. Совместный анализ документов, отражающих результаты ОРД, планирования, подготовки оперативно-разыскных мероприятий, а также оценки их результатов.

3. Оперативное сопровождение на всех этапах расследования незаконной предпринимательской деятельности.

4. Выполнение письменных поручений следователя органом дознания.

При взаимодействии, как справедливо полагают некоторые авторы, нежелательно поручать сотрудникам ЭБиПК:

а) производство процессуальных действий, которые связаны с принятием решений, определяющих дальнейший ход и направление предварительного расследования;

б) производство следственных действий, которые являются прерогативой самого органа предварительного расследования — допрос, осмотр места происшествия и т. д.;

в) производство процессуальных действий, составляющих исключительную компетенцию следователя, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (избрание меры пресечения, предъявление обвинения, прекращение производства по делу и т. д.);

г) передачу вещественных доказательств и протоколов следственных действий, за исключением случаев, когда это необходимо для выполнения поручения следователя [5, с. 4].

5. Совместная деятельность органов предварительного расследования и сотрудников подразделений ЭБиПК по планированию на протяжении всех этапов расследования незаконного предпринимательства, а также отдельных следственных действий.

6. Совместная деятельность в составе группы, созданной для расследования незаконного предпринимательства.

7. Оказание специалистами квалифицированной помощи органам предварительного расследования при назначении судебных экспертиз (например, постановка вопросов перед экспертом).

Эффективность планирования, взаимодействия и, как следствие, раскрытия и расследования незаконного предпринимательства во многом зависит от профессиональной подготовки субъектов расследования, согласованности их действий в зависимости от сложившейся следственной ситуации.

Библиографический список

1. Гайдин А. И. Методика расследования хищений на сельскохозяйственных предприятиях: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

2. Гармаев Ю. П. Методика расследования преступлений: правоприменительная практика и комментарии законодательства [Электронный ресурс]. URL: https://www.studmed.ru/garmaev-yur-metodika-rassledovaniya-prestupleniy-pravoprimeritel'naya-praktika-i-kommentarii-zakonodatelstva-2003_2298dad87d2.html (дата обращения: 15.09.2019).

3. Грабовский В. Д. Основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с экономическими преступлениями: учеб. пособие. Н. Новгород, 1999.

4. Озеров И. Н. Организация раскрытия и расследования преступлений: учеб. пособие. Белгород, 2007.

5. Осипов Д. В., Власова Н. А., Кузнецова Н. А. Организация и формы взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания: метод. рекомендации. М., 2004.

Костарева М. А. Правотворческая культура: понятие, элементы, функции // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 14–18.

Kostareva M. A. Law-making culture: definition (concept), elements, functions. *Bulletin of Prikam-sky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 14–18. (In Russ.)

УДК 340.1

М. А. Костарева

Пермская краевая общественная организация инвалидов войны в Афганистане и военной травмы «Союз воинов-инвалидов Прикамья» — «Инвалиды войны»; Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ПОНЯТИЕ, ЭЛЕМЕНТЫ, ФУНКЦИИ

Костарева Мария Андреевна — юрисконсульт; магистрант заочного обучения направления подготовки «Юриспруденция» профиля «Гражданское право».

E-mail: kostarevam21@mail.ru

В статье анализируется такое явление, как правотворческая культура. Статья содержит краткий обзор понятий правовой культуры и правотворчества, требований, предъявляемых к правотворческой культуре, ее определение, функции и элементы.

Ключевые слова: правовая культура, правотворчество, правотворческая культура, понятие, функции, элементы.

M. A. Kostareva

Perm Regional Public Organization of Disabled People of War in Afghanistan and Military Trauma “Union of Disabled Soldiers of the Kama Region” — “Disabled People of War”; Perm State University, Perm, Russia

LAW-MAKING CULTURE: DEFINITION (CONCEPT), ELEMENTS, FUNCTIONS

Kostareva Maria A. — Legal Counsel; Master Student of the Direction of Training “Jurisprudence”, Specialization “Civil Law”.

E-mail: kostarevam21@mail.ru

The research deals with law-making culture. The paper provides the synopsis of legal culture and lawmaking, the requirements for law-making culture, its definition, elements, functions.

Keywords: legal culture, law-making, law-making culture, concept, functions, elements.

Правовые акты оказывают огромное влияние на жизнь общества в целом и отдельно взятого человека, так как устанавливают правила, по которым осуществляется взаимодействие органов власти с физическими и юридическими лицами. В свою очередь, правовые акты отражают уровень правовой культуры, на которую влияет развитость государственного аппарата управления, понимание сущности права правотворческими органами. Немаловажен уровень развития правовой культуры служащего, осуществляющего правотворческую деятельность, поскольку создание правового акта — творческий процесс, создатель

пропускает через себя всю информацию, которая впоследствии станет правовым актом. Соответственно, для достижения задач правотворчества необходимо постоянное повышение уровня культуры законодателя и общества. Поскольку правовые акты являются регуляторами общественных отношений, они влияют на уровень жизни населения, способствуют снижению или, наоборот, повышению социального напряжения, формированию правомерного поведения, развитию у граждан уважения к праву или правового нигилизма.

Культура как собирательное понятие имеет множество различных форм и проявлений. В данном случае речь идет о такой ее разновидности, как правотворческая.

Правотворческая культура представляет собой синтез правовой культуры и правотворчества, поэтому для изучения понятия правотворческой культуры необходимо рассмотреть оба этих понятия.

В юридической литературе приводятся следующие определения правовой культуры: «система овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права, их отражение в сознании и поведении людей» [6, с. 40]; «явление конкретно-историческое, ибо степень правовой развитости, правового совершенства субъекта права находится в прямой зависимости от конкретно-исторической ступени развития классового общества и его правовых ценностей» [1, с. 9].

Профессор А. С. Бондарев более детально анализирует данное понятие: «Правовая культура есть правовое свойство субъектов права. Она есть степень их правовой развитости, правового совершенства, уровень их способностей качественно творить и эффективно использовать необходимые правовые средства для достижения своих правомерных целей, своих правомерных интересов и потребностей и воплощающих эти свои способности в социально-правовую активность» [2, с. 12]. Таким образом, правовая культура — часть общей культуры, отражающая правовые ценности общества, достижения в области права, тесно связанная с нравственностью общества.

Правовая культура непосредственно связана с правотворчеством. Это выражается в том, что содержание правовых актов зависит от уровня правовой культуры субъектов правотворчества. При создании правовых актов субъектом правотворчества выявляются отношения, подлежащие регулированию, определяются обоснованность, принципы, в соответствии с которыми формулируется норма, цель принятия, язык, которым она изложена, соблюдение правил юридической техники, осознание ответственности перед государством и обществом.

Правотворчество большинство ученых рассматривают как деятельность, которая присуща только государству. С. А. Комаров определяет правотворчество как вид специфической, требующей особых знаний и умений интеллектуальной деятельности компетентных государственных органов, связанной с созданием или изменением правовых норм, и одновременно — результат этой деятельности в виде юридического документа, закона [8, с. 89–291].

А. С. Пиголкин дает следующее определение правотворчеству: «...форма государственной деятельности, направленная на создание правовых норм, а также на их дальнейшее совершенствование, изменение или отмену» [цит. по: 3, с. 31].

А. Б. Венгеров считает, что «правотворчество — организационно оформленная, установленная процедурная деятельность государственных органов по созданию правовых норм или по признанию правовыми сложившихся, действующих в обществе правил поведения» [4, с. 476–477].

Таким образом, сущность правотворчества состоит в возведении и закреплении воли государства в нормы права и осуществляется в рамках установленных процессуальных процедур, содержащихся в Конституции, регламентах, уставах и т. п. Правотворческая деятельность направлена на управление обществом, формирование стратегии, развитие государства.

Соприкосновение правовой культуры и правотворчества порождает такое явление, как правотворческая культура.

В научной литературе отсутствует четко сформулированная позиция относительно понятия, элементов и функций правотворческой культуры. По этой причине рассмотрение этих понятий возможно через требования, предъявляемые к правотворческой культуре.

Д. А. Керимов пишет, что субъекты правотворчества должны осуществить комплекс действий на предправотворческой стадии. К таким действиям относятся: выявление отношений, требующих регулирования, познание факторов и условий, которые формируют эти отношения [7, с. 110]. Например, Федеральным законом от 03.08.2018 № 341-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части упрощения размещения линейных объектов»¹ внесены изменения в Земельный кодекс Российской Федерации (далее — Земельный кодекс РФ). В результате в Земельном кодексе РФ появилась глава — установление публичного сервитута в отдельных целях. В процессе анализа изменений законодательства было выявлено появление новых общественных отношений, требующих регулирования на уровне муниципального образования, а именно: принятие административного регламента оказания муниципальной услуги населению (постановление Администрации г. Перми от 04.10.2019 № 633 «Об утверждении Административного регламента предоставления департаментом земельных отношений администрации города Перми муниципальной услуги «Установление публичного сервитута в отдельных целях на территории города Перми»»²).

В. В. Трофимов и В. Ю. Самородов одним из требований к правотворческой культуре называют соблюдение субъектами правотворчества определенных регламентов, в соответствии с которыми создаются и принимаются правовые акты. Правотворческая деятельность — сложный процесс, который требует четкой организации [9, с. 49]. В этих целях органами власти принимаются различные регламенты, например постановление администрации города Перми от 25.05.2012 № 235 «О порядке подготовки правовых актов в администрации города Перми» (далее — Регламент)³. Настоящим Регламентом предусмотрен порядок подготовки постановлений и распоряжений администрации города Перми, руководителя аппарата администрации города Перми, руководителей функциональных подразделений администрации города Перми, распоряжений и приказов руководителей функциональных и территориальных органов администрации города Перми, распоряжений администрации города Перми, распоряжений и приказов руководителя аппарата администрации города Перми, руководителей функциональных и территориальных органов администрации города Перми по личному составу и содержащих персональные данные.

Н. А. Власенко относит в качестве требования к правотворческой культуре владение правилами и соблюдение всех требований юридической техники [5, с. 548]. Это означает применение методов, способов, средств, приемов в процессе выработки, систематизации правовых актов. Например, правила юридической техники содержатся в Постановлении

¹ О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части упрощения размещения линейных объектов: федер. закон от 03.08.2018 № 341-ФЗ // Рос. газета. 08.08.2018. № 172.

² Об утверждении Административного регламента предоставления департаментом земельных отношений администрации города Перми муниципальной услуги «Установление публичного сервитута в отдельных целях на территории города Перми»: постановление администрации г. Перми от 04.10.2019 № 633 // Официальный бюллетень органов местного самоуправления муниципального образования город Пермь. 11.10.2019. № 75.

³ О порядке подготовки правовых актов в администрации города Перми: постановление администрации города Перми от 25.05.2012 № 235 // Официальный бюллетень органов местного самоуправления муниципального образования город Пермь. 29.05.2012. № 36.

администрации г. Перми от 30.12.2009 № 1039 «Об утверждении Правил оформления правовых актов в администрации города Перми»¹ (далее — Постановление № 1039). К правовым актам администрации как нормативного, так и ненормативного характера предъявляются требования юридической техники, начиная с того, что акты администрации состоят из наименования и содержательной части (она, в свою очередь, включает в себя преамбулу и распорядительную часть), распорядительная часть правового акта должна содержать точное и четкое задание, дату принятия (в Постановлении № 1039 оговаривается, в каких случаях используется словесно-цифровой (01 ноября 2019 г.) или цифровой (01.12.2019 г.) способ ее обозначения), и заканчивая тем, какие поля должен иметь каждый напечатанный лист правового акта.

Огромную роль в процессе правотворчества играет личностное начало. Создание правовых актов осуществляется людьми и для людей. За созданным в процессе правотворчества нормативно-правовым актом так или иначе стоит автор, который внес в содержание проекта правового акта идеи, ценности, учел все аспекты юридической техники, с помощью которой правовой акт приобретает материальное выражение. Субъект правотворчества должен обладать знаниями юридических норм, осознавать место права в системе норм, признавать авторитет права, постоянно стремиться к саморазвитию, повышению профессионального уровня.

Вместе с тем стоит отметить, что право не всесильно и не может решить всех проблем. Если субъекты правотворчества относятся к праву с недоверием или, наоборот, идеализируют его, то это приводит к возникновению правового идеализма или правового нигилизма. Оба эти явления негативно сказываются на функционировании общества и способствуют напряжению в общественных отношениях.

Для того чтобы понять, что такое правотворческая культура, необходимо рассмотреть ее элементы, составные части. Можно выделить следующие элементы правотворческой культуры.

Первый элемент — это соответствие регламентным требованиям правотворческого процесса. Регламент содержит разнообразные требования к организации правотворческого процесса — процедурно-процессуальные, юридико-технические, выполнение которых во многом символизирует культуру его осуществления.

Следующим элементом является владение правилами и соблюдение всех требований юридической техники, реализация искусства юридической техники в полном смысле. Это означает применение в правотворческой практике всей совокупности методов, средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми правилами при выработке и систематизации нормативно-правовых актов, что также является одним из определяющих культурных требований к правотворческому процессу, обеспечивающих создание наиболее совершенных юридических актов.

К элементам правотворческой культуры также можно отнести культуру субъектов правотворческого процесса, которые обладают профессиональным уровнем правовой культуры. Это проявляется в высокой степени знания права, понимании целей, задач, деятельности субъектов права, понимании свойств, ценности, значения права, факторов, воздействующих на право, связи права с государством и обществом.

Каким образом «действует», «работает» правотворческая культура, какие функции она выполняет?

¹ Об утверждении Правил оформления правовых актов в администрации города Перми: постановление администрации г. Перми от 30.12.2009 №1039 // Официальный бюллетень органов местного самоуправления муниципального образования город Пермь. 08.08.2019. № 8.

Правотворческая культура призвана способствовать стремлению субъекта правотворческой деятельности владеть необходимыми для этой деятельности знаниями, его деятельность основана, в том числе, на научных исследованиях в области права. Культура определяет его усилия по идентификации истинно правового предписания, по поиску объективно полезного варианта поведения участников правоотношений. Эту функцию можно определить как познавательную-преобразовательную. Она связана с теоретической и организаторской деятельностью по созданию и совершенствованию системы законодательства.

В. Б. Фролова в статье «Правовая культура — необходимое и существенное свойство членов правового общества» рассматривает праворегулятивную функцию правовой культуры. Эту функцию автор связывает с правотворчеством и пишет: «Действие праворегулятивной функции ориентировано на обеспечение устойчивости и динамичности развития правовой системы и общества вообще. Регулятивная функция выполняется через правовые и различные социальные нормы. С помощью этой функции правовая культура подчиняет социальные стремления и идеалы, взаимность прав и обязанностей граждан, закрепляя то посредством правотворческого процесса» [10, с. 129].

В. В. Трофимов и В. Ю. Самородов одним из культурных требований называют соответствие регламентов требованиям правотворческого процесса. В этом случае элемент правотворческой культуры обуславливает необходимость в существовании организационной функции.

Правотворческая культура призвана обеспечивать единство и системность правотворческого процесса. Принятие правового акта влечет за собой внесение изменений в иные акты, в этом случае субъектам правотворчества необходимо выявить все правовые акты, в которые необходимо вносить изменения. При этом правотворческая культура призвана организовать работу субъектов правотворчества и упорядочить нормы правовых актов.

После анализа требований, предъявляемых к правотворческой культуре, ее функций и элементов можно дать следующее определение: правотворческая культура — это культура сотрудников органов власти (внутренние ценностные установки, отношение к работе, качеству правовых актов) в процессе осуществления своих полномочий по разработке, принятию правовых актов.

Библиографический список

1. Бондарев А. С. Правовая культура и продукты правовой культуры в их соотношении // Вестник Пермского университета. 2010. № 2 (8). С. 8–15.
2. Бондарев А. С. Правовая культура общества: проблемы понятия и структуры // Вестник Пермского университета. 2014. № 4 (26). С. 10–20.
3. Борисов А. С. К вопросу о понятии правотворчества // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 3 (14). С. 30–35.
4. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. М., 2004.
5. Власенко Н. А. Избранное. М.: Норма, 2015.
6. Каминская И. В., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания: сб. науч. тр. М., 1974. С. 39–67.
7. Керимов Д. А. Методологический аспект правотворчества // Вопросы философии. 1975. № 5. С. 108–119.
8. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 1998.
9. Трофимов В. В., Самородов В. Ю. Реализация правотворческих функций как проявление культуры организации юридического процесса // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 4. С. 43–53.
10. Фролова В. Б. Правовая культура — необходимое и существенное свойство членов правового общества // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 128–131.

Маринкин Д. Н., Соболева Е. Д. Повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления в сфере безопасности жизнедеятельности населения // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 19–24.

Marinkin D. N., Soboleva E. D. Improving the effectiveness of local self-government bodies in the field of human security. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 19–24. (In Russ.)

УДК 614.8

Д. Н. Маринкин

Пермский государственный национальный исследовательский университет;
Прикамский социальный институт, Пермь, Россия

Е. Д. Соболева

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы
МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Маринкин Денис Николаевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры «Предпринимательство и экономическая безопасность»; заведующий кафедрой «Гражданское право и гражданский процесс», декан юридического факультета.

E-mail: mdn444@yandex.ru

Соболева Екатерина Дмитриевна — магистрант направления подготовки «Юриспруденция».

E-mail: soboleva-ekaterina94@mail.ru

Проблема безопасности жизнедеятельности в современных условиях приобрела особую остроту и актуальность в нашей стране и в мире. В данной статье автор исследуют вопросы деятельности органов местного самоуправления в сфере безопасности жизнедеятельности населения. Приводятся результаты анализа эффективности деятельности органов местного самоуправления, вследствие чего отмечаются выявленные недостатки и предлагается авторское видение способов их совершенствования.

Ключевые слова: безопасность жизнедеятельности, органы государственной власти, эффективность, органы местного самоуправления.

D. N. Marinkin

Perm State University; Prikamsky Social Institute, Perm, Russia

E. D. Soboleva

Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia, Saint-Petersburg, Russia

IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE FIELD OF HUMAN SECURITY

Marinkin Denis N. — Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Entrepreneurship and Economic Security; Head of the Department of Civil Law and Civil Procedure, Dean of the Faculty of Law.

E-mail: mdn444@yandex.ru

Soboleva Ekaterina D. — Master Student of the Direction of Training “Jurisprudence”.

E-mail: soboleva-ekaterina94@mail.ru

The problem of life security in modern conditions has become particularly acute and relevant in our country and in the world. In this article, the author explores the activities of local self-government bodies in the field of population security. Gives an analysis of the effectiveness of IAS bodies, as a result of which the identified shortcomings are noted and an author's vision of ways to improve them is offered.

Keywords: life safety, state authorities, efficiency, local self-government bodies.

В Российской Федерации, как и во многих странах мира, продолжает оставаться высоким риск возникновения чрезвычайных ситуаций, кроме того, возрастают потери среди населения, ухудшаются условия жизнедеятельности людей [5], возрастает размер материального ущерба, а также ухудшается экологическая обстановка.

Это обусловлено в первую очередь прогрессирующей урбанизацией территорий и, как следствие, антропогенным воздействием и наблюдающимся глобальным изменением климата на планете; кроме того, можно выделить такие причины, как ухудшение экологии, научно-технический прогресс и многое др. Вне зависимости от причин последствия любых чрезвычайных ситуаций (далее — ЧС) велики и необратимы.

Так, например, только в 2017 году, по данным Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, в России в результате 176 ЧС техногенного характера погибло 507 человек и 2 335 человек пострадало. В результате 42 ЧС природного характера погибло 33 человека и пострадало 33 964 человека [2].

В ноябре 2013 года была разработана концепция общественной безопасности в Российской Федерации на ближайшие семь лет включительно, согласно которой общественная безопасность представляет собой состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера¹.

Анализ данного понятия позволяет сделать вывод о том, что общественная безопасность гораздо шире отсутствия чрезвычайных ситуаций, она включает в себя защиту от многих иных факторов, которые влияют или могут влиять на безопасность жизнедеятельности человека.

В соответствии с Федеральным законом «О безопасности»² обеспечение безопасности жизнедеятельности муниципальных образований осуществляют федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органы местного самоуправления, которые наделяются соответствующими полномочиями и функциями.

Органы местного самоуправления являются на сегодняшний день самым эффективным элементом в механизме взаимоотношений системы управления с населением страны, именно поэтому участие органов местного самоуправления (далее — МСУ) в обеспечении безопасности жизнедеятельности граждан так необходимо. Нормативно-правовая база, регулирующая деятельность муниципальных образований в области безопасности жизнедеятельности, включает в себя следующие нормативно-правовые акты: Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Федеральный закон № 68-ФЗ «О защите насе-

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [Электронный ресурс] (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685). Доступ через справ.-правовую систему «КонсультантПлюс».

² О безопасности [Электронный ресурс]: федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015). Доступ через справ.-правовую систему «КонсультантПлюс».

ления и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», Федеральный закон № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹. Кроме того, каждый орган МСУ самостоятельно разрабатывает Устав, который включает в себя определение компетенций МСУ в различных сферах, а также Положения, направленные на обеспечение безопасности жизнедеятельности граждан.

Нельзя согласиться с мнением профессора А. И. Казанника, который считает, что в настоящее время органы муниципального управления осуществляют в сфере охраны общественной безопасности лишь координационную функцию [4], ведь законодатель наделил эти органы целым спектром обязанностей в данной сфере: ликвидация чрезвычайных ситуаций осуществляется их силами и средствами органов местного самоуправления, на территориях которых сложилась чрезвычайная ситуация. Функции органов МСУ в данной сфере включают в себя также создание городской системы мониторинга и прогнозирования ЧП, повышения эффективности деятельности по предупреждению чрезвычайных ситуаций, смягчению их последствий и др. [1].

Органы местного самоуправления обязаны оперативно и достоверно оповещать население через средства массовой информации, в том числе с использованием специализированных технических средств оповещения и информирования населения в местах массового пребывания людей и по иным каналам о состоянии защиты населения и территорий в чрезвычайных ситуациях, о приемах и способах защиты населения от них.

Также к вопросу местного значения в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера относится обучение неработающего населения².

Кроме того, органы МСУ обязаны проводить постоянную работу с населением, направленную на повышение безопасности жизнедеятельности граждан. Муниципальные органы и организации обязаны оказывать всемерное содействие аварийно-спасательным службам, аварийно-спасательным формированиям, следующим в зоны чрезвычайных ситуаций и проводящим работы по ликвидации чрезвычайных ситуаций, в том числе предоставлять им необходимые транспортные и материальные средства.

Однако далеко не всегда деятельность органов МСУ является эффективной. К одной из причин снижения эффективности деятельности муниципальных образований в сфере предупреждения и ликвидации последствий природных и техногенных катастроф, а также в других отраслях безопасности жизнедеятельности можно отнести фрагментарность законодательства. В общей сложности порядка двух тысяч нормативных правовых актов регулируют отношения в данной области, причем некоторые из них имеют противоречия, а некоторые вопросы так и остались не разрешены законодателем. Именно поэтому органам МСУ сложно ориентироваться в данном объеме нормативных актов, что впоследствии

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // Рос. газета. 08.10.2003. № 202; О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федер. закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Рос. газета. 24.12.1994. № 250; О пожарной безопасности: федер. закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Рос. газета. 05.01.1995. № 3; О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018, с изм. от 29.03.2019) // Рос. газета. 10.03.2006. № 48; О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 28.11.2018) // Рос. газета. 30.07.2002. № 138–139.

² Методические рекомендации по выполнению мероприятий в области гражданской обороны и защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга: приложение к приказу ГУ МЧС России по г. Санкт-Петербургу от 19.04.2010 № 189 [Электронный ресурс] // СПС «Право.ру». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/39303571/45219988/> (дата обращения: 27.11.2019).

также влияет и на нормативные правовые акты самих органов МСУ по вопросам обеспечения безопасности жизнедеятельности населения, которые остаются без модернизации.

Второй, не менее важной причиной, по нашему мнению, является безнаказанность органов МСУ в случае невыполнения ими требований законодательства в сфере безопасности жизнедеятельности граждан. Так, отсутствуют прецеденты по привлечению к ответственности сотрудников органов МСУ за непроведение обучения граждан по действиям при ЧС, за отсутствие необходимых продуктов питания и медицинского обеспечения на случай ЧС, за неинформирование граждан о правилах пожарной безопасности, за несвоевременную деятельность органов МСУ при ликвидации ЧС и т. д.

Безопасность жизнедеятельности граждан является одной из приоритетных задач государства, поэтому необходимо повышать эффективность деятельности органов МСУ, несмотря на возможные объективные причины, мешающие этому.

На сегодняшний день уже существуют различные методы по стимулированию повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления и определению лучших из них в области обеспечения безопасности жизнедеятельности населения.

Так, например, разработаны методические рекомендации по проведению смотроконкурса на звание «Лучший орган местного самоуправления муниципального образования в области обеспечения безопасности жизнедеятельности населения» [6].

Кроме того, каждое муниципальное образование формирует положение, целью которого является разработка мероприятий по обеспечению безопасности жизнедеятельности населения в чрезвычайных ситуациях мирного и военного времени, совершенствование деятельности органов управления, сил и средств в чрезвычайных ситуациях, системы оповещения руководящего состава и населения по сигналам гражданской обороны и в чрезвычайных ситуациях, создание условий для снижения рисков и смягчения последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Однако этого недостаточно. Например, А. М. Елин считает, что необходимо усилить муниципальный контроль в сфере охраны труда. Автор для этого предлагает на базе муниципального образования создавать специальную службу по охране труда, межведомственную комиссию по охране труда, профилактике производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, состоянию экологической и других видов безопасности. Такой положительный опыт есть в Алтайском и Краснодарском краях, Белгородской, Иркутской, Липецкой и Московской областях [3].

Безусловно, этот опыт является положительным, подтвержденный практическим способом, он может служить основанием для распространения его во всех регионах России.

Нами был проведен опрос, в котором приняли участие более 100 человек, проживающих на территории города Санкт-Петербурга, в возрасте от 18 до 50 лет. Респондентам было предложено ответить на три вопроса: 1) Знаете ли Вы, что делать в случае ЧС? 2) Хотели бы Вы получать информацию о ЧС через социальные сети? 3) Знаете ли Вы, где брать продукты питания и медицинские средства в случае ЧС? Варианты ответа: да/нет. 70 % опрошенных не знают, что делать в случае ЧС, при этом 78 % хотят получать информацию о ЧС через социальные сети, и 80 % респондентов не знают, где брать продукты питания и медицинские средства.

Таким образом, из проведенного опроса можно сделать следующие выводы: информированность граждан о том, что делать в случае ЧС, отсутствует; люди не знают, где брать продукты питания и медицинские средства в случае ЧС. При этом многим было бы удобно получать информацию о ЧС через социальные сети. Так, практика рассылки СМС-сообщений от МЧС с предупреждением о возможных природных аномалиях пользуется

большой популярностью, многие люди желают распространения такой информации с использованием социальных сетей.

Исходя из вышесказанного, можно выделить дополнительный способ повышения эффективности деятельности МСУ — ведение работы с населением, направленной на пропаганду культуры противопожарного поведения и на доведение до сведения граждан информации о порядке их действий в чрезвычайных ситуациях [7]. Именно знание граждан о том, как вести себя в чрезвычайных, экстренных ситуациях, будет способствовать более быстрой ликвидации ЧС, а также выполнению органами МСУ превентивной функции в сфере безопасности жизнедеятельности человека. Именно поэтому органам МСУ необходимо проводить информирование граждан о том, как им действовать в случае ЧС, как они могут участвовать в обеспечении безопасности жизнедеятельности граждан и др.

Правовое регулирование отношений в области защиты безопасности жизнедеятельности человека основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права и осуществляется федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Органы местного самоуправления в пределах своих полномочий могут принимать муниципальные правовые акты, регулирующие отношения, возникающие в связи с защитой безопасности жизнедеятельности человека. Как было отмечено ранее, количество нормативных правовых актов достаточно большое, поэтому автор предлагает кодифицировать имеющиеся в данной сфере законы, создав единый Кодекс по безопасности жизнедеятельности, который будет состоять из различных разделов (например, раздел 1 «О безопасности», раздел 2 «Предупреждение и ликвидация ЧС» и т. д.).

Считаем, что создание кодекса упростит использование нормативных правовых актов и сделает их применение на практике более эффективным. Кроме того, отдельно необходимо ввести ответственность для органов МСУ за невыполнение обязанностей в сфере безопасности жизнедеятельности.

Таким образом, только спектр всех вышеперечисленных действий позволит комплексно подойти к решению проблемы низкой эффективности деятельности органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности жизнедеятельности населения. Все предложения по совершенствованию законодательства основаны на теоретической базе проведенного исследования и являются авторским видением мер, направленных на повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления в сфере безопасности жизнедеятельности населения.

Библиографический список

1. Воронцов С. А. О концептуальном определении роли и места органов местного самоуправления в обеспечении безопасности, противодействии экстремизму и терроризму // Юристы. Правоведь. 2008. № 1. С. 79.
2. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2017 году» / МЧС России. ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ). М., 2018. 376 с.
3. Ильичев И. Е. Обеспечение безопасности жизнедеятельности муниципальных образований [Электронный ресурс] // Вестник Белгородского юридического института МВД РФ им. И. Д. Путилина. 2014. № 2. С. 9–16. URL: https://xn--90aij19g.xn--b1aew.xn--plai/upload/site131/document_file/OAZ7PRlpgs.pdf (дата обращения: 12.11.2019).
4. Казанник А. И. Муниципальная полиция в системе органов местного самоуправления России // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 6. С. 21–24.

5. Маринкин Д. Н. Современные дестабилизаторы безопасности общества и государства, тактика противодействия им // Национальная безопасность: стратегические приоритеты и система обеспечения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 28 апр. 2016 г.) / отв. ред. Н. В. Голохвастова; Прикам. соц. ин-т. Пермь, 2016. С. 59–63.

6. Методические рекомендации по проведению смотра-конкурса на звание «Лучший орган местного самоуправления муниципального образования в области обеспечения безопасности жизнедеятельности населения» от 20 марта 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71481222/> (дата обращения: 27.11.2019).

7. Сметанкина Г. И. Реформирование нормативной правовой базы в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций техногенного характера: материалы XXVII Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию МЧС России «Актуальные проблемы пожарной безопасности»: в 3 ч. / ФГБУ ВНИИПО МЧС России. М., 2015. С. 204–212.

Мхитарян Л. Ю., Ивонин А. С. Изменение порядка принятия мер антимонопольного реагирования по заявлениям физических лиц на действия (бездействие) субъектов естественной монополии по нарушению правил технологического присоединения к сетям ресурсоснабжения // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 25–31.

Mkhitaryan L. Yu., Ivonin A. S. Changes to the acceptance of the antimonopolic response by statements of individuals to the actions (inactions) of subjects of the natural monopolies in violation of the rules of technological connection to the resource supply networks. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 25–31. (In Russ.)

УДК 346.9

Л. Ю. Мхитарян

Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

А. С. Ивонин

Управление Федеральной антимонопольной службы по Пермскому краю;
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

ИЗМЕНЕНИЕ ПОРЯДКА ПРИНЯТИЯ МЕР АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕАГИРОВАНИЯ ПО ЗАЯВЛЕНИЯМ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ НА ДЕЙСТВИЯ (БЕЗДЕЙСТВИЕ) СУБЪЕКТОВ ЕСТЕСТВЕННОЙ МОНОПОЛИИ ПО НАРУШЕНИЮ ПРАВИЛ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К СЕТЯМ РЕСУРСΟΣНАБЖЕНИЯ

Мхитарян Людмила Юрьевна — кандидат юридических наук, заведующая кафедрой «Теория и практика управления»; доцент кафедры «Теория и история государства и права».

E-mail: Lmhitaryan@yandex.ru

Ивонин Антон Сергеевич — ведущий специалист-эксперт отдела контроля монополистической деятельности; магистрант заочного отделения направления «Юриспруденция» профиля «Юридические технологии в правотворчестве и применении права».

E-mail: ias_violonist@mail.ru

В статье анализируются изменения, связанные с принятием «четвертого антимонопольного пакета», в части процедуры рассмотрения обращений в антимонопольный орган физических лиц с жалобами на действия субъектов естественных монополий при осуществлении технологического присоединения к сетям ресурсоснабжения. Статья содержит краткий обзор правоприменительной практики антимонопольного законодательства по возбуждению административного производства за нарушение порядка технологического присоединения к сетям ресурсоснабжения, а также анализ изменения порядка восстановления нарушенных прав в результате совершения такого правонарушения.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование, «четвертый антимонопольный пакет», технологическое присоединение, естественные монополии.

L. Yu. Mkhitaryan

Perm Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation; Perm State University, Perm, Russia

A. S. Ivonin

Perm Office of Federal Antimonopoly Service; Perm State University, Perm, Russia

CHANGES TO THE ACCEPTANCE OF THE ANTIMONOPOLIC RESPONSE BY STATEMENTS OF INDIVIDUALS TO THE ACTIONS (IN ACTIONS) OF SUBJECTS OF THE NATURAL MONOPOLIES IN VIOLATION OF THE RULES OF TECHNOLOGICAL CONNECTION TO THE RESOURCE SUPPLY NETWORKS

Mkhitaryan Lyudmila Yu. — Candidate of Juridical Sciences, Head of the Department of Management Theory and Practice; Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law.

E-mail: LMhitaryan@yandex.ru

Ivonin Anton S. — Leading Specialist-expert at the Department of Monopolistic Activity Control; Master Student of the Direction of Training “Jurisprudence”, Specialization “Legal Technologies in Law-making and Law Enforcement”.

E-mail: ias_violonist@mail.ru

The article analyzes the changes associated with the adoption of the “fourth antitrust package”, in terms of the procedure for considering applications to the antimonopoly service of the individuals on the actions of natural monopolies in the process of technological connection to the resource supply networks. The article contains a brief review of the enforcement practice of antitrust legislation on the initiating administrative proceedings for violating the procedure for technological connection to resource supply networks, as well as the analysis of changes in the procedure for restoring violated rights as the result of such an offense.

Keywords: antimonopoly regulation, the “fourth antimonopoly package”, technological connection, natural monopolies.

В 2016 году вступили в силу изменения в основополагающий закон антимонопольного регулирования — Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹ (далее по тексту — Закон о защите конкуренции). В частности, изменения коснулись положений ст. 10 названного закона, которая посвящена запрету на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением. Согласно новой редакции ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции запрещаются действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта, результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей². Утратившая силу редакция указанной нормы содержала лишь правило о том, что результатом действий (бездействия) лица, занимающего доминирующее положение, должны или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц. В новой редакции норма ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции сократила круг отрицательных последствий от злоупотребления доминирующим положением, которые в настоящее время могут выражаться, в частности, лишь в ущемлении интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо интересов неопределенного круга потребителей.

Указанное изменение повлияло на процедуру рассмотрения поступающих в антимонопольный орган обращений (в том числе физических лиц) с жалобами на действия (бездействия) субъектов естественных монополий в сфере электро-, тепло-, газоснабжения,

¹ О защите конкуренции: федер. закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Рос. газета. 27.07.2006. № 162.

² О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 05.10.2015 № 275-ФЗ // Рос. газета. 07.10.2015. № 225.

водоснабжения и водоотведения. В условиях «замедления экономики» антимонопольная служба в 2010-х годах решила сосредоточиться на крупных и прецедентных делах, связанных с основной задачей антимонопольных органов — развитием конкуренции и борьбой с картельными объединениями [2, с. 5]. Однако, в свою очередь, к компетенции органа также относилось (и по-прежнему относится) рассмотрение дел по жалобам потребителей на действия (бездействие) субъектов естественных монополий, например отказ в заключении с физическим лицом договора об осуществлении мероприятий по подключению (технологическому присоединению) энергопринимающих устройств к электрическим сетям. Указанная категория дел, которые, по сути своей, аккумулируют защиту прав потребителей, получила название «дела дачников» [2, с. 5]. В случаях, где невозможной являлась выдача предупреждения о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства, либо об устранении причин и условий, способствовавших возникновению такого нарушения, и о принятии мер по устранению последствий такого нарушения (указание на прекращение нарушения антимонопольного законодательства в отсутствие возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства), принятием мер антимонопольного реагирования являлось признание нарушения антимонопольного законодательства по результатам процедуры возбуждения и рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства. Также по результатам рассмотренного антимонопольного дела антимонопольный орган мог выдать обязательное для исполнения предписание об устранении и (или) предотвращении нарушения антимонопольного законодательства. В свою очередь, именно решение по антимонопольному делу являлось основанием для возбуждения дела об административном правонарушении по вменяемому правонарушению и наложения административного взыскания¹.

Одной из причин отказа от «дел дачников» руководителем Федеральной антимонопольной службы России (далее — ФАС России) И. Ю. Артемьевым было названо отсутствие ресурсов (в том числе временных) для качественного экономического анализа в целях рассмотрения жалоб, а также отсутствие необходимости в «тяжелой артиллерии в виде оборотных штрафов» при рассмотрении данных дел [2, с. 5]. Федеральным законом от 05.10.2015 № 275-ФЗ, принятым во изменение Закона о защите конкуренции и получившим название «четвертого антимонопольного пакета», рассмотрение «дел дачников» было определено уже по менее «административно весомой» процедуре. Так, возбуждению дела об административном правонарушении по факту нарушения установленного порядка подключения (технологического присоединения) к сетям ресурсоснабжения уже не предшествовала процедура возбуждения и рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства, а ответственность за совершение правонарушения в указанных сферах была перенесена из ст. 14.31 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) в ст. 9.21 КоАП РФ, диспозиция которой по результатам вступления в силу «четвертого антимонопольного пакета» также претерпела изменения: из диспозиции ст. 14.31 КоАП РФ были выделены нарушения, не связанные с ущемлением интересов хозяйствующих субъектов либо интересов неопределенного круга потребителей: нарушение субъектом естественной монополии правил (порядка обеспечения) недискриминационного доступа или установленного порядка подключения (технологического присоединения) к магистральным нефтепроводам и (или) магистральным нефтепродуктопроводам, электрическим сетям, тепловым сетям, газораспределительным сетям или централизованным системам горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и водоотве-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Рос. газета. 31.12.2001. № 256.

дения. Поводом же для возбуждения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 9.21 КоАП РФ, в отношении потерпевших — физических лиц является непосредственное обнаружение достаточных данных о правонарушении, обращение самого физического лица, постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении, материалы из других государственных органов.

Дополнительно в течение года после вступления в силу «четвертого антимонопольного пакета» ФАС России разъяснила, что действия, образующие объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного ст. 9.21 КоАП РФ, при наличии установленного порядка подключения (технологического присоединения) подпадают под объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного ст. 9.21 КоАП РФ, и не могут быть рассмотрены на предмет наличия признаков нарушения, предусмотренного ст. 10 Закона о защите конкуренции¹. Как следствие, при рассмотрении дел о нарушениях порядка подключения (технологического присоединения) к сетям ресурсоснабжения антимонопольным органом в силу отсутствия правовых оснований не может быть разрешен вопрос о возможности выдачи хозяйствующему субъекту обязательного для исполнения предписания о прекращении нарушения антимонопольного законодательства (осуществления действий по устранению нарушения).

Между тем в рамках установленной процедуры административного производства вместо обязательного для исполнения предписания должностное лицо антимонопольного органа (или суд, если дело рассматривается судом) при установлении причин административного правонарушения и условий, способствовавших его совершению, может внести в соответствующие организации и соответствующим должностным лицам представление о принятии мер по устранению указанных причин и условий в порядке ст. 29.13 КоАП РФ. Организации и должностные лица обязаны рассмотреть представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, в течение месяца со дня его получения и сообщить о принятых мерах судье, в орган, должностному лицу, внесшим представление.

Кроме того, ФАС России было разъяснено, что «если объективная сторона административного правонарушения выражается в бездействии (такое правонарушение длящимся не является) и при этом у потерпевшего на дату вынесения постановления о назначении административного наказания сохраняется необходимость в получении услуги, то потерпевший вправе обратиться в суд с требованием о понуждении такого лица к совершению действий, соответствующих законодательству Российской Федерации»².

По результатам анализа изменений в законодательстве вследствие вступления в силу положений «четвертого антимонопольного пакета» в трансформации защиты физических лиц от действий (бездействия) субъектов естественных монополий явилось возможным выделить следующие шесть критериев.

1. Последствия для заявителей. Как указано ранее, изменениями законодательства сокращен круг отрицательных последствий от злоупотребления доминирующим положением, которые ранее выражались недифференцированно в ущемлении интересов других лиц, а в настоящее время — лишь субъектов предпринимательской деятельности либо интересов неопределенного круга потребителей. Тем самым сократился объем возбуждаемых дел о нарушении антимонопольного законодательства.

¹ Порядок применения Закона о защите конкуренции с учетом правил технологического присоединения, правил недискриминационного доступа, правил подключения и законодательства о теплоснабжении [Электронный ресурс]: разъяснение № 7 Президиума ФАС России, утвержденное протоколом Президиума ФАС России от 30.11.2016 № 15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

2. Защита прав физических лиц вследствие злоупотребления хозяйствующим субъектом доминирующим положением. По результатам рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства (кроме тех случаев, когда нарушителю выдавалось предупреждение без возбуждения антимонопольного дела) физические лица могли рассчитывать на выдачу антимонопольным органом нарушителю обязательного для исполнения предписания, за невыполнение которого предусмотрена административная ответственность. Вследствие вступления в силу положений «четвертого антимонопольного пакета» возможность возбуждения антимонопольных дел по фактам «единичных» и «точечных» нарушений в отношении физических лиц у антимонопольного органа перестала существовать (равно как и возможность антимонопольного органа выдавать предписания).

3. Вид защищаемых физическими лицами интересов. До изменений 2016 года антимонопольное дело могло быть возбуждено в результате допущенных нарушений в отношении физических лиц, причем в рамках рассмотрения антимонопольного дела по обращению одного физического лица потерпевшими могли быть признаны также дополнительные физические лица. Таким образом, единоличное заявление могло послужить отправной точкой к восстановлению нарушенных прав и свобод для иных физических лиц (по общности места совершения правонарушения, «целевой аудитории» нарушения и пр.), то есть обеспечивалась групповая защита интересов. После изменений 2016 года можно охарактеризовать схематичную тенденцию «один заявитель — одно производство по делу», то есть персонализацию защищаемых интересов.

4. Объект защищаемых интересов. Сузился также и круг защищаемых урегулированных законодательством общественных отношений, нарушения в которых являются основанием для привлечения к ответственности субъектов естественных монополий по обращениям физических лиц в настоящее время — отныне это лишь отношения, связанные с осуществлением подключения (технологического присоединения) к сетям ресурсоснабжения.

5. Способы восстановления нарушенных интересов физических лиц. Если до изменений 2016 года невыполнение субъектом естественной монополии каких-либо действий в отношении физического лица могло быть исчерпывающе компенсировано мерами досудебного принуждения, описанными в соответствующем антимонопольном предписании (а по суду могли быть взысканы возникшие убытки), то в настоящее время понудить субъект естественной монополии к совершению необходимых действий в большинстве случаев правомочен лишь судебный орган, что влечет для заявителя большие издержки по сравнению с предшествующим порядком.

6. Сложность доказывания негативных последствий действий (бездействия) естественных монополий. До вступления в силу положений «четвертого антимонопольного пакета» перечень нарушений субъектом естественной монополии при подключении (технологическом присоединении) к сетям ресурсоснабжения для антимонопольного разбирательства являлся «закрытым»: невыгодные условия договора, нарушение срока направления договора, отказ в заключении договора. Однако изменения 2016 года расширили объективную сторону нарушений субъектом естественной монополии правил подключения (технологического присоединения) к сетям ресурсоснабжения в полном объеме, чем было облегчено бремя доказывания вины субъекта естественной монополии в совершении правонарушения.

В рамках судебного правоприменения изменения защиты прав физических лиц можно назвать следующие примеры:

Обжалование заявителем — физическим лицом определения антимонопольного органа об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 9.21 КоАП РФ, производится в арбитражный суд субъекта (если определение должностного

лица не было обжаловано вышестоящему должностному лицу), при этом жалоба о признании определения незаконным государственной пошлиной не облагается [4, с. 13].

В отличие от трехмесячного срока рассмотрения жалобы на ненормативный правовой акт в порядке гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) жалоба на определение антимонопольного органа об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении рассматривается в течение двух месяцев согласно п. 2 гл. 25 АПК РФ [6, с. 2].

При рассмотрении жалоб хозяйствующих субъектов на постановления антимонопольного органа о привлечении к административной ответственности за нарушения установленного порядка подключения (технологического присоединения) объекта физического лица к сетям ресурсоснабжения суд по своей инициативе или по ходатайству административного органа и/или привлекаемого хозяйствующего субъекта может привлечь потерпевшего в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований. Однако зафиксирован пример, когда в привлечении в качестве третьего лица потерпевшего судом было отказано; дополнительно суд указал, что бремя доказывания вины хозяйствующего субъекта в совершении правонарушения не должно быть отнесено в большинстве своем на административный орган, вынесший постановление по административному делу. При этом подача потерпевшим искового заявления в судебный орган о понуждении естественной монополии к совершению действий в рамках той или иной публично-правовой обязанности наряду с обращением с жалобой в антимонопольный орган на действия субъекта естественной монополии, а также вынесение судом решения по исковому заявлению о признании нарушения в действиях субъекта естественной монополии позволяют ускорить рассмотрение дела в антимонопольном органе (или в судебном органе при обжаловании постановления) по существу [5, с. 3]. Однако при подаче искового заявления в судебный орган от потерпевшего требуется оплатить соответствующую государственную пошлину [1; 7].

Признание незаконным определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении в отношении хозяйствующего субъекта, допустившего нарушение установленного порядка подключения (технологического присоединения) объекта физического лица к сетям ресурсоснабжения, влечет направление материалов заявления на новое рассмотрение с учетом сроков давности привлечения к административной ответственности, при этом суд в решении об отмене определения антимонопольного органа может указать как на наличие состава правонарушения, так и на необходимость более полного расследования, не предвосхищая наличие события правонарушения [3, с. 6].

Таким образом, по результатам исследования изменений «четвертого антимонопольного пакета» становится возможным утверждать, что процедура защиты прав физических лиц от действий субъектов естественных монополий при нарушении установленного порядка подключения (технологического присоединения) к сетям ресурсоснабжения стала занимать более короткий временной промежуток в процедурной части непосредственного обнаружения и установления состава и события правонарушения.

Кроме того, акты антимонопольного органа по делам об административных нарушениях в отношении естественных монополий стали носить более персонифицированный характер в отношении потерпевших физических лиц, поскольку на основании данных актов у потерпевшего появилась дополнительная возможность восстановления нарушенных прав и интересов в порядке гражданского судопроизводства. В случае обжалования решений антимонопольного органа физическое лицо освобождается от уплаты государственной пошлины, равно как для потерпевшего в случае признания действий антимонопольного органа незаконными обеспечивается восстановление прав путем направления материалов дела на повторное рассмотрение.

В свою очередь, потерпевшие от действий (бездействия) субъектов естественных монополий физические лица стали лишены возможности восстановления своих нарушенных прав и интересов путем выдачи антимонопольным органом соответствующего предписания о прекращении нарушения антимонопольного законодательства: обращение заявителя в антимонопольный орган не облагается государственной пошлиной, в аналогичных исковых заявлениях в судебные органы уплата государственной пошлины является обязанностью потерпевшего.

Библиографический список

1. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 27.09.2017 по делу № 33-9643/1 [Электронный ресурс] // Пермский краевой суд: офиц. сайт. URL: https://oblsud-perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3105933&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 05.11.2019).
2. Лютова М. Назад к свободе [Электронный ресурс] // Ведомости ФОРУМ. 2013. № 13. С. 5–7. URL: http://artdelex.ru/files/publications/Форум_2013.pdf (дата обращения: 05.11.2019).
3. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.08.2019 по делу № А50-26664/2018 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/66b09add-3dbc-471b-9619-91e4027d7cac/92a7c543-2ea2-4692-811d-f88ba4b33d77/A50-26664-2018_20190805_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 05.11.2019).
4. Решение Арбитражного суда Пермского края от 07.11.2017 по делу № А50-22465/2017 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ffadbb47-9977-42da-864e-fa8b85a32d29/1371a997-50e2-4eff-81ef-0d38c5db3a6e/A50-22465-2017_20171107_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 05.11.2019).
5. Решение Арбитражного суда Пермского края от 09.11.2017 по делу № А50П-470/2017 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8f060597-97b5-4aa6-9afe-34760271c8fc/37397b77-83bd-4458-8302-2919257c1e46/A50P-470-2017_20171109_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 05.11.2019).
6. Решение Арбитражного суда Пермского края от 17.01.2019 по делу А50-26664/2018 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/66b09add-3dbc-471b-9619-91e4027d7cac/9e5484bb-3527-4591-906d-37677750ab83/A50-26664-2018_20190117_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 05.11.2019).
7. Решение Кудымкарского городского суда от 07.06.2017 по делу № 2-590/2017 ~ М-518/2017 [Электронный ресурс] // Кудымкарский городской суд: офиц. сайт. URL: https://kudimkarsky-perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=23688916&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 05.11.2019).

Мхитарян Л. Ю., Мхитарян А. С. Лишение права собственности вследствие самовольной перепланировки помещения // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 32–36.

Mkhitaryan L. Yu., Mkhitaryan A. S. Deprivation of property rights in consequence of an unauthorized re-planning of premises. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 32–36. (In Russ.)

УДК 347.233.1

Л. Ю. Мхитарян

Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

А. С. Мхитарян

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

**ЛИШЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ВСЛЕДСТВИЕ
САМОВОЛЬНОЙ ПЕРЕПЛАНИРОВКИ ПОМЕЩЕНИЯ**

Мхитарян Людмила Юрьевна — кандидат юридических наук, заведующая кафедрой «Теория и практика управления»; доцент кафедры «Теория и история государства и права».

E-mail: LMhitaryan@yandex.ru

Мхитарян Алина Самвеловна — магистрант направления подготовки «Юриспруденция».

E-mail: Alyaalina2014@yandex.ru

В статье анализируется правовая природа переустройства и перепланировки помещения. Установлено, что, согласно российскому законодательству, переустройство и перепланировка не могут быть осуществлены без согласования с органами местного самоуправления. Приводятся нормы законодательства о привлечении к ответственности за самовольное переустройство и перепланировку. Подчеркивается значимость необходимости согласования переустройства и перепланировки с приведением примеров судебной практики. Особое внимание обращается на практику судов, решениями которых собственник был лишен права собственности на помещение.

Ключевые слова: переустройство, перепланировка, юридическая ответственность, лишение права собственности, судебная практика.

L. Yu. Mkhitaryan

Perm Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation; Perm State University, Perm, Russia

A. S. Mkhitaryan

Perm State University, Perm, Russia

**DEPRIVATION OF PROPERTY RIGHTS IN CONSEQUENCE
OF AN UNAUTHORIZED RE-PLANNING OF PREMISES**

Mkhitaryan Lyudmila Yu. — Candidat of Juridical Sciences, Head of the Department of Management Theory and Practice; Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law.

E-mail: LMhitaryan@yandex.ru

Mkhitaryan Alina S. — Master Student of the Direction of Training “Jurisprudence”.
E-mail: *Alyaalina2014@yandex.ru*

The article analyzes the legal nature of the reorganization and re-planning of the premises. It is established that, according to the Russian legislation, the reorganization and re-planning cannot be carried out without the coordination with local governments. The norms of legislation on bringing to responsibility for unauthorized reorganization and re-planning are given. The importance of the need to harmonize the reorganization and re-planning with the examples of judicial practice is emphasized. Particular attention is drawn to the practice of the courts, by whose decisions the owner was deprived of the right of ownership of the premises.

Keywords: reorganization, re-planning, legal liability, deprivation of property rights, arbitrage practice.

Переустройство и перепланировка помещения — одни из немногих примеров пользования объектом, принадлежащим на праве собственности, разрешенный российским законодательством. Однако на практике нередки случаи привлечения собственника к юридической ответственности вследствие их самовольного осуществления. В связи с этим возникают вопросы: в каких случаях собственник может быть привлечен к ответственности за перепланировку или переустройство помещения; всегда ли указанные действия необходимо осуществлять с разрешения уполномоченных органов; какие негативные последствия могут наступить для собственника ввиду самовольной перепланировки, переустройства помещения и, собственно, где границы их самовольного видоизменения, требующие внесения в технический паспорт?

Для начала следует разграничить правовую природу понятий «перепланировка» и «переустройство». Свое законодательное закрепление оба термина находят в гл. 4 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ)¹. При этом переустройство помещения означает установку, замену или перенос инженерных сетей, санитарно-технического, электрического или другого оборудования, а перепланировка подразумевает изменение конфигурации помещения, о чем говорится в ст. 25 ЖК РФ.

Указанные виды изменения помещения, осуществляемые, на первый взгляд, лишь по усмотрению и воле самого собственника помещения, тем не менее не могут быть осуществлены им без специального разрешения. Необходимость их согласования с органом местного самоуправления, а также получение от органа разрешения на указанные действия обусловлены, прежде всего, безопасностью не только самого собственника и членов его семьи, но и жителей многоквартирного дома, проживающих по соседству с помещением, в котором происходят указанные изменения.

Таким образом, согласование переустройства и перепланировки помещения обязательно во всех без исключения случаях с органом местного самоуправления. Для этого необходимо, согласно процедуре, оговоренной в ст. 26 ЖК РФ, предоставить в орган по согласованию проводимого переустройства, перепланировки помещения следующие документы:

- 1) заявление об осуществлении указанных действий;
- 2) правоустанавливающие документы (например, свидетельство о праве собственности);
- 3) проект планируемого переустройства, перепланировки помещения;
- 4) технический паспорт помещения;
- 5) согласие всех членов семьи нанимателя, оформленное в письменном виде;
- 6) заключение органа по охране памятников архитектуры, истории и культуры о допустимости проведения переустройства, перепланировки помещения.

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 22.01.2019) // Рос. газета. 12.01.2005. № 1.

В дальнейшем орган, осуществляющий согласование, вправе либо выдать разрешение на указанные виды изменения помещения, либо отказать в их осуществлении. В случае если собственник не согласовал с органом местного самоуправления осуществление переустройства и перепланировки помещения либо при отказе соответствующего органа, вышеуказанные действия будут признаны самовольными, что повлечет в дальнейшем привлечение собственника к ответственности. По правилам ст. 29 ЖК РФ суд может:

- 1) сохранить помещение в переустроенном, перепланированном виде;
- 2) обязать собственника привести помещение в первоначальное состояние;
- 3) обязать собственника выплатить административный штраф в размере от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей, о чем говорится в п. 2 ст. 7.21 Кодекса об административных нарушениях (далее — КоАП РФ)¹;
- 4) принять решение о продаже с публичных торгов помещения с выплатой собственнику вырученных средств от продажи.

Так, нередко случаи получения увечий иными жильцами дома ввиду осуществляемой перепланировки, переустройства помещения их соседом. Например, одно из таких дел, взятых из судебной практики, было инициировано по иску Т. Н. Диденко и М. А. Повякало к их соседу в многоквартирном доме А. Ф. Черкасову о возмещении убытков, причиненных самовольной перепланировкой квартиры, принадлежащей на праве собственности ответчику. Истцы ходатайствовали о признании переустройства и перепланировки Черкасовым самовольными, в связи с чем просили суд взыскать с ответчика ущерб на сумму более ста шестидесяти тысяч рублей, не считая судебных издержек. Ущерб, причиненный истцам, был подтвержден экспертным заключением, а вред выражался в образовании многочисленных трещин в конструкциях несущих бетонных стен. В итоге Артемовским городским судом Приморского края от 02.06.2015 по делу № 2-1/2015 было решено взыскать с ответчика ущерб в пользу истцов в размере указанной суммы [4].

Помимо соблюдения прав и законных интересов жильцов многоквартирного дома, получение разрешения на переустройство и перепланировку помещения необходимо для осуществления охраны памятников истории и культуры (пп. 6 п. 2 ст. 26 ЖК РФ). Так, решением Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 02.07.2015, оставленным без изменения постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.10.2015 и постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.02.2016, требования истца — администрации Адмиралтейского района Санкт-Петербурга к ответчику (Товарищество собственников жилья «Галерная 50») в части обязанности по восстановлению первоначального состояния чердачного помещения, а также восстановления крыши здания были удовлетворены. Как указывается в деле, судами было установлено, что новый объект (нежилое помещение мансардного этажа) возник в результате проведения работ по реконструкции чердачного помещения на основании заказа товарищества. Таким образом, было констатировано самовольное переустройство объекта. В суд не были предоставлены доказательства о получении разрешения на указанные виды реконструкции, а также то, что указанные деяния не создавали угрозу жизни и здоровью граждан. В связи с этим суд посчитал, что спорный объект нарушает права и законные интересы собственника помещений в доме и публичные интересы в сфере охраны памятников истории и культуры, реконструкция чердачного помещения произведена в нарушение действующего законодательства и создает угрозу жизни и здоровью граждан. Ответчику по данному делу было отказано в передаче жалобы для рас-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Рос. газета. 31.12.2001. № 256.

смотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации [2].

Как показывает практика, дела о привлечении собственников к административной ответственности за самовольную перепланировку и (или) переустройство довольно нередки. Так, согласно данным Инспекции государственного жилищного надзора Пермского края, за 2018 год было рассмотрено 131 дело о привлечении к ответственности по ст. 7.21 КоАП РФ из общего количества 557 дел об административных правонарушениях, инициированных этим государственным органом [1]. Указанные данные свидетельствуют о том, что примерно четверть из проверок, проводимых по административным правонарушениям, приходится именно на выявление фактов осуществления самовольной перепланировки, переустройства помещения, что может говорить, во-первых, о юридической неосведомленности населения об ответственности, во-вторых, о нежелании согласовывать в соответствии с законодательной процедурой осуществляемые изменения.

Следует отметить, что суды далеко не всегда удовлетворяют иски муниципальных властей с требованиями по обязанности собственника вернуть помещение в первоначальное состояние и зачастую принимают сторону собственника и сохраняют помещение в переделанном виде. Однако такая практика возможна лишь в случае, если осуществленная перепланировка не нарушает, по мнению суда, прав и законных интересов иных граждан, о чем говорится в п. 4 ст. 29 ЖК РФ. Так, например, решением Дзержинского районного суда города Перми от 17 мая 2018 года по делу № 2-2044/2018 было решено сохранить помещение в перепланированном виде. Суд посчитал, что произведенная самовольная перепланировка не нарушает требований законодательства, прав и интересов других лиц, общее имущество и несущие стены жилого дома в результате перепланировки не затронуты, при выполнении предусмотренных проектом перепланировки работ соблюдены обязательные требования экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных, строительных норм и правил, угрозы жизни и здоровью граждан не имеется [5].

Похожее обоснование содержится и в решении Курчатовского районного суда г. Челябинска от 28.09.2018 по делу № 2-4585/2018, в ходе которого суд также разрешил собственнику сохранить помещение в перепланированном виде [6].

Однако следует упомянуть о законодательно закрепленной возможности для судов выносить решение, влекущее продажу помещения с публичных торгов. При этом реализация нормы, закрепленной в пп. 1 п. 5 ст. 29 ЖК РФ, хотя и встречается крайне редко в судебной практике, всё же создает предпосылки для дискуссий по вопросу о принудительном лишении права собственности.

Так, Головинским районным судом Москвы в деле № 02-1062/2016 от 24.08.2016 ответчик, собственник помещения, был по решению суда лишен права собственности на него. Суд постановил продать помещение с публичных торгов после того, как собственник осуществил самовольную перепланировку, а впоследствии отказался привести помещение в установленный срок в первоначальное состояние [7]. Данный случай положил начало целой плеяде судебных дел, в ходе которых собственники были лишены права собственности на помещение [8].

Цели реализации указанной нормы ясны: соблюдая баланс интересов собственника, учинившего самовольную перепланировку, переустройство помещения вопреки предписанию органа, осуществляющего согласование, законодатель реализует карательную меру — продажу помещения с торгов. Также следует помнить о том, что собственник изначально обладает правом выбора: санкция за самовольное изменение помещения заключается, прежде всего, в предписании вернуть объект недвижимости в первоначальное состояние. Лишь в случае нарушения данного предписания собственник лишается права собственности.

Хочется также обратить внимание на то, что в ряде случаев, вопреки наличию согласованного проекта с органом местного самоуправления и разрешения на проведение перепланировки и (или) переустройства помещения, не исключены непредвиденные обстоятельства. Например, недавнее дело из судебной практики: суд обязал собственника помещения компенсировать ущерб в размере пятидесяти шести миллионов рублей за причиненный вред, выразившийся в обрушении несущей колонны, изменении конфигурации стен. Проект согласованных изменений перепланировок, а также разрешение на осуществление перепланировки помещения у собственника имелись, однако в ходе работ были допущены ошибки, приведшие к столь значительным последствиям [3].

В ст. 235 Гражданского кодекса РФ в п. 1 перечислены основания прекращения права собственности. Среди прочих оснований в ней указывается, что право собственности может быть прекращено на иных основаниях, предусмотренных законом. Считаем, что данная формулировка означает открытый перечень оснований лишения права собственности, а также то, что к нему может быть применена указанная норма п. 3 ст. 29 ЖК РФ — о продаже помещения с публичных торгов. Ввиду этого такое принудительное лишение права собственности не противоречит гражданскому законодательству, особенно учитывая специальный характер применения норм жилищного законодательства перед общим — гражданским, на что неоднократно указывал Верховный суд Российской Федерации¹.

Обобщая вышесказанное, хочется отметить, что судам в каждом конкретном случае следует исходить из специфики судебного разбирательства, обстоятельств дела, руководствуясь, как представляется, наиболее значимым аргументом в вопросе об обязанности собственника вернуть помещение в первоначальное состояние — безопасности граждан. Ввиду этого баланс интересов собственника, учинившего изменение помещения, хотя и принадлежащего ему на праве собственности, и граждан, проживающих с ним по соседству, может и должен нарушаться и, несомненно, в пользу интересов иных жильцов, проживающих в многоквартирном доме.

Библиографический список

1. Информация о проведенных ИГЖН ПК проверках и их результатах за 12 месяцев 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://iggn.permkrai.ru/check/informatsiya-o-provedennykh-igzhn-pk-proverkakh-i-ikh-rezultatakh-za-12-mesyatsev-2018-goda/> (дата обращения: 25.03.2019).
2. Определение Верховного суда РФ от 30 мая 2016 г. по делу № А56-73617/2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/z3G0vEQBQULK/> (дата обращения: 29.03.2019).
3. Петербуржец заплатит 56 миллионов рублей за перепланировку в квартире [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/03/27/reg-szfo/peterburzhec-zaplatit-56-mln-rublej-za-pereplanirovku-v-kvartire.html> (дата обращения: 27.03.2019).
4. Решение Артемовского городского суда по делу №2-1/2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/EbzfikeUcUlu/> (дата обращения: 29.03.2019).
5. Решение Дзержинского районного суда г. Перми по делу № 2-2044/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zUcmj4kHbvg1/?regular-txt> (дата обращения: 29.03.2019).
6. Решение Курчатовского районного суда г. Челябинска по делу № 2-4585/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2Zldl3ODYG1m/?regular-txt> (дата обращения: 29.03.2019).
7. Решение Головинского районного суда г. Москвы по делу № 02-1062/2016 от 24.08.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/golovinskij/services/cases/civil/details/c35001ce-8819-4f87-8bb2-296f4f8e692f?participants=%D0%BA%D1%80%D1%8E%D1%87%D0%BA%D0%BE%D0%B2+%D0%B2+%D0%B2> (дата обращения: 25.03.2019).
8. Россиян начали лишать жилья за самовольные перепланировки [Электронный ресурс]. URL: <https://ura.news/news/1052373919> (дата обращения: 25.03.2019).

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 // Рос. газета. 30.06.2015. № 140.

Никитина И. Ф., Лядова А. С. Противодействие распространению и профилактика радикальной деструктивной идеологии в молодежной среде // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 37–44.

Nikitina I. F., Lyadova A. S. Countering the spread and prevention of radical destructive ideology among young people. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 37–44. (In Russ.)

УДК 343.85

И. Ф. Никитина, А. С. Лядова

Прикамский социальный институт, Пермь, Россия

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ И ПРОФИЛАКТИКА РАДИКАЛЬНОЙ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Никитина Инна Филипповна — кандидат юридических наук, доцент кафедры «Конституционное, муниципальное и административное право».

E-mail: nikinna@rambler.ru

Лядова Анжелика Сергеевна — младший научный сотрудник научного отдела, старший преподаватель кафедры «Теория и история государства и права».

E-mail: liadova.an@yandex.ru

В статье рассматриваются молодежные субкультуры экстремистской направленности, их особенности, причины возникновения и основные способы их распространения. Отмечается необходимость разработки и реализации комплексной системы борьбы с расширением влияния данного вида субкультур среди молодежи. Определены основные направления и предложен ряд возможных мер профилактики и противодействия распространению подобной деструктивной идеологии.

Ключевые слова: молодежь, экстремизм, социальные сети, противодействие распространению субкультуры.

I. F. Nikitina, A. S. Lyadova

Prikamsky Social Institute, Perm, Russia

COUNTERING THE SPREAD AND PREVENTION OF RADICAL DESTRUCTIVE IDEOLOGY AMONG YOUNG PEOPLE

Nikitina Inna F. — Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Constitutional, Municipal and Administrative Law.

E-mail: nikinna@rambler.ru

Lyadova Angelica S. — Research Assistant, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law.

E-mail: liadova.an@yandex.ru

This article discusses youth subcultures of an extremist orientation, their features, causes and main ways of their distribution. The need for the development and implementation of an integrated system to combat the expanding influence of this type of subculture among young people is noted. The main directions are identified and a number of possible preventive measures and counteracting the spread of such a destructive ideology are proposed.

Keywords: youth, extremism, social networks, counteraction to the spread of subculture.

Как известно, молодежь наиболее остро воспринимает окружающую действительность и в силу этого является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала. Под воздействием общественно-экономических и иных факторов, в наибольшей степени способных оказывать деструктивное влияние на сознание и поведение людей в обществе, в молодежной среде довольно легко формируются радикальные взгляды и убеждения. Это способствует тому, что молодые граждане пополняют ряды деструктивных, экстремистских и криминальных организаций, которые активно используют российскую молодежь в своих интересах.

Своеобразной «питательной почвой» для распространения деструктивной идеологии в молодежной среде являются многочисленные молодежные неформальные объединения — молодежные субкультуры.

Молодежная субкультура — это попытка адаптации молодежных групп внутри системы официальной базовой культуры общества, стремление очертить собственные представления о ценностных ориентирах, определяющих жизнь в социуме, и выразить свою независимую и отличительную ментальность. Следует отметить, что далеко не все субкультурные группы являются деструктивными. Достаточно большая часть несет в себе позитивное или нейтральное отношение к окружающей действительности. Однако в последнее время во многих регионах отмечается рост противоправных проявлений в поведении подростков и молодежи, увеличивается количество экстремистских действий, фиксируются факты организации радикальных организаций, распространения деструктивной идеологии.

Группировки экстремистской направленности, деструктивные субкультуры — форма выражения ограниченными социальными образованиями своей культурной специфики, отличающейся от общепринятой в данном обществе; им присуще определенное мироощущение и мировосприятие, схема образа жизни, принципов поведения в социуме. Главной задачей деструктивной, экстремистски ориентированной субкультуры является создание «нового человека», формирование новых отношений между людьми, выработка новых социальных моральных норм, принципов, идеалов, этических критериев в соответствии с собственными, принятыми только в данной среде представлениями. Характерные черты молодежных неформальных организаций и, конкретно, деструктивных группировок представлены в таблице.

Основными факторами риска возникновения асоциальных молодежных групп с деструктивной и экстремистской идеологией являются следующие:

- деформация семейных отношений;
- недостатки в учебно-воспитательной работе образовательных учреждений и организаций;
- нарушение позитивного взаимодействия подростков и молодежи в социуме, в связи с этим появление различных форм дезориентации и девиации, отсутствие у несовершеннолетних твердых нравственных взглядов и убеждений;
- перенос общественно-организаторской и коммуникативной активности подростков в сферу виртуального общения, которое носит свободный поисковый характер, что порождает неформальный, неорганизованный асоциальный характер деятельности и отношений;
- постепенное отчуждение подростков и молодежи от привычных социально полезных групп (семьи, класса, студенческой группы и др.);
- пропаганда ценностей, чуждых общепринятому культурному и ментальному коду российского общества.

Таблица

Особенности молодежных неформальных организаций и деструктивных группировок

Молодежные неформальные организации	Молодежные деструктивные группировки
Основная атмосфера — игра, совместная позитивная деятельность.	Основная стихия — митинг, протестные публичные акции.
Наличие оппозиции «они» — «мы».	Наличие общего значимого врага, деление человечества на две большие группы: «своих» и «чужих», на друзей и врагов (неважно, по какому принципу проводится это деление, оно всегда характеризует антигуманную идеологию).
Конструктивная деятельность, направленная на создание своего мира в уже существующем социальном пространстве.	Деструктивная деятельность, направленная на победу над «врагом». Критическая, неконструктивная оценка существующей социальной реальности, противопоставление своих представлений реальному положению вещей, выражение осознаваемого в форме резкого конфликта между «истинным идеалом и ложной реальностью».
Борьба за свое место среди «других».	Борьба за победу над «другими», подчинение и доминирование.
Открытость, диалог.	Закрытость, противостояние, нетерпимость к оппонентам, отрицание инакомыслия.
Пассивно-оборонительная позиция.	Агрессивно-наступательная позиция.
Цель — изменение самого себя для нахождения своего места в обществе.	Цель — изменение общества «под себя».
Методы: свободное от навязывания распространение своих идей и принципов, в основе которого лежит демонстрация положительного общественно полезного опыта.	Методы: принудительное распространение своих взглядов и принципов; применение насилия по отношению к любым лицам, не разделяющим убеждения данной группы.

Деструктивная экстремистская субкультура с присущей ей идеологией заменяет собой общепринятые в обществе ценности и деформирует правосознание, пропагандируя привлекательность антисоциального образа жизни. Она базируется на дефектах правосознания: социально-правовом инфантилизме, правовом бескультурье, социально-правовом негативизме, цинизме — и формируется в особой «философии» криминального образа жизни.

Деструктивная субкультура наиболее привлекательна для определенной части молодежи по следующим причинам, во многом связанным с возрастными особенностями несовершеннолетних:

- наличие ярко выраженных, нестандартных возможностей для самоутверждения и компенсации неудачного жизненного опыта (например, при сложных взаимоотношениях с родителями и сверстниками);
- рискованность криминального образа жизни, наличие экстремальных ситуаций, позволяющих попробовать, испытать себя;
- отсутствие моральных ограничений, создающее иллюзорность свободы во всех ее проявлениях;
- ощущение собственной значимости за счет причисления себя к закрытому кругу (ощущение избранности);
- компенсация состояния возрастного одиночества, переживаемого несовершеннолетним;

– возможность реализоваться в социуме, противопоставляя себя «несправедливому обществу».

В подростково-молодежной среде экстремистская идеология имеет свои особенности, обусловленные спецификой молодежи как социальной группы. В стремлении обрести самостоятельность и независимость от взрослых подросткам приходится преодолевать внутренние противоречия (застенчивость и агрессивность, открытость и замкнутость, нигилизм и фанатизм). Внешние противоречия возникают на стыке взаимодействия молодежи с обществом, при столкновении с его жесткими требованиями. Это нередко проявляется в дискриминации молодежи по возрастному признаку, в нарушении ее прав в разных сферах жизни. Молодые люди не могут не реагировать на подобное отношения к ним, нередко выбирая экстремальные формы защиты [1].

Меняющаяся социальная реальность предлагает новые и наиболее эффективные способы продвижения информации, а стало быть, формы и способы распространения деструктивной идеологии.

Одним из мощнейших инструментов пропаганды деструктивных, криминальных, экстремистских взглядов стала Глобальная сеть. Этому поспособствовала сама специфика сети Интернет. Во-первых, это простота и дешевизна доступа. Редко сегодня можно увидеть молодого человека без современных гаджетов, обеспечивающих ему доступ в виртуальное пространство. Во-вторых, это отсутствие ограничений потенциальной аудитории. Интернет-ресурсы аккумулируют на своих площадках огромное количество подписчиков. В-третьих, очень высокая скорость передачи информации, что позволяет получать и распространять информационные потоки в больших объемах и в течение очень короткого времени. В-четвертых, затруднение, а чаще всего невозможность контроля над Интернетом со стороны правоохранительных органов. Действительность такова, что технологии отслеживания и контроля за виртуальным пространством сегодня еще не являются достаточно эффективными. И дело не только в технологических процессах. Система бюрократических процедур сегодня мешает даже структурам Роскомнадзора вовремя реагировать и ограничивать вредоносный контент.

На фоне этого актуальными способами распространения идеологии деструктивизма и экстремизма в молодежной среде становятся:

- социальные сети и информационные порталы («ВКонтакте», «Фейсбук», «Медиа» и т. п.)
- интернет-сообщества, тематические форумы («Привет со дна», «Группа смерти», «Тихий дом», «Киты», «МореКитов», «Рина», «Беги или умри»);
- интернет-игры (так, например, в сети Интернет представителями националистических организаций создан ряд ресурсов, на которых пропагандируется разжигание межнациональной, расовой и религиозной вражды путем проведения интернет-игр под общим названием «Большая игра. Сломай систему!». Целью указанной игры является пропаганда идей национал-социализма) [2].

Приходится констатировать, что в данном противостоянии распространения деструктивной идеологии и противодействия этим процессам пока лидируют совсем не силы охраны правопорядка и надзора за законностью.

Еще одной формой распространения деструктивных экстремистских взглядов становится флешмоб-технология. Это новое явление, появившееся не более 10 лет назад и ставшее крайне популярным. Флешмоб-технологии широко применяются в рекламных компаниях как средство эффективного продвижения товаров, услуг и т. п. Однако их потенциал активно используют и представители различных деструктивно настроенных молодежных формирований.

Причины привлекательности флешмоб-технологии для экстремистских и деструктивных организаций и движений кроются в следующем. Организация и проведение акций по флешмоб-технологии практически не подпадают под действие законодательства Российской Федерации. Их участникам можно предъявить лишь косвенные обвинения, связанные в основном с нарушением общественно порядка, а организаторы остаются вне поля административно-уголовной ответственности. Подготовка к проведению акций по флешмоб-технологии характеризуется высоким уровнем скрытности, что осложняет их своевременное выявление и предупреждение. Также затруднительно установить заказчиков и организаторов акций. Всегда существует возможность перерастания рядовой акции по флешмоб-технологии в экстремистскую или протестную путем осуществления заранее спланированных организационных мер и психологического воздействия на большое количество людей.

Целевая аудитория акций по флешмоб-технологии — это наиболее активная часть населения — молодежь, у которой система жизненных ценностей еще до конца не сформировалась, ей традиционно присущи определенный нигилизм, переоценка собственных возможностей и желание самовыражения. Этим при умелом манипулировании могут эффективно воспользоваться экстремисты и политтехнологи в противоправных целях. Акции по флешмоб-технологии зачастую могут выполнять «детонирующую» функцию: немногочисленные поначалу, они в короткий промежуток времени вовлекают в процесс посторонних людей — наблюдателей и прохожих, которые становятся сочувствующими.

Ряд событий в Российской Федерации показал, что в настоящее время эти две формы чаще всего используются совместно. Распространенная в Сети информация, призыв к действию позволяет в короткие сроки собрать большие группы молодежи в определенном месте для проведения конкретных акций.

В этих условиях существенно возрастает роль профилактической работы по предотвращению распространения деструктивной экстремистской идеологии в молодежной среде.

На сегодняшний день можно предложить несколько моделей, способствующих достижению данной цели:

Первая модель — это модель профилактики, основанная на усилении роли традиционных институтов социализации.

В основе данной модели лежит идея рационального сокращения свободного, неконтролируемого пространства социализации молодого человека. Действия органов власти должны быть направлены на усиление и интеграцию воспитательного воздействия семьи, школы, учреждений профессионального образования различного уровня, общественных объединений, средств массовой информации. Жизнедеятельность подростка или молодого человека протекает в искусственно созданных конструктивных, позитивных полях, в рамках которых происходит его взросление, усвоение норм и стереотипов поведения в обществе, решение важнейших мировоззренческих проблем. Основным ресурсом данной модели является система образования, представляющая собой наиболее организованный, проникающий практически во все сферы жизнедеятельности общества институт.

Предполагается, что государством и местным самоуправлением создаются такие условия для молодого человека, которые существенно снижают проявления экстремистской активности. Для успешной реализации модели необходимо создание и развитие позитивных молодежных средств массовой информации (при полном обеспечении этими СМИ свободы печати), способных выполнять гражданскую, социализирующую функцию.

Важное место в общей системе профилактики отводится деятельности детских и молодежных общественных объединений, задачей которых является организация позитивного развивающего досуга подростков и молодежи. Для того чтобы их деятельность была эффективной и привлекательной для молодого поколения, необходимо оказание органами власти системной комплексной поддержки подобным объединениям. Это позволит развить материально-техническую базу, кадровый, социальный, творческий потенциал общественных организаций [3].

Данная модель может рассматриваться как вариант оперативного вмешательства государства в ситуацию в случае роста экстремистских проявлений в молодежной среде. Также данная модель может быть применена и в отдельных регионах, находящихся на периферии, где слабо развито общественное молодежное движение и процесс социализации молодого поколения в основном протекает в рамках традиционных институтов.

Реализация данной модели предполагает формирование правового сознания молодежи, ее информирование о правовых последствиях участия в экстремистской деятельности.

Молодые люди при достижении установленного законом возраста могут быть привлечены как к административной, так и к уголовной ответственности.

В Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации имеются две статьи, предусматривающие ответственность за совершение правонарушения экстремистского характера: это ст. 20.3 — пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики; ст. 20.29 — производство и распространение экстремистских материалов.

Вместе с тем Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации предусматривает ответственность за другие противоправные действия, которые также могут носить экстремистский характер или исходить из экстремистских побуждений. К их числу можно отнести: нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях (ст. 5.26); незаконные действия по отношению к государственным символам Российской Федерации (ст. 17.10); мелкое хулиганство (ст. 20.1); нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 20.2); организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности (ст. 20.2(1))¹.

Уголовная ответственность предусмотрена за совершение противоправных деяний экстремистской направленности, к числу которых относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (ст. 105 — убийство; ст. 111 — умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; ст. 112 — умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью; ст. 115 — умышленное причинение легкого вреда здоровью; ст. 116 — побои; ст. 117 — истязание; ст. 119 — угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; ст. 136 — нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина; ст. 148 — воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий; ст. 149 — воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них; ст. 150 — вовлечение

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

несовершеннолетнего в совершение преступления; ст. 212 — массовые беспорядки; ст. 213 — хулиганство; ст. 214 — вандализм; ст. 239 — организация объединения, посягающего на личность и права граждан; ст. 243 — уничтожение или повреждение памятников истории и культуры; ст. 244 — надругательство над телами умерших и местами их захоронения; ст. 280 — публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; ст. 281 — диверсия; ст. 282 — возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства; ст. 282.1 — организация экстремистского сообщества; ст. 282.2 — организация деятельности экстремистской организации; ст. 335 — нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности; ст. 336 — оскорбление военнослужащего; ст. 357 — геноцид)¹.

Вторая модель — модель профилактической работы, ориентированная на снижение деструктивного потенциала молодежных субкультур.

В основе данной модели лежит деятельность государства и местного самоуправления по разработке механизмов, направленных на оптимизацию функционирования разнообразных молодежных сообществ, являющихся носителями тех или иных субкультур, существующих в современной России. Молодое поколение переживает сегодня бурный рост разнообразных неформальных молодежных объединений, движений, групп, объединяющихся по самым разным основаниям. Некоторые из этих субкультур носят ярко выраженный экстремистский характер.

Сегодня именно молодежные субкультуры могут рассматриваться как структуры, формирующие и реализующие экстремистскую активность. Именно в связи с этим профилактика экстремизма в молодежной среде может идти в направлении снижения деструктивного потенциала молодежных субкультур. Учитывая изложенное, можно выделить две базовые стратегии реализации данной модели.

Во-первых, это деятельность, ориентированная на разрушение и/или переориентацию молодежных субкультур, осуществляемая специалистами. В этих целях необходимо создавать поля для реализации агрессивных, экстремальных проявлений молодых людей, удерживая их в рамках действующего законодательства и социальных норм. Наиболее успешно эта стратегия может быть реализована через развитие экстремальных видов спорта, содержащих элементы риска: альпинизм, спидвей, сноуборд, паркур и т. д. При этом параллельно, там, где это возможно, происходит разрушение «управленческого ядра» носителей субкультуры, а также перевод молодежного сообщества в новое деятельностное русло позитивной направленности.

Во-вторых, деятельность, направленная на создание и внедрение в молодежное поле новых субкультур, являющихся социально позитивными или же имитирующих экстремистскую активность. Здесь органы власти создают и финансируют молодежное объединение, которое имеет привлекательный для молодежи образ, стиль отношений, тип деятельности и вовлекает в сферу своего влияния максимально большое количество молодежи. Оптимальным выглядит создание нескольких таких движений, реализующих интересы и предпочтения разных категорий молодежи [4].

Особое внимание необходимо обратить на работу с объединениями спортивных болельщиков. Фанатские спортивные объединения в определенной степени становятся носителями экстремистских настроений в молодежной среде. В этой связи необходима продуманная работа с данной категорией молодежи.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Кроме того, в целях профилактики распространения деструктивной экстремистской идеологии и снижения социального вреда с этой стороны необходимо:

1. Постоянное изучение деструктивных молодежных субкультур в целях своевременного выявления в них новых тенденций и установления степени их привлекательности для несовершеннолетних и молодежи. Для определения уровня распространения деструктивных молодежных субкультур среди молодых людей необходимо периодически собирать информацию (по результатам специального анонимного опроса) о состоянии популяризации деструктивных молодежных субкультур, а также проводить мероприятия, направленные на выявление явных и скрытых лидеров распространения деструктивных молодежных субкультур.

2. Формирование общечеловеческих ценностей в молодежной среде.

3. Формирование у детей и молодежи психологической устойчивости к влиянию деструктивных молодежных субкультур.

4. При появлении среди обучающихся бывших осужденных и лиц, находившихся в исправительных и воспитательных учреждениях уголовно-исполнительной системы — установление контроля за их поведением и исключение возможности дальнейшего контакта обучающихся с представителями криминалитета. Аналогичные действия целесообразно предпринимать в отношении обучающихся, чьи близкие отбывали (или отбывают) наказание в местах лишения свободы.

5. И последнее. Важным условием эффективности проводимых профилактических мероприятий и построения системы противодействия распространению идеологических основ деструктивизма и экстремизма в молодежной среде является пристальное внимание к уровню профессиональной компетенции тех специалистов, работа которых осуществляется непосредственно с несовершеннолетними и молодыми людьми, находящимися в группе риска [5]. Отметим, что зачастую к работе подобного рода допускаются люди, не всегда готовые к взаимодействию с проблемными подростками и молодыми людьми. Данный аспект сегодня нуждается не только в существенной коррекции, но и во внедрении новых принципов педагогической работы и психологических практик.

Библиографический список

1. Гусарова В. К., Пектель И. В. Новая реальность: к вопросу о молодежных субкультурах / Рос. акад. естеств. наук. М., 2018.

2. Кучукян А. В. Роль виртуальных сетевых сообществ в распространении деструктивных молодежных субкультур [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-virtualnyh-setevykh-soobshchestv-v-rasprostranении-destruktivnyh-molodezhnyh-subkultur> (дата обращения: 12.08.2019).

3. Проскуракова Т. Ю. Предупреждение вовлечения подростков в деструктивные объединения: педагогический практикум [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/shkola/obshchepedagogicheskie-tekhnologii/library/2017/04/24/preduprezhdenie-vovlecheniya-podrostkov> (дата обращения: 09.10.2019).

4. Криминальная субкультура и ее содержание [Электронный ресурс]. URL: <https://tatl.ru> (дата обращения: 12.10.2019).

5. Экстремизм как социально-психологический феномен и противоправная форма поведения [Электронный ресурс]. URL: <https://inform.pk/ekstremizm-v-internet-prostranstve.ru> (дата обращения: 26.09.2019).

Печатнова Ю. В., Решетников Г. Е., Стаценко Д. А. Основные правовые системы стран мира: становление и тенденции развития // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 45–48.

Pechatnova Yu. V., Reshetnikov G. E., Statsenko D. A. The main legal systems of the countries of the world: formation and development trends. *Bulletin of the Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 45–48. (In Russ.)

УДК 340.5

Ю. В. Печатнова, Г. Е. Решетников, Д. А. Стаценко
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН МИРА: СТАНОВЛЕНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Печатнова Юлия Вадимовна — магистрант юридического института.

E-mail: jp_0707@mail.ru

Решетников Глеб Евгеньевич — магистрант юридического института.

E-mail: nataparina1970@yandex.ru

Стаценко Дарья Алексеевна — магистрант юридического института.

E-mail: dariastatsenko01@gmail.com

В качестве основных правовых систем мира ученые-юристы традиционно выделяют романо-германскую и англосаксонскую правовые системы, определяющие магистральные пути мирового правового развития. В статье анализируются становление указанных правовых систем и степень влияния на них интеграционных тенденций. Авторами сделан вывод о том, что в условиях глобализации постепенно стираются грани между правовыми системами стран мира и наблюдается их стремительная конвергенция.

Ключевые слова: правовая система, романо-германская система, англо-саксонская система, глобализация, тенденции развития.

Yu. V. Pechatnova, G. E. Reshetnikov, D. A. Statsenko
Altai State University, Barnaul, Russia

BASIC LEGAL SYSTEMS OF THE COUNTRIES OF THE WORLD: FORMATION AND DEVELOPMENT TRENDS

Pechatnova Yulia V. — Master Student at the Law Institute.

E-mail: jp_0707@mail.ru

Reshetnikov Gleb E. — Master Student at the Law Institute.

E-mail: nataparina1970@yandex.ru

Statsenko Daria A. — Master Student at the Law Institute.

E-mail: dariastatsenko01@gmail.com

As the main legal systems of the world, legal scientists traditionally underline the Romano-German and Anglo-Saxon legal systems that determine the main paths of the world legal development. The article analyzes the formation of these legal systems and the degree of influence the integration trends on them. The authors concluded that in the context of globalization, the boundaries between the legal systems of the countries all over the world are gradually blurring and their rapid convergence is observed.

Keywords: legal system, Romano-German system, Anglo-Saxon system, globalization, development trends.

К. Цвайгерт и Х. Кётц в качестве факторов, определяющих стиль правового мышления в рамках конкретных теорий правовых семей, называют историческое происхождение, господствующую доктрину юридической мысли, своеобразие правовых институтов, источников и методов их толкования [6, с. 109]. Французский юрист, один из самых популярных специалистов в области сравнительного правоведения и юридической географии мира? Рене Давид классифицировал правовые системы по двум критериям: юридико-технические (структура права и источники права) и идеологические. На базе указанных критериев ученый выделяет два генеральных юридических типа — романо-германское право и общее, прецедентное право, в качестве особого типа рассматриваются религиозные, социалистические правовые семьи, а также правовые семьи обычного права [4, с. 429].

Романо-германская правовая система сложилась на основе рецепции римского права в XII–XVI веках и получила распространение в континентальной Европе. Основные черты этой системы заключаются в том, что основным источником права служат нормативные правовые акты, представляющие собой иерархическую структуру, зачастую кодифицированного характера, во главе с конституцией, обладающей высшим юридическим авторитетом.

Англосаксонская правовая система предлагает своеобразное понимание норм права, которые неотделимы от судебной практики, поэтому носят казуистический характер; специфична структура права: а) прецедентное право; б) право справедливости [4, с. 430].

Таким образом, романо-германская и англосаксонская правовые системы — главные ареалы права, определяющие магистральные пути современного мирового правового развития.

В литературе обращается внимание на то, что в условиях глобализации наблюдается частичная унификация культур, цивилизаций [3], и в этом контексте, на наш взгляд, можно говорить и о частичной унификации правовых систем. Вместе с тем следует отметить, что история знает диаметрально противоположные примеры того, как в одних случаях некоторые развитые государства оказались способными утвердить свою правовую систему в менее развитых странах, а в других такого не произошло, несмотря на предпринятые усилия.

Так, Индия к началу английской колонизации представляла собой страну с высокой культурой и исправно работающей самобытной юридической системой — своеобразным индуистским правом. По завершении Ост-Индской компании индийские суды принимали решения в соответствии с английским правом. При этом следует заметить, что деколонизация не вернула Индию к первоначальному правопорядку. Индуистское право, впитав в себя нормы и традиции английского права, продолжило свое существование в формате англо-индуистской правовой системы. Следовательно, при всей незыблемости определенной юридической системы в данной социальной общности, ее глубоко национальном характере ее начала довольно быстро (по историческим меркам) могут быть заменены рецептированным правом другого государства.

Диаметрально противоположным примером является колонизация Северной Америки, в ходе которой некоторые территории были первоначально освоены переселенцами из Франции, утвердившими здесь, соответственно, постулаты романского права. Впоследствии данные территории перешли под юрисдикцию Англии, однако до сегодняшнего дня в штате Луизиана США и канадской провинции Квебек продолжает действовать модернизированное право романского типа [1, с. 428].

В этой связи можно констатировать, что органическая способность права настраиваться на передовой опыт и прогрессивные формы управления сложными

процессами является довольно сильной и практически реализуемой (как было показано на примере Индии). В то же время сила права срabатывает не всегда. Для этого нужны предпосылки экономического, культурного и духовно-интеллектуального характера. Например, наряду с впечатляющим опытом Индии имеется опыт английских колоний в Африке, где настойчивые усилия по внедрению общего английского права не увенчались успехом, деколонизация ознаменовалась возобновлением обычного права, а сегодня продолжается процесс формирования своеобразного ново-африканского права без отсылок к английской правовой системе.

Итак, наиболее отчетливо конвергенция правовых систем стала проявляться с конца XVIII века. Смена политико-правовых ориентиров, вызванных Французской революцией, наиболее детально проанализирована И. Валлерстайном, который усматривает в ней связующее звено для построения целостной мировой системы [2, с. 134]. Так, в период Французской революции закон как основной источник права приобретает существенное значение не только в публичном, но и в частном праве. Благодаря кодификации правового материала и накопленной судебной практике старого режима стало возможным найти золотую середину между пропагандистской силой идеи революции и прочностью правовых учреждений предшествующего государства.

В связи с отмеченными весьма очевидными достоинствами позитивного права сложился и утвердился в условиях современной цивилизации культ закона, включающий требование незыблемости принципа законности и веру в примат закона.

На волне указанных тенденций в странах общего права при несомненном его приоритете законы как источники права фактически стали занимать всё более видное место в правовой жизни. Так, например, неоднократно предпринимаются попытки кодификации правового материала в странах англосаксонской правовой системы.

В то же время, несмотря на распространение официальной позиции о необходимости «диктатуры закона», есть симптомы, свидетельствующие о скромных подходах к возвышению правосозидательной деятельности суда в странах романо-германского типа. Например, диспозитивные положения законодательных актов России и Германии позволяют судам развивать прецедентное регулирование.

Таким образом, можно сделать вывод о взаимопроникновении канонов романо-германской и англосаксонской семей на современном этапе. Первая учится пользоваться судебным прецедентом, вторая предпринимает попытки кодификации. Такое сближение передовых идей позволяет говорить о правовой конвергенции и усилении позиций международного права.

Весьма отчетливо эта обусловленность в развитии права от глубинных процессов развития общества может быть прослежена в сфере публичного права. Аналогичные процессы происходят и в сфере частного права, причем здесь отмечается поразительное явление, получившее название «презумпция идентичности», которое подразумевает, что при всем многообразии правовых средств одни и те же юридические проблемы одинаково или в значительной мере сходно решаются во всех развитых правовых системах мира [6, с. 60].

Безусловно, правовая наука в каждой стране имеет свои национальные черты. Вдохновляющий революционный романтизм французского законодательства, ученая мудрость германского правоведения, нацеленность скандинавских юристов на деловой реализм суровой жизни, традиционализм русских правоведов — всё это отзвуки реалий конкретной страны. Концепция конвергенции не означает унификацию, она лишь подразумевает концентрацию передовых идей и положительного опыта в качестве ориентира для всего международного сообщества.

Обособленное развитие конкретных групп государств предопределило становление различных правовых систем. Однако стремительное развитие и повсеместное распространение капиталистических отношений повлекло за собой масштабные глобализационные процессы, следствием которых стала унификация различных областей общественной жизни.

В литературе отмечается, что универсализм представляет собой положительную норму современности, определяющую некоторые стандарты, соответствие которым шлифует и совершенствует социальные системы [5, с. 81]. Право по своей природе — это системное социальное явление. Более того, право — это не механизм, не конгломерат отдельных структур, не агрегат рационально соединенных элементов, приводимый в движение конструктором или инженером (законодателем или правоприменителем), но открытая динамическая система, обладающая качествами единства и целостности, активно взаимодействующая со средой, социальной и природной.

Поэтому, как только правовая материя обретает собственное бытие, возникает острая необходимость постижения его общих черт, смысла и назначения.

В этой связи национальная ограниченность правовых знаний пределами конкретной страны, их замкнутость на сугубо национальном позитивистском материале является губительной для правоправедения как науки [1, с. 539].

Таким образом, жизненно важным для современной юриспруденции является интенсивное развитие сравнительного правоправедения и углубление на этой основе общей теории права, которая в перспективе призвана стать всеобщей, наднациональной теорией правоправедения. Это не только новое прочтение основных «узловых пунктов», через которые проходит широкий общенаучный подход к праву как социальному феномену, но и существенное продвижение вперед, выход на принципиально новые идеи.

При этом взаимопроникновение правовых систем не следует смешивать с тотальной унификацией, утратой национальной правовой уникальности и поглощением одной системы другой.

Феномен правовой конвергенции — взаимное обогащение права в различных ареалах, другими словами, развитие правовых систем идет хотя и с различными вариациями, но в одном направлении.

Таким образом, основной тенденцией развития правовых систем на современном этапе является конвергенция, главной целью которой становится совершенствование правового регулирования в мировых масштабах и поиск золотой середины в процессе решения юридических казусов.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. Линия права. Отдельные проблемы концепции. М.: Статут, 2010. 549 с.
2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
3. Полетаева М. А. Глобализация как культурная проблема: анализ западного научного дискурса (И. Валлерстайн и С. Хантингтон) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 11 (644). С. 56–71.
4. Теория государства и права: учебник для вузов / С. С. Алексеев, С. И. Архипов, В. М. Корельский [и др.]; под ред. С. С. Алексеева. М.: Норма, 2005. 496 с.
5. Филипенко Е. В. Культурная идентичность сообществ с позиций мир-системного анализа И. Валлерстайна // Пространство и Время. 2015. № 1-2 (19-20). С. 79–83.
6. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоправедение в сфере частного права: в 2 т. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 2000. 480 с.

Чудин Н. М. О неформальных молодежных объединениях // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 49–56.

Chudin N. M. On informal youth associations of asocial direction. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 49–56. (In Russ.)

УДК 343.85

Н. М. Чудин

Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь, Россия

О НЕФОРМАЛЬНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ АСОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Чудин Николай Михайлович — кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и прокурорский надзор», член правления Российской криминологической ассоциации.

E-mail: chudinm@yandex.ru

Рассматриваются вопросы эволюции (преемственности), реальности существования неформальных молодежных объединений асоциальной направленности. В связи с этим ставится вопрос о влиянии противоправного контента в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и незащищенности детей от этого явления. Недопустимо вольно и юридически недостоверно комментируется роль этих объединений в жизни общества на страницах известных газет, что свидетельствует о низкой профессиональной образованности журналистов, неспособности ориентироваться в достаточно сложных криминологических проблемах. Необходим очень точный учет и классификация этого вида проявлений.

Ключевые слова: неформальные молодежные объединения, необходимость классификации, средства массовой информации, криминальная субкультура, экспертное мнение, дезорганизованность общественного мнения, правоохранительные органы.

N. M. Chudin

Perm State University, Perm, Russia

ON INFORMAL YOUTH ASSOCIATIONS OF ASOCIAL DIRECTION

Chudin Nikolay M. — Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Prosecutorial Supervision, Member of the Board of the Russian Criminological Association.

E-mail: chudinm@yandex.ru

The questions of evolution (continuity), the reality of existence of informal youth associations of an asocial orientation are considered. In this regard, the question of the impact of illegal content in the information and telecommunications network of the Internet and the vulnerability of children from this phenomenon is stated. The role of these associations in the life of society is unacceptably freely and legally unreliable commented on in the pages of well-known Newspapers, which testifies to the low professional education of journalists, the inability to navigate in rather complex criminological problems. We need a very accurate account and classification of this type of manifestations.

Keywords: informal youth associations, the need for classification, mass media, criminal subculture, expert opinion, disorganization of public opinion, law enforcement agencies.

«Неформальные молодежные объединения» — это выражение пришло к нам в середине 20-х годов прошлого века. Стихийно возникающие группы (группировки) называли то неформальными, то любительскими, то самостоятельными... Движение складывалось на основе принципа добровольности (альтернативности) и являлось организационно самостоятельным, занятым каким-то видом деятельности в расчете на реальную отдачу, иногда принимая криминальную направленность.

Профессиональный интерес к этому вопросу криминологи проявили в 1990 году [7].

Авторами диагностического исследования являются известные российские юристы И. И. Карпец, В. Е. Овчинский, В. В. Панкратов и др. В работе рассматриваются вопросы, которые на сегодняшний день приобрели повышенную актуальность. Мнения и выводы ученых во многом носят характер прогноза.

Исследователями отмечается появление молодежных группировок с криминогенной направленностью, наблюдается тенденция к взаимодействию между ними, отсутствие явно приказного и порученческого характера взаимоотношений в них, но, создаваясь как досуговые, они могут перерождаться в антиобщественные, иногда явно преступные объединения. В ряде случаев эта идея закладывается изначально.

По результатам исследований в изучаемый период к таким формированиям тяготеет до 10 % несовершеннолетних. При создании подобных объединений прослеживается закономерность: лидеры, формируя группы, постепенно подчиняют себе их членов. Авторы указанной работы подчеркивают, что при привлечении к уголовной ответственности членов подобных молодежных группировок наказывается не принадлежность к объединению, а факт совершения преступления, правонарушающее поведение.

Уделяется внимание и такому важному вопросу, как механизм формирования антисоциальных подростковых и юношеских сообществ. Изучаются важные категории: потребность в самоутверждении, расслоение подростков, аутсайдерство, виды конфликтов, освоение групповых способов самоутверждения, территориальные различия и т. д.

Работа, безусловно, не устарела и является базовым материалом, помогающим оценить истоки возникновения изучаемого явления. Однако предложенные выводы заслуживают критической оценки.

Затем эта идея получила дальнейшее развитие. В более поздних трудах даже рассматриваются точки соприкосновения с явлениями преступного поведения, экстремизмом. В источниках прямо говорится о таких направлениях экстремизма, как политический, социально-политический, экономический, этнический, расово-этнический, криминально-религиозный, просто криминальный и т. д. [5, с. 12]. Во всех вариантах присутствие молодежи имеет наибольший удельный вес. Однако явления экстремизма могут приобретать и неожиданную форму, превращаясь в категорию преступлений против несовершеннолетних. Это, например небезызвестные группы АУЕ — «арестантское уркаганское единство», «арестантский уклад един» и т. д.

Если обратиться к истории вопроса, то имеются интересные иллюстрации данного явления, конкретно — АУЕ, в существовании которого автор, безусловно, сомневается: это материалы прокурорских диагностических проверок 1987–1988 годов по городу Березники Пермского края, которые полностью опровергают его реальность. Результаты могут быть предъявлены, детализированы.

Таким образом, мы видим определенную эволюцию неформальных объединений от незначительных проявлений до действий, имеющих признаки организованности.

Особенно четко прослеживается данная закономерность у несовершеннолетних и молодежи. В этом плане следует более внимательно проанализировать явление, получившее аббревиатуру АУЕ. В литературе пишут о его стремительном распространении

[см., напр.: 4]. Верно ли это? Предшествующие рассуждения, охватывающие период 1980-х годов, дают основание полагать, что отмечается просто эволюция ситуации, отражающая изменения в оформлении отдельных характеристик преступности подростков. По сути дела, это та же обстановка, что существовала ранее [4].

Специфическая видимая черта АУЕ, как утверждают авторы, пишущие об АУЕ, — легкость присоединения: достаточно соблюдения внешней атрибутики, вхождения в соответствующую интернет-группу. Никаких отпугивающих сложных правил, предварительных ограничивающих условий. Условная «вербовка» производится через социальные сети. Специальных требований к новым членам нет. Цель сообщества — максимальное количество участников. В этой легкости, возможно, кроется реальная угроза создания управляемой молодежной социальной группировки, представляющей в перспективе повышенную общественную опасность с безусловно экстремистскими признаками, что маловероятно. Одно лишь посещение сайта еще не приводит к участию в предполагаемом объединении.

Когда мы говорим о *новых* явлениях организованного влияния на подростков и молодежь, подчеркивая при этом ярко выраженные характеристики такого воздействия, следует констатировать запоздалую фиксацию уже существовавшего ранее факта.

В этом случае первичной должна быть прогностическая диагностика, возможно более раннее распознавание негативного явления, желательно на стадии обнаружения умысла, с учетом возможности широкой информативной деятельности в сети Интернет. Представляется непрофессиональным известное заявление Яны Лантратовой, которая, по сути, сделала ненужную рекламу заявленному мнимому явлению. Следует согласиться с мнением С. Милюкова (профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени Герцена, полковник милиции в отставке, старший советник юстиции, Санкт-Петербург), что «это явление существовало в России всегда. Низовая часть населения не желала подчиняться государству, его карательным органам, и это нежелание проявлялось достаточно рано, в детском или в подростковом возрасте, что создавало благоприятную почву для распространения воровских и хулиганских обычаев» [10]. Было бы гораздо более профессионально, если бы Лантратова просто сделала сообщение об особенностях региональной специфики криминализации подростков, не упоминая ставший скандальным бренд АУЕ, который во многом надуман.

Следует отметить быструю реакцию на местах. В Пермском крае было зарегистрировано 12 таких «вербовочно-агитационных» пунктов АУЕ, деятельность которых в установленном законом порядке была оперативно прекращена. В них успели отметиться 1460 человек, проживающих на указанной территории.

Вот анализ некоторых сообщений в сетях (на страницах «АУЕ», «Воры», «Тюрьма», «Криминал», «Братва», «Шпана»). В первом сообщении информация адресуется любителям жанровой песни в преддверии Дня защитника Отечества и представляет собой новую весть от автора-исполнителя. Содержание не соответствует заявленной тематике, а является рекламой творчества. В тексте присутствует множество цитат известных писателей и общественных деятелей, расположенных хаотично и не образующих единого повествования, упоминаются молитвы. Аббревиатура АУЕ в тексте никак не рассматривается и не расшифровывается, связи с несовершеннолетними не имеет. В тексте в небольших количествах встречаются мат и криминальный фольклор.

Во втором случае счастливый отец показывает своих детей дошкольного возраста, разрисованных под татуировку с куполами.

Третья ситуация вызывает определенную напряженность: дети, девочка дошкольного возраста и мальчик чуть постарше, целятся прямо в объектив из компактного автоматического оружия, рядом лежит граната. Как говорится, если на сцене в первом акте висит ру-

жье, то в последнем акте оно должно выстрелить. Таково, видимо, мнение отца о семейном благополучии. Это уже «колумбайн». Об АУЕ не упоминается вообще.

В этой связи нужно обратить самое серьезное внимание на мнение авторов недавно вышедшей книги, утверждающих, что существует серьезная проблема — «незащищенность детей от противоправного контента в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и ее негативного воздействия на социализацию несовершеннолетних, что способствует распространению преступлений» [9]. Это важный фактор криминогенного воздействия на подрастающее поколение. «В связи с этим неформальные молодежные объединения асоциальной направленности следует также отнести к числу важных факторов внешней среды, которые оказывают влияние на преступное поведение несовершеннолетних» [9, с. 290].

Если предположить возможность централизованного управления заявленным феноменом, то его цель — апробирование методических приемов влияния на конкретные социальные группы для их индивидуализации с целью последующего формирования и управления системой прогнозируемых проявлений.

Вызывает удивление реакция на этот вопрос не только в средствах массовой информации, но и в научных публикациях, весьма авторитетных изданиях (Российская криминологическая ассоциация) [4, с. 225].

Авторы данной статьи утверждают, приводя факты вооруженного насилия в школах, что, «как показал анализ ситуации, ... подростки имели причастность к криминальному интернет-сообществу, обозначаемому аббревиатурой АУЕ. К сожалению, подобные случаи не единичны. Но особенно настораживает то, что они всё больше имеют признаки организованной координированной деятельности». Далее следуют сомнительные рассуждения по поводу весьма неубедительных примеров. Вызывает удивление высказывание, что в данный момент АУЕ распространилось по всей России. Особенно высокая концентрация наблюдается в Сибири, на Урале, в Среднем Поволжье и Московском регионе. Это абсолютно бездоказательное заявление, наносящее безусловный вред формированию общественного мнения по данному вопросу. Неверно и утверждение, что школы (по-видимому, в названных регионах) живут по понятиям мест лишения свободы.

«Возможно, причина популярности АУЕ у такой категории подростков кроется в том, что это своеобразная форма протеста против неизбежной и непреодолимой бедности, несправедливости жизни, безысходности, отсутствия занятости (досуга), социальных лифтов, то есть невозможности вырваться из этого замкнутого круга, получить шанс на нормальную жизнь», — отмечают авторы [4]. Кажется, что они хотят вызвать чувство умиления и жалости к этой категории несовершеннолетних, чувство бесконечной вины перед ними, а ведь надо говорить об ответственности.

Иначе говоря, вооруженное насилие в школе — порождение эфемерной АУЕ? Но где организационный центр псевдо-АУЕ, где его организаторы и идеологи? На этот вопрос никто из авторов, легкомысленно оперирующих данным понятием, ответить не может.

Вооруженное насилие — относительно распространенное явление, имеющее подражательный характер и совсем другие психологические корни, еще недостаточно изученное. В начале статьи авторы рассматривают пример вооруженного насилия в Пермской школе № 127 и аналогичный случай в Бурятии, которые уверенно относят к влиянию АУЕ. Это не так.

В Перми в январе 2018 года в школьный кабинет, где шел урок в 4 «Б» классе, ворвались двое подростков. Их лица были скрыты под черными капюшонами. «Один перегородил дверь, второй выхватил нож», — рассказывал потом один из школьников. «Они стали резать нас, учительница попыталась учеников защитить». С ранами в больницу увезли

девять четвероклассников и их учительницу, которая бросилась на защиту школьников. «Страх за детей был диким, и это помогало мне оставаться в сознании!» — вспоминала она позже.

Госпитализировали и устроивших резню подростков — после расправы над детьми они резали друг друга. Их арестовали прямо в больнице, обвинение в покушении на убийство нескольких человек предъявили 16-летнему ученику этой школы Алексею Б. и его 17-летнему другу Леониду Б., выпускнику школы (имена изменены). Затем Алексея направили в московский институт имени Сербского на экспертизу. По ее результатам подростка поместили на принудительное лечение; Леонид сел на скамью подсудимых.

Суд был закрытым. На него пускали лишь родителей пострадавших детей. «Мой подзащитный несовершеннолетний, нужно обеспечить его безопасность, потому что в его адрес уже поступают угрозы», — обосновал это требование адвокат. В суд Леонид Б. и его отец приходили в масках, которые скрывали их лица. Государственное обвинение просило для 17-летнего подростка 9 лет 10 месяцев заключения — при максимально возможном наказании в 10 лет. Судья постановил: «Приговорить обвиняемого к 9 годам 8 месяцам, до достижения совершеннолетия содержать в воспитательной колонии». Кроме того, суд полностью удовлетворил иски потерпевших — родителей детей и учительницы. Их общая сумма составила более 10 млн руб. Гособвинитель объяснила, что, пока подростку не исполнится 18 лет, возмещать нанесенный вред потерпевшим будут его отец и мать [8]. Позднее к 7 годам лишения свободы был приговорен и второй фигурант. В суде говорили о том, что нападавшие состояли в группе «Колумбайн» в одной из соцсетей и интересовались трагедией в американской школе, где подросток стал расстреливать учеников. Как очевидно, никакого сомнительного АУЕ здесь нет и в помине, как и в происшествии в Керчи. Однако продолжение следует.

Кунгурский городской суд (Пермский край) вынес приговор в отношении бывшего студента первого курса регионального сельскохозяйственного колледжа. Как рассказали знакомые с ситуацией источники, несовершеннолетний Роман был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ)¹, а именно — ч. 1 ст. 222.1 УК РФ (незаконное приобретение, хранение, ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств), ст. 223.1 УК РФ (незаконное изготовление взрывчатых веществ или взрывных устройств), а также ч. 3 ст. 30, п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ (покушение на убийство из хулиганских побуждений). 17-летний студент планировал совершить массовое убийство в одном из образовательных учреждений города [1]. Другими словами, полиция стала работать на опережение.

Создается интересная ситуация. В сетях появилась необычная мысль, тут же растиражированная всеми источниками информации: вот в чем причина детской преступности! Криминал берет верх! Это АУЕ, существование которого не доказано. Это эфемерный, изобретенный на ходу фактор, служащий закреплению, самоутверждению экзальтированных непрофессиональных воззрений отдельных лиц, мешающий действительному осмыслению новых возникающих явлений, могущих влиять на преступность несовершеннолетних. Вопрос в профессионализме, умении прогнозировать.

Таким образом, кто стоит за рассматриваемым явлением, кто вдохновитель и организатор объединения такого масштаба, кто смог превратить это «броуновское» движение в явление, угрожающее безопасности страны? Вызывают большое сомнение рассуждения И. В. Дворянскова и Е. Е. Панфилова по поводу того, что пребывающие в социальных

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

учреждениях дети живут по тюремным порядкам, передают деньги в общак и в случае несоблюдения соответствующих требований несут за это наказание.

Недопустимо поднимать «авторитет» несуществующего АУЕ, приписывая ему резонансные школьные преступления с безусловно повышенной общественной опасностью. Это уже совсем другое, качественно отличающееся поведение со своими индивидуальными корнями.

Совершенно непродуманные заявления об угрозе национальной безопасности, поддержанные и растиражированные в СМИ, породили эффект всеобщей эйфории и истерики. Это свидетельствует о непрофессионализме заявителей, о правовом и криминологическом невежестве журналистов.

Заслуживает внимания и публикация «Банды малолеток уже крышуют торговые центры» [2] с заголовками разделов «Учеба по понятиям», «Шесть миллионов криминальных пионеров». Банды АУЕ крышуют несколько торговых центров в Петербурге, утверждает автор. Далее говорится о «географии» — это Псковская, Свердловская, Курганская, Астраханская и Читинская области, Дальний Восток особенно; детские дома. Украшает материал фото, на котором изображен вор в законе Джем, он якобы в начале 70-х годов прошлого века основал это движение. Абсолютно безответственное заявление. Не вызывает доверия и опубликованная здесь «хроника» преступлений.

Еще один факт. Спальный район Нижнего Новгорода «Мещерские озера» оказался терроризирован несовершеннолетними. Вот что авторы статьи пишут во вступлении: «Страшные и ужасные детки из клетки, вооруженные пистолетами, дубинками и *уставом АУЕ* (курсив наш — *Н. Ч.*) («арестантский уклад един» — название и девиз неформального объединения банд несовершеннолетних — *Авт.*), творили, что хотели». Писали, что подростки воровали в магазинах, избивали мамочек с колясками, нападали на прохожих. Полиция бездействовала, и в итоге случился самосуд — классическая стенка на стенку. «Дети против взрослых, взрослые против детей. Пока победили взрослые, избив и напугав до полусмерти наглых малолеток» [3].

Характерны подзаголовки: «Мещера щемит», «безобидное воровство», «не наша смена», «от камней и бит к пистолетам». Информация на полный разворот газеты. Нет смысла пересказывать содержание статьи, интерес представляет мнение экспертов, опубликованное рядом.

«Взрослые смотрели на детское хулиганство сквозь пальцы, спокойно шли мимо шалаша, где они пили водку и игрались с ворованными пистолетами, смотрели на их драки, на их посты в соцсетях, на беспорядки и побои. Полиция? Ну, тоже бездействовала, но как бы оправдано — заявлений-то нет, значит, и дела нет. “К ментам же ходить не по понятиям”.

А тут вдруг малолеток стало слишком много, и они вышли из-под контроля. Тогда и начался вой на всю Россию: “сбились в стаю, банда, АУЕ”. Да нет тут никакого арестантского уклада (по крайней мере пока). И не банда это, просто ваши дети так гуляют, копируя ваше, взрослых, поведение. Драться и напиваться можно и по приколу, все вокруг так делают, что такого?» (психолог, педагог Юлия Василина).

«В 1977 году похожий детский бандитизм буквально захлестнул Дзержинск (город в 30 километрах от Нижнего Новгорода. — *Ред.*), — вспоминает полковник милиции в отставке Сергей Малинин. — Подростки собирались толпой и избивали прохожих, просто как боксерскую грушу. От их нападения никто не был застрахован. Они бросали самодельные взрывные устройства людям под ноги. Была ли это банда? Да, была. У них был лидер, выработанный алгоритм. Тогда, чтобы справиться с ними, пришлось организовать целую спецоперацию». Связи между нынешней историей с детскими бандами на Мещере и пресловутым АУЕ эксперт не видит [3].

В то же время существуют и другие формы криминального поведения. Малолетние хулиганы взяли на вооружение фразу «поясни за шмот». Они просто подходят к ребенку 9–11 лет, обращаются с этими словами, а потом начинают бить. Валят на землю, азартно пинают лежачего, выбивают зубы и т. д. Опасность подобного преступного поведения заключается еще и в том, что этот увлекающийся контингент, войдя в раж, может так распалиться в своем увлечении, что последствия могут быть непредсказуемы. Как обычно, взрослые почти всегда стараются не вмешиваться, свидетелей, как правило, нет.

Вот какую информацию разместила в сетях мама десятилетнего мальчика (город Пермь): «Мы живем через дом от ТРК (торгово-развлекательный комплекс — *Н. Ч.*), поэтому Антон часто туда ходит, — рассказала Алена. — В этот день он с одноклассником и двоюродным братом (ему 11 лет) пошли играть в автоматы на третьем этаже ТРК. А когда они около шести вечера вышли из торгового центра, к ним подошла толпа подростков, всем где-то по 12–14 лет. Один из парней сказал сыну: “Поясни за шмот”, а потом стал пинать. При этом Антон и его друзья были обычно одеты — без подворотов на джинсах, без кричащих надписей на одежде. Миша и Антон занимаются спортом, но они так растерялись, что не смогли ответить обидчикам». К счастью, у ребят нашелся защитник — молодой человек, который вовремя вмешался и разогнал хулиганов. У Антона выбили зуб; его приятели тоже пострадали незначительно. «Мы сразу обратились в полицию, — рассказывает женщина. — В пресс-службе краевой полиции нам сообщили, что трех обидчиков уже нашли, проводится проверка» [6].

«Поясни за шмот» — что же это такое? Элементарное смысловое толкование не вызывает никакой сложности: почему ты хорошо одет, а у меня нет таких вещей — «романтика» установления социальной справедливости. В УК РФ это определяется как хулиганство, мотив — стремление в вызывающей форме проявить себя, выказать показное, пренебрежительное отношение к обществу. Здесь нет видимой причины, для хулигана нужен повод, если его нет, хулиган создает повод сам.

Фраза «поясни за шмот» — часть радикальной националистической субкультуры ультраправого направления — неформальной группы «офники». Они славятся своей жестокостью, агрессией и беспощадностью. Интересен диапазон проявления субкультуры: инциденты такого рода отмечаются в крупных магазинах, торговых центрах, например сети «Семья», широко популярной в городе Перми.

Лица же старшего школьного возраста вторгаются в торговый зал, становятся на доски с роликами и начинают раскатываться, пугая и оскорбляя покупателей, затем быстро исчезая. Что характерно, это хорошо одетые самоуверенные ребята, явно не страдающие от недоедания и недостатка денег. О фактах правового реагирования информации нет.

Список видов таких проявлений можно продолжить. Они мимикрируют и могут приобретать самые неожиданные формы.

При изучении подобных явлений в молодежной среде следует обратить внимание на следующее:

1. Проявление неформальных объединений глубоко индивидуально в зависимости от территорий, объем профилактических мероприятий должен это отражать. Нужны региональные программы.

2. В большинстве случаев учитывается «авторитет» возможного объединения, которого может реально и не существовать. Следует оперировать только фактами, нельзя обманываться и допускать ошибки, иначе вместо противодействия асоциальному поведению и криминализации молодежи результатом станет ее реклама.

3. Если криминальные проявления среди молодежи, несовершеннолетних заявляют о себе, нужно тщательно оценивать их социальную общественную опасность, выявлять фигурантов, реально существующие рычаги управления и персонифицировать их.

4. Анализу подлежит работа субъектов профилактики, особое внимание в их деятельности должно уделяться поисковому, диагностическому направлению, носящему предупреждающий характер.

5. Должны тщательно изучаться криминальные фоновые явления.

6. Следует быть особенно внимательным к взаимодействию конкретного неформального движения с молодежными объединениями экстремистской направленности.

Библиографический список

1. Астахов Д. Студент не дружил с булавой [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2019. 9 нояб. С. 3. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4154359> (дата обращения: 24.11.2019).

2. Бойко А. Банды малолеток уже крышуют торговые центры // Комсомольская правда. 2019. 30 янв. С. 8.

3. Василишина Ю., Карпицкая Д. Суд Линча вместо правосудия: Взрослые не дождалась полиции, сами наказали банду малолеток // Комсомольская правда. 2019. 7 авг. С. 12–13.

4. Дворянсков И. В., Панфилов Е. Е. Криминальная субкультура несовершеннолетних как девиантогенный фактор // Криминальные реалии, реагирование на них и закон / под ред. проф. А. И. Долговой; Рос. криминолог. ассоциация. М., 2018. С. 225–233.

5. Долгова А. И., Гуськов А. Я., Чуганов Г. Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики / Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2010. 244 с.

6. Конова Е. «Они сказали: “Поясни за шмот!”». И стали пинать моего сына» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2019. 18 февр. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/26943.5/3994918/> (дата обращения: 12.11.2019).

7. Криминологи о неформальных молодежных объединениях: сб. / отв. ред. И. И. Карпец. М.: Юрид. лит., 1990. 272 с.

8. Матлин А. Подросток, который устроил резню в пермской школе, получил 7 лет колонии // Комсомольская правда. 2019. 30 апр. С. 5.

9. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества: монография / П. В. Агапов, Г. В. Антонов-Романовский, В. К. Артеменков [и др.]; под общ. ред. Р. В. Жубрина; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М.: Проспект, 2018. 656 с.

10. Что такое АУЕ и стоит ли его опасаться [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/20/chto-takoe-aue-i-stoit-li-ego-opasatsya> (дата обращения: 14.03.2019).

Печатнова Е. В., Кузнецов В. Н. Анализ особенностей успешных зарубежных стратегий по повышению безопасности дорожного движения // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 57–61.

Pechatnova E. V., Kuznetsov V. N. Analysis of the features of successful foreign strategies to increase road safety. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 57–61. (In Russ.)

УДК 656

Е. В. Печатнова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

В. Н. Кузнецов

Алтайский государственный аграрный университет, Барнаул, Россия

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ УСПЕШНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАТЕГИЙ ПО ПОВЫШЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Печатнова Елена Владимировна — аспирант кафедры теоретической кибернетики и прикладной математики.

E-mail: phukcia@yandex.ru

Кузнецов Василий Николаевич — кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры «Сельскохозяйственная техника и технологии».

E-mail: Kusnezow-VN@yandex.ru

Статья посвящена анализу наиболее успешных стратегий в области обеспечения безопасности дорожного движения за рубежом, среди которых выделены три: *Vision Zero*, *Sustainable Safety*, *Safe Systems*. Отмечены их основные принципы. Рассмотрено одно из известных руководств по аудиту безопасности дорожного движения — *Highway Safety Manual*, отмечен интерес к нему со стороны стран Европейского союза. Выделены основные сходства европейского и российского подходов к обеспечению безопасности дорожного движения. Отмечены различия, на основе которых сформированы рекомендации для корректировки национальных стратегий в России с целью повышения уровня безопасности.

Ключевые слова: стратегии в области безопасности дорожного движения, уровень аварийности, национальная стратегия безопасности дорожного движения, *Vision Zero*, *Sustainable Safety*, *Safe Systems*.

E. V. Pechatnova

Altai State University, Barnaul, Russia

V. N. Kuznetsov

Altai State Agricultural University, Barnaul, Russia

ANALYSIS OF FEATURES OF SUCCESSFUL FOREIGN STRATEGIES TO INCREASE ROAD SAFETY

Pechatnova Elena V. — Postgraduate Student at the Department of Theoretical Cybernetics and Applied Mathematics.

E-mail: phukcia@yandex.ru

Kuznetsov Vasily N. — Candidate of Technical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Agricultural Machinery and Technologies.

E-mail: Kusnezow-VN@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the most successful strategies in the field of road safety abroad, three of which are highlighted: Vision Zero, Sustainable Safety, Safe Systems. Their basic principles are noted. One of the well-known road safety audit guidelines, Highway Safety Manual, is reviewed, and interest from EU countries is noted. The main similarities of the European and Russian approaches to ensuring road safety are highlighted. Differences are noted, on the basis of which recommendations are formed for adjusting national strategies in Russia in order to increase the level of security.

Keywords: road safety strategies, accident rate, national road safety strategy, Vision Zero, Sustainable Safety, Safe Systems.

Проблема дорожно-транспортной аварийности является значимой социально-экономической проблемой в России. Несмотря на некоторое снижение основных показателей в рассматриваемой сфере, число дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП), погибших и раненых в них остается довольно большим. Уровень безопасности дорожного движения (далее — БДД) остается низким в сравнении с мировым [4]. Между тем проблема аварийности признана одной из основных в мировом сообществе: в 2010 году Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 2011–2020 годы «Десятилетием действий по обеспечению безопасности дорожного движения» с ведущей задачей снизить уровень смертности от ДТП к 2020 году [1]. К активным действиям в данном направлении присоединился Европейский региональный комитет Всемирной организации здравоохранения (далее — ВОЗ) и вынес обеспечение БДД в число главных направлений политики «Здоровье–2020: Основы европейской политики в целях здоровья и благополучия» [3]. Успешный опыт ряда стран по улучшению состояния БДД связан с принятием национальных специализированных стратегий.

Целью работы стало изучение успешных стратегий различных государств для разработки рекомендаций по частичному их внедрению в России.

Согласно докладу Всемирной организации здравоохранения [8] Европейский регион ВОЗ, включающий в себя 53 страны (в том числе Россию, Беларусь, Казахстан и др.), имеет самый низкий показатель дорожно-транспортной смертности в мире, однако наблюдается значительное различие показателей между странами региона [2]. На рисунке представлена карта стран-участников Европейского союза (далее — ЕС), где отображено число погибших в результате ДТП на 1 млн жителей по итогам 2017 года. В России по итогам 2018 года аналогичный показатель составляет 124 погибших на 1 млн человек.

Большая часть стран ЕС имеют национальные стратегии по борьбе с аварийностью с целевыми ориентирами, рассчитанными на постоянный мониторинг. Основой национальных стратегий стран ЕС — членов ВОЗ является European Union Directive 2008/96/EC on Road Infrastructure Safety Management (Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2008/96/EC от 19 ноября 2008 года об управлении безопасностью автодорог. Далее — Директива). В Директиве описаны проверки безопасности дорожного движения (RSA), оценки воздействия на безопасность дорожного движения (RIA), построение рейтингов безопасности дорожной сети (NSR), участков с высоким уровнем риска (HRS) и службы безопасности дорожного движения (RSI)¹.

В отношении действующей дорожной сети рекомендуется ранжировать участки дорог с наибольшим количеством ДТП, а также автотрассы дорожной сети. Для ранжирова-

¹ Directive 2008/96/EC of the European Parliament and of the Council of 19 November 2008 on Road Infrastructure Safety Management // European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32008L0096&from=EN> (дата обращения: 25.10.2019).

ния первых рассчитывается количество аварий с учетом интенсивности движения или, в случае перекрестка, только число ДТП. Для составления рейтинга автодорог их первоначально разделяют на категории и ранжируют в зависимости от числа аварий, интенсивности движения и типа, после чего выделяются участки, на которых меры могут быть эффективными. На них экспертная группа предлагает меры по улучшению дорожных условий, таких как: улучшение видимости при разных погодных и световых условиях, улучшение сцепления / шероховатости дорожных покрытий, установка систем управления и контроля дорожного движения и пр.¹. Основные положения Директивы рекомендуются как для эксплуатируемой сети, так и для проектируемой.

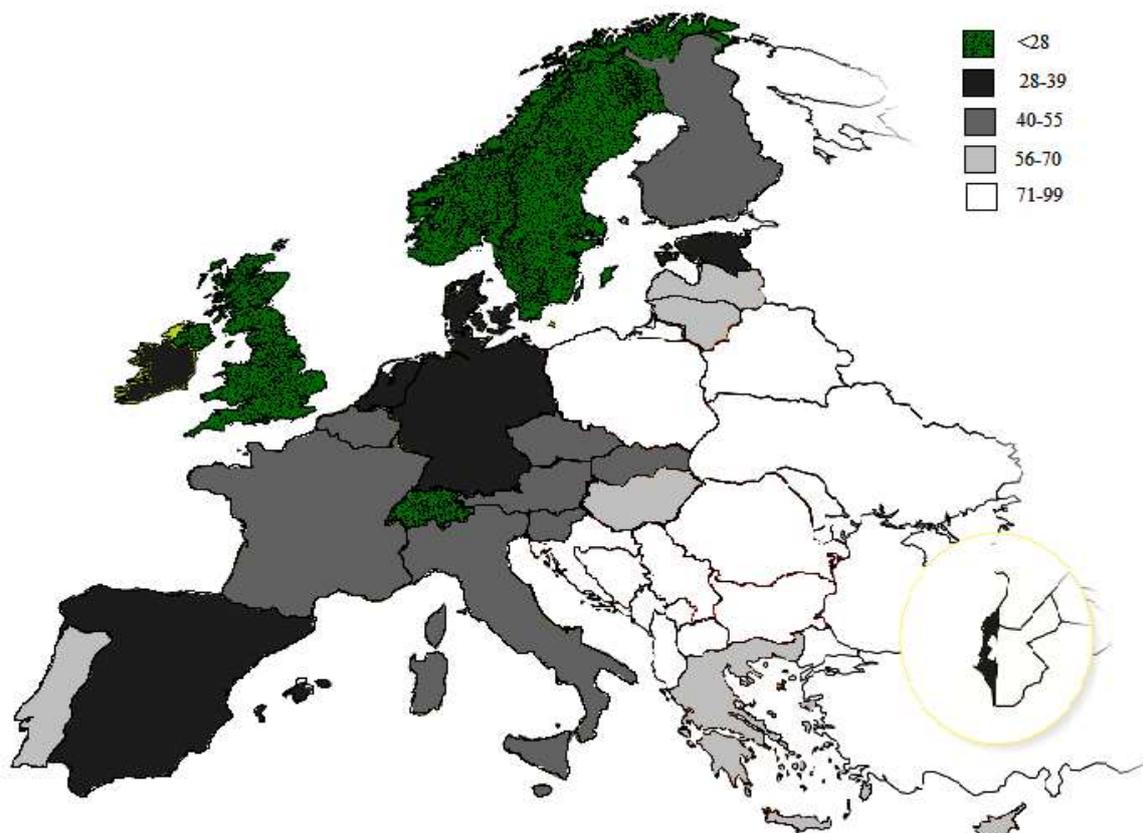

Рис. Число погибших в результате ДТП на 1 млн жителей в странах ЕС, 2017 год [12]

Однако Директива определяет общий подход к управлению безопасностью, ее практическое применение требует национальных руководящих принципов, которые должны быть приняты государствами — членами ЕС [5]. Более конкретные действия описываются в следующих стратегиях: *Vision Zero*, *Sustainable Safety*, *Safe Systems*.

Vision Zero внедрена впервые в Швеции в 1997 году и основана на двух предпосылках: 1) люди делают ошибки; 2) существует критический предел, за которым выживание и восстановление после травмы невозможно [7]. В рамках стратегии мероприятия разделены на группы в зависимости от местоположения дороги: на городских территориях введено ограничение скорости до 30–50 км/ч, изменена организация многих перекрестков (со светофорным регулированием на круговое движение); на дорогах вне населенных пунктов переоборудованы дороги по схеме «2 + 1» [15]. В настоящее время аналогичные стратегии приняты многими странами Европы, в том числе Норвегией, Швейцарией, Исландией, Польшей [10].

¹ Directive 2008/96/EC of the European Parliament and of the Council of 19 November 2008 on Road Infrastructure Safety Management.

Нидерландская стратегия *Sustainable Safety (Duurzaam Veilig)* действует на протяжении 20 лет. Основами мероприятий стратегии являются: 1) монофункциональность дороги: разделение всех дорог на три типа — магистральные дороги, подъезды и дороги в жилых кварталах, каждая из которых выполняет свою функцию (магистральная дорога обеспечивает бесперебойное движение транспортного потока и не должна проходить через жилые массивы); 2) обеспечение однородности скорости и направлений на дорогах (особенно при высокой средней скорости движения) — разделение потоков; 3) дорожная среда, соответствующая ожиданиям участников дорожного движения (отсутствие неожиданных изменений на дорогах); 4) создание дорожной среды, обеспечивающей предотвращение ДТП или снижающее тяжесть последствий («прощающие дороги»). К каждой из категорий дорог применены свои мероприятия. Обнаружено, что меры, принятые в результате реализации стратегии, приносят в четыре раза больше выгод, чем затрат [6].

Safe Systems — аналогичная австралийская стратегия обеспечения БДД, которая была основана на принципах *Vision Zero* и *Sustainable Safety*, но реализуется с учетом местных особенностей [13].

В рамках действующей директивы ученые ЕС проводят исследования по адаптации одного из наиболее известных руководств по управлению БДД — *Highway Safety Manual (HSM)*, разработанного Американской ассоциацией государственных чиновников по автомобильным дорогам и транспорту (*The American Association of State Highway and Transportation Officials, AASHTO*) [5]. Оно содержит концепции, руководящие принципы и вычислительные процедуры для прогнозирования показателей безопасности на различных участках дорог. *HSM* состоит из четырех частей: часть *A* — введение, обзор и основные моменты; часть *B* — описание методов выявления участков с высоким потенциалом для повышения БДД (основным предположением является наличие линейной зависимости между интенсивностью движения и аварийностью); часть *C* — методы прогнозирования среднего числа аварий на трех типах дорог на основе дорожных характеристик; часть *D* — метод количественного изменения частоты аварий в зависимости от изменения эксплуатационных свойств участка дороги.

Поскольку оценка уровня риска является одной из составляющих стратегий стран ЕС, предлагается использовать прогностическую модель безопасности *HSM*, которая представляет собой модель на основе произведения среднего числа аварий, рассчитываемых для определенного дорожного участка при базовых условиях, N_{spf} ; коэффициента изменения средней аварийности CMF и поправочного коэффициента C , вычисленного при адаптации модели к конкретным условиям [9]:

$$N_{pred} = N_{spf} \cdot (CMF_1 \cdot CMF_2 \cdot \dots \cdot CMF_m) \cdot C$$

Для любой характеристики участка дороги, который соответствует базовым условиям, значение CMF равно 1,0 [11], но в зависимости от дорожных характеристик может быть более и менее 1,0. Поправочные коэффициенты применяются для учета внешних условий: отличия в интенсивности, климат и пр. [14]. Документ не является обязательным для использования, однако рекомендуется для применения, распространяется платно. Отдельные штаты США также используют *HSM* (Огайо, Флорида и др.).

Сравнивая подходы к обеспечению БДД в России и странах ЕС, можно выделить следующие сходства:

- 1) в долгосрочной перспективе управление осуществляется на основе единого плана (федеральные целевые программы в Российской Федерации и национальные стратегии в ЕС);
- 2) основные мероприятия ведутся на основных дорогах: федеральной сети автодорог в Российской Федерации и Трансъевропейской транспортной сети дорог в ЕС.

Однако выделены существенные различия в принципах, применяющихся в России и в странах с успешным опытом в обеспечении БДД. Последние активно используют концепцию

«прощающих дорог»: дорожная сеть должна позволять совершать ошибки участникам, то есть иметь «запас» безопасности; в соответствии с этим принципом принимаются дорожно-технические решения. Кроме того, более распространен аудит безопасности дорог — оценка опасности на основе различных факторов. Также важным принципом является ответственность дорожных и государственных служб за произошедшие ДТП, в России в настоящее время этот принцип реально практически не выполняется. Необходимо внедрять в политику обеспечения БДД в РФ представленные подходы и осуществлять контроль за их исполнением.

Библиографический список

1. Глобальный план осуществления Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения 2011–2020 гг. // World Health Organization: офиц. сайт. 2010. URL: http://www.who.int/roadsafety/decade_of_action/plan/plan_russian.pdf (дата обращения: 15.11.2019).
2. Европейские факты и Доклад о состоянии безопасности дорожного движения в мире, 2015 г. // Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро: офиц. сайт. 2015. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/298386/European-facts-Global-Status-Report-road-safety-ru.pdf (дата обращения: 15.02.2019).
3. Здоровье–2020: Основы европейской политики в поддержку действий всего государства и общества в интересах здоровья и благополучия // Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро: офиц. сайт. 2012. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/171435/RC62wd09-Rus.pdf (дата обращения: 15.11.2019).
4. Симуль М. Г., Порхачева С. М. Стратегии безопасности дорожного движения в РФ на 2018–2024 годы на территории Омской области // Техника и технология транспорта. 2019. № S13. С. 69.
5. Cafiso S., Di Silvestro G., Di Guardo G. Application of Highway Safety Manual to Italian divided multilane highways // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2012. No. 53. P. 911-920.
6. Duurzaam veilig wegverkeer // SWOV. URL: <https://www.swov.nl/feiten-cijfers/factsheet/duurzaam-veilig-wegverkeer> (дата обращения: 15.12.2017).
7. Fleisher A., Wier M. L., and Hunter M. A vision for transportation safety framework for identifying best practice strategies to advance Vision Zero // Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board / Transportation Research Board, Washington, D.C. 2016. No. 2582. P. 72-86. DOI: 10.3141/2582-09
8. Global status report on road safety 2018 // World Health Organization. 2018. URL: https://www.who.int/violence_injury_prevention/road_safety_status/2018/en/ (дата обращения 15.02.2019).
9. Guidance on customization of Highway Safety Manual for Virginia / Kweon Young-Jun, Lim In-Kyu, T. L. Turpin, and S. W. Read // Transportation Research Record Journal of the Transportation Research Board. 2014. No. 2435(2435). P. 27-36.
10. Jamroz K., Michalski L., Żukowska J. Polish experience of implementing Vision Zero // Current Trauma Reports. 2019. No. 3 (2). P. 111-117. DOI: 10.1007/s40719-017-0086-y
11. Matarage I., Dissanayake S. Calibration of the Highway Safety Manual for basic freeway segments in Kansas // International Conference on Transportation and Development. 2018. P. 346-355.
12. Ranking EU progress on road safety, 12th Road Safety Performance Index Report // European Transport Safety Council. 2018. URL: https://etsc.eu/wp-content/uploads/PIN_AR_2018_final.pdf (дата обращения: 06.11.2019).
13. Recent progress in implementing the safe system approach / B. Turner, P. Cairney, C. Jurewicz, D. McTieman // Journal of the Australasian College of Road Safety. 2010. P. 17-19.
14. Results and lessons from the local calibration process of the Highway Safety Manual for the State of Maryland / Shin Hyeonshic [et al.] // Transportation Research Board Annual Meeting. 2015. No. 2515. P. 104-114.
15. The Swedish approach to road safety: “The accident is not the major problem” // Citylab. 2014. URL: <https://www.citylab.com/transportation/2014/11/the-swedish-approach-to-road-safety-the-accident-is-not-the-major-problem/382995/> (дата обращения: 15.12.2017).

Яркова Т. М., Лукашин Н. А. Современное состояние социальной инфраструктуры сельских территорий (на примере Пермского края) // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 62–68.

Yarkova T. M., Lukashin N. A. Current state of social infrastructure of rural territories (on the example of the Perm Region). *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 62–68. (In Russ.)

УДК 332.1(338.46)

Т. М. Яркова, Н. А. Лукашин

Пермский государственный аграрно-технологический университет
имени академика Д. Н. Прянишникова, Пермь, Россия

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Яркова Татьяна Михайловна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Организация аграрного производства».

E-mail: tanyayarkova@yandex.ru

Лукашин Никита Александрович — аспирант.

E-mail: myakishka@yandex.ru

Актуальность проведенного исследования определяется ролью и значением развития сельских территорий. Особую актуальность в свете государственных стратегических направлений развития в экономическом и социальном плане приобретает социальная инфраструктура села. Проведенный анализ позволил определить существенные отличия сельских территорий от городских. Выделены ключевые элементы инфраструктуры села, обозначены социальные проблемы сельских территорий Пермского края. Даны рекомендации организационно-управленческого воздействия на социальную инфраструктуру села и обозначено преимущественное влияние органов государственной власти на происходящие в ней процессы

Ключевые слова: социальная инфраструктура, развитие, сельские территории, государственное управление, сельское население

T. M. Yarkova, N. A. Lukashin

Perm State Agro-Technological University named after Academician D. N. Pryanishnikov,
Perm, Russia

CURRENT STATE OF SOCIAL INFRASTRUCTURE OF RURAL TERRITORIES (ON THE EXAMPLE OF THE PERM REGION)

Yarkova Tatiana M. — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Organization of Agricultural Production.

E-mail: tanyayarkova@yandex.ru

Lukashin Nikita A. — Postgraduate Student.

E-mail: myakishka@yandex.ru

The relevance of the study is determined by the role and importance of rural development. Of particular relevance in the light of the state strategic directions of development in the economic and social plan is the social infrastructure of the village. The analysis made it possible to determine the significant differences between rural and urban areas. The key elements of rural infrastructure are highlighted, social

problems of rural territories of the Perm Territory are identified. The recommendations of organizational and managerial impact on the social infrastructure of the village are given, and the predominant influence of public authorities on the processes occurring in it is indicated

Keywords: social infrastructure, development, rural areas, public administration, rural population.

Актуальность исследования современного состояния социальной инфраструктуры сельских территорий заключается в том, что недооценка роли социальной инфраструктуры для сельской местности приводит к потерям ее конкурентных преимуществ, снижает возможности государственных мер социального обеспечения населения сельских территорий. Именно поэтому развитие инфраструктуры сельских территорий должно стать объектом особого внимания со стороны органов государственного и муниципального управления, что и определяет актуальность, цели и задачи настоящей статьи.

Цель статьи заключается в исследовании современного состояния социальной инфраструктуры сельских территорий на примере Пермского края.

Сельские территории в настоящее время являются неосвоенными территориями, с низким уровнем развития социальной инфраструктуры и высокой долей естественных природных объектов, которые пригодны для самых разных видов деятельности, а не только ведения сельского хозяйства.

В связи с этим для реализации эффективной политики в сфере повышения качества жизни населения сельских территорий ключевое значение приобретают вопросы определения степени развития социальной инфраструктуры сельской местности и выявление основных проблем, препятствующих ее развитию.

Качество жизни населения сельских территорий должно соответствовать нормам, установленным в стране на каждого жителя, во всех сферах, в том числе и в части социальной инфраструктуры.

При этом уровень и качество развития социальной инфраструктуры напрямую зависят от эффективности действий местных властей по формированию благоприятных условий проживания населения в сельской местности.

К таким условиям относятся жилищно-бытовые условия, доступ к различным услугам, культурным ценностям, уровень оплаты труда и дифференциации сельских жителей по уровню доходов — недооценка этих факторов, недостаточное внимание к ним со стороны органов власти и местного самоуправления, как показывает опыт, приводят к углублению социальной несправедливости и увеличению разрыва между городским и сельским населением [8].

Сельские территории — это уникальные многофункциональные образования с огромным потенциалом, а социальная инфраструктура села призвана обеспечить наиболее благоприятные условия жизни населения, развитие культурной и экономической сферы.

Сельские территории имеют огромный потенциал, реализации которого мешает недостаточный уровень развитости социальной инфраструктуры.

Категорию «инфраструктура», в широком значении, терминологически можно определить как систему отраслей и видов деятельности непроектной сферы, призванных обслуживать деятельность основных отраслей материального производства, способствовать развитию научно-технического и социального прогресса [1].

Объекты социальной инфраструктуры — это объекты, обеспечивающие потребности человека в получении, приобретении жизненно важных услуг, продуктов и товаров. К ним относятся объекты:

- 1) здравоохранения, образования, социального обеспечения и социальной защиты населения;
- 2) потребительского рынка, в том числе розничной торговли, общественного питания, бытового обслуживания;

- 3) культуры, досуга, физической культуры и спорта;
 4) кредитно-финансового, жилищно-коммунального, ритуального и похоронного обслуживания населения;
 5) иные социально значимые объекты [2].

Особенностью инфраструктуры сельских территорий является довольно существенный разрыв между уровнем развития социальной инфраструктуры в сельской местности и в городе (табл. 1).

Таблица 1

Различия основных свойств социальной инфраструктуры сельских и городских территорий*

Свойства	Сельские территории	Городские территории
Численность населения и степень его стабильности	Низкая численность населения, отрицательная динамика	Высокая плотность населения, отличается переменной стабильностью, связанной с различными видами миграции
Плотность населения	Низкая плотность населения	Высокая плотность населения
Занятость	Преобладает сельскохозяйственная деятельность	Преобладает промышленная, торговая-коммерческая деятельность, профессиональная и управленческая
Степень благоустройства	Низкая степень благоустройства, качество и количество предоставляемых услуг минимально	Высокая степень благоустройства, широкий спектр предоставляемых услуг
Основные социокультурные функции	Сохранение традиций, освоение и развитие территории, устойчивое и сбалансированное развитие села за счет сохранения этнических особенностей	Инновационное развитие, а также локализация и концентрация инновационного потенциала территории, интенсификации социальной жизни
Образ жизни населения	При узкой сфере взаимодействия ограниченная численность социальных контактов. Преобладает производственная форма освоения жизненного пространства. Чаще неограниченные и личные формы общения	Широкая сфера взаимодействия социальных контактов. Профессиональная и управленческая форма общения. Сложные формы общения. Контакты чаще безличные, ограниченные по времени взаимодействия
Специфические нормы и ценности	Преобладание повседневного кропотливого труда. Традиционный тип семьи, стремление к автономии существования и децентрализации управления, ценность земледельческого труда	Ценности самореализации и индивидуализации. Социально-экономическая самозащита населения. Изоляция и отчуждение граждан и социальных групп друг от друга

* Составлено авторами по данным источника [6].

Сельская социальная инфраструктура в настоящее время представляет собой комплекс разнообразных взаимосвязанных элементов, совокупность которых имеет общую задачу, а именно — создание и обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности населения сельской местности.

Соответственно, устойчивость и эффективность развития этих элементов напрямую определяет уровень и качество жизни населения сельской местности и уровень развития социальной инфраструктуры сельской территории.

Совокупность элементов социальной инфраструктуры сельских территорий можно представить в виде схемы (рисунок).

В табл. 2 представлен анализ динамики элементов социальной инфраструктуры сельских территорий Пермского края по данным государственной службы статистики.

В целях конкретизации состояния сельских территорий Пермского края отметим отдельные аспекты состояния региональной инфраструктуры.

В Пермском крае 42 муниципальных района, 278 сельских поселений и 2 644 сельских населенных пункта, в которых проживают 634,8 тыс. человек (24,2 % в структуре региональной численности населения). Регион характеризуется высокой степенью урбанизации и индустриализации, при этом находится в зоне рискованного земледелия.

Промышленная специализация и не самые благоприятные природно-климатические условия предопределили низкие рейтинги Пермского края среди 14 субъектов Приволжского федерального округа по таким позициям, как:

– объем инвестиций в сельских территориях (в пересчете на одного занятого) — 12-е место;

– производительность труда в сельском хозяйстве — 10-е место;

– средняя заработная плата в агропромышленном комплексе — 9-е место [8].

Данные показатели говорят о низкой эффективности агропроизводственной инфраструктуры сельских территорий.

Рис. Укрупненная инфраструктура сельских территорий

Региональное развитие Пермского края самым непосредственным образом отражается на состоянии инженерных и социальных объектов. В последние десятилетия ликвидированы многие сельские учреждения образования, культуры и здравоохранения. Показатели газификации сельских территорий региона ниже среднего уровня по Российской Федерации, состояние дорог местного назначения отвратительное. Комплекс социально-экономических проблем провоцирует устойчивую миграцию трудоспособного сельского населения и нехватку производственных и управленческих кадров. Аналогичная ситуация сложилась во многих субъектах нашей страны.

Таблица 2

Анализ динамики элементов социальной инфраструктуры сельских территорий
Пермского края по данным 2016–2018 годов*

Элементы социальной инфраструктуры сельских территорий	2016 год	2017 год	2018 год	Абсолютное отклонение 2018 года к 2016 году, +/-
Количество лечебно-профилактических организаций	754	756	726	-28
Количество спортивных объектов	1647	1697	1666	+19
Общая площадь жилых помещений, тыс. м ²	13981,9	14319,6	14719,1	+737,2
Количество объектов социально-культурной деятельности	824	862	856	+32

* Составлено авторами по данным источника [8].

Из представленных в табл. 2 данных можно увидеть, что в 2018 году наблюдается снижение количества лечебно-профилактических организаций. Количество спортивных объектов незначительно увеличилось за три года, но все-таки остается недостаточным. Общая площадь жилых помещений в сельских территориях ежегодно увеличивается. В целом нужно отметить, что все положительные сдвиги являются результатом действия государственной программы по развитию сельских территорий. Между тем следует обратить внимание на то, что в разрезе лет ситуация далеко не однозначная, и при анализе за последние два отчетных периода явно заметен отрицательный сдвиг. Так, мы можем увидеть, что количество объектов спортивной и социально-культурной деятельности в сельских территориях Пермского края снизилось в 2018 году относительно 2017 года.

Основной проблемой развития социальной инфраструктуры сельских территорий является недостаточное количество различных востребованных населением социальных объектов, учреждений здравоохранения, социально-культурной деятельности и бытового обслуживания; за получением этих важнейших для населения услуг оно вынуждено переселяться в более инфраструктурно развитые районы, в итоге происходит снижение численности населения сельских территорий, что негативно сказывается на развитии сельского хозяйства и аграрной сферы.

Целью развития социальной инфраструктуры сельских территорий является создание таких условий, которые бы обеспечивали результативное функционирование производственных процессов в селе и процессов жизнедеятельности сельских жителей.

Главной задачей развития социальной инфраструктуры сельских территорий является повышение качества жизни населения данных территорий. Этому служит разработанная в регионе государственная программа «Развитие сельского хозяйства и устойчивое развитие сельских территорий Пермского края» [5].

Развитие социальной инфраструктуры сельских территорий Пермского края необходимо усовершенствовать в таких направлениях, как [3]:

- определение необходимой социальной инфраструктуры сельской территории как по краю в целом, так и по отдельным территориям края;
- составление перечня первоочередных мероприятий, необходимых для развития сельских территорий, с различным уровнем социально-экономического развития;
- контроль за реализацией мероприятий по развитию социальной инфраструктуры в сельской местности.

В рамках достижения вышеуказанной цели представителям органов местного самоуправления и общества необходимо совместно рассматривать ситуации по разработке страте-

гических регламентирующих документов территории для выявления их сильных и слабых сторон, в том числе и проблем развития социальной инфраструктуры сельских территорий.

С учетом изложенного можно выделить основные управленческие процессы по реализации направлений развития социальной инфраструктуры сельских территорий на региональном уровне:

Во-первых, это определение стратегических направлений инфраструктурного развития сельских территорий. Данная процедура базируется на анализе и видении органами государственной и муниципальной власти, аграрным бизнес-сообществом и населением желаемого состояния на долгосрочную перспективу, соответствующего глобальным тенденциям и современным условиям, возможностям хозяйствующих субъектов адаптироваться к ним. Ситуация современной экономической неопределенности повышает требования к четкости проработки миссии и направлений инфраструктурного развития со стороны органов территориального управления и агропромышленного комплекса, концентрирующих и аккумулирующих муниципальные возможности и потенциалы.

Во-вторых, обоснование задач развития социальной инфраструктуры сельских территорий в соответствии с видением на долгосрочную перспективу. Заметим, что в настоящее время стратегирование в регионах страны осуществляется, как правило, на среднесрочную перспективу (до пяти лет). Важно, чтобы оперативные цели и этапы инновационного развития согласовывались с долгосрочными целями. Конкретизация задач развития в разрезе стратегических целей по срокам, критериям и показателям должна осуществляться на всех иерархических уровнях управления.

В-третьих, выработка региональных и муниципальных мероприятий в отраслевом разрезе, а также бизнес-стратегий сельскохозяйственных предприятий, совокупно обеспечивающих реализацию направлений развития инфраструктуры и консолидирующих нацеленность управления на устойчивость жизнедеятельности сельского сообщества.

Современные условия экономической и геополитической нестабильности ориентируют сельские территории России на инновационное высокотехнологическое развитие, основанное на выделении полюсов роста и структурных сдвигах в отраслевой и территориальной инфраструктуре. Экономическая эффективность такого развития заключается в увеличении доли востребованной сельскохозяйственной продукции, производство которой основано на инновационных процессах, позволяющих существенно снизить затраты за счет применения современных технологий, экологизации, энерго- и ресурсосбережения.

В этой связи главным социальным эффектом будет являться улучшение условий жизнедеятельности аграрного социума. Исходя из этого, в качестве базовых направлений совершенствования управления развитием инфраструктуры сельских территорий можно отметить:

- научное обоснование методологии управления инфраструктурным развитием и соответствующее организационно-методическое обеспечение;
- внедрение инновационных управленческих технологий;
- регламентация и сертификация качества управленческих процессов;
- подготовка управленческих кадров;
- мотивация и стимулирование менеджмента.

Подводя итоги исследования современного состояния социальной инфраструктуры сельских территорий на примере Пермского края, можно сделать вывод о том, что наблюдается ухудшение социальной инфраструктуры сельских территорий в крае в 2018 году относительно показателей 2017 года. При этом относительно 2016 года произошло их некоторое улучшение.

Вместе с тем следует отметить, что определенно положительный результат для социальной инфраструктуры села в Пермском крае и в других регионах России от целевой про-

граммы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» есть. При этом важным аспектом является то, что сама Программа имеет ориентиром не только социальную сферу, но и ее экономическое развитие, то есть производственную сферу. В таком сопряжении имеет место логически обусловленный тандем, который объясним тремя элементами этой причинно-следственной связи:

1) наибольшая привлекательность, возможность и желание людей проживать на селе и работать там же обусловлены развитостью социальной инфраструктуры. Следовательно, село при таком варианте развития событий может концентрировать так необходимые сегодня квалифицированные кадры, способные успешно развивать производственную сферу и повышать уровень экономического развития;

2) наличие всех необходимых и современных объектов социальной инфраструктуры на селе способствует инновационной и инвестиционной привлекательности [9];

3) развитые социально и экономически сельские территории нацелены на решение проблемы безработицы путем создания новых рабочих мест.

В качестве наиболее важных стратегических мероприятий по развитию сельской инфраструктуры в перспективе должны стать:

1. Повсеместное обеспечение сельских территорий и прилегающих к ним территорий дорогами с твердым покрытием.

2. Создание эффективного транспортно-логистического сообщения как с другими объектами социальной инфраструктуры, так и с близлежащими территориями, в том числе районным центром.

3. Обеспечение качественного и доступного информационного сообщения посредством телефонии и Интернета.

4. Продолжение улучшения условий проживания и обеспечения всеми необходимыми коммунальными удобствами имеющегося или вновь построенного жилья.

5. Обеспечение каждого жителя сельской местности всеми необходимыми видами услуг в части образования, медицины, культурного развития и пр.

Библиографический список

1. Коваленко Е. Г., Королева Ю. Г. Проблемы развития социальной инфраструктуры сельских территорий // *Фундаментальные исследования*. 2018. № 10. С. 79–84.

2. Мартынов К. П. Институциональная среда устойчивого развития сельских территорий России // *Научное обозрение*. 2015. № 11. С. 115–118.

3. Образ будущего сельских территорий: где хотят жить люди? [Электронный ресурс] / Общественная палата Рос. Федерации. URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2018/newsitem/47188> (дата обращения: 11.11.2019).

4. Пермский край в цифрах. 2018: краткий стат. сб. / Террит. орган Федер. службы гос. статистики по Перм. краю. Пермь, 2019. 186 с.

5. Регионы России. Социально-экономические показатели / Федер. служба гос. статистики: Росстат. М., 2018. 1402 с.

6. Пыхов П. А., Кашина Т. О. Инфраструктура как объект экономических исследований // *Журнал экономической теории*. 2016. № 1. С. 136–140.

7. Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография / Т. В. Ускова, Н. В. Ворошилов, Е. А. Гутникова, С. А. Кожевников; ИСЭРТ РАН. Вологда, 2017. 196 с.

8. Социально-экономическое развитие России [Электронный ресурс] / Федер. служба гос. статистики: Росстат. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/sel-terr/sel-terr.html (дата обращения: 11.11.2019).

9. Яркова Т. М., Галеев М. М. Инновации и инвестиции — симбиоз эффективного развития организаций АПК // *Экономика сельского хозяйства России*. 2019. № 9. С. 39–43.

Пискунова В. В. Особенности синдрома эмоционального выгорания у медицинских сестер, оказывающих паллиативную помощь // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 69–73.

Piskunova V.V. Peculiarities of the emotional burn out syndrome in medical nurses providing palliative help. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 69–73. (In Russ.)

УДК 159.9

В. В. Пискунова

Пермский базовый медицинский колледж, Пермь, Россия

ОСОБЕННОСТИ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР, ОКАЗЫВАЮЩИХ ПАЛЛИАТИВНУЮ ПОМОЩЬ

Пискунова Виктория Валентиновна — кандидат медицинских наук, преподаватель.

E-mail: hr.piskunova@mail.ru

Статья посвящена изучению проблемы формирования эмоционального ответа медицинских работников, работающих в условиях повышенного психоэмоционального риска, вырабатывающегося в результате профессиональной деятельности среднего медицинского персонала в хосписе. Представлены результаты психодиагностики эмоционального выгорания у медицинских сестер хосписа (использована методика В. В. Бойко).

Ключевые слова: медицинская сестра, паллиативная помощь, эмоциональное выгорание, качество жизни, качество смерти.

V. V. Piskunova

Perm Basic Medical College, Perm, Russia

PECULIARITIES OF THE EMOTIONAL BURN OUT SYNDROME IN MEDICAL NURSES PROVIDING PALLIATIVE HELP

Piskunova Victoriya V. — Candidat of Medical Sciences, Teacher.

E-mail: hr.piskunova@mail.ru

The article is devoted to the study of the problem of the formation of the emotional response of medical workers working in conditions of increased psychoemotional risk generated as a result of the professional activity of nurses in the hospice. The results of psychodiagnostics of emotional burnout in hospice nurses are presented (the methodology of V. V. Boyko is used).

Keywords: nurse, palliative care, burnout, quality of life, quality of death.

Актуальность темы обусловлена негативными последствиями синдрома эмоционального выгорания среднего медицинского персонала, оказывающего медицинские услуги особой части пациентов с неблагоприятным прогнозом заболевания. Пациенты паллиативных отделений больниц, хосписов неизлечимы, что минимизирует одну из важнейших составляющих результата труда медицинского работника — удовлетворение (в полном его

смысле) от собственного труда, ощущение чувства выполненного долга в полном объеме. Осознание невозможности излечения, положительной динамики объективного состояния больного, с одной стороны, и критическая оценка профессиональной деятельности медицинского персонала родственниками неизлечимых больных, с другой стороны, создает неблагоприятные условия для формирования синдрома эмоционального выгорания медицинских сестер.

Профессиональная деятельность среднего медицинского персонала относится к «помогающим» профессиям. Профессия медицинской сестры / медицинского брата является энергозатратной как физически — работа мобильная, чаще стоя, сменный график работы в стационарах по 12 или 24 часа, работа в ночное время суток; так и эмоционально — постоянный контакт с больными различных возрастных групп, их родственниками, законными представителями, работа в условиях патологически измененного функционирования органов и систем пациента, его психического состояния и т. д., что оказывает влияние на различные функциональные системы и психоэмоциональное состояние медицинского работника.

По мнению В. В. Бойко, «эмоции — уникальное творение живой природы, наиболее универсально реализованное в человеке. Они устроены так, что оказались на линии слияния двух миров — материального и идеального, обеспечивая преобразование разных видов энергий, воздействующих на индивида, в психическую энергию и обратно» [1]. С одной стороны, эмоции медицинской сестры являются ресурсом профессиональной деятельности, с другой стороны, фактором, способствующим развитию различных негативных психических состояний.

Необходимо отметить, что медицинская деятельность способствует развитию негативных психических состояний работника: эмоциональное истощение, утомление, усталость, стресс на фоне завышенных требований к себе при выполнении своих профессиональных обязанностей. В результате общей психофизической усталости и неудовлетворенности, разочарованности у медицинских работников формируется синдром эмоционального выгорания.

Исследования К. Маслач выявили «специфический вид эмоционального истощения: утрата профессионалами позитивных чувств, сочувствия и уважения к клиентам или пациентам. Дальнейшее развитие синдрома кристаллизуется в циничное и антигуманное восприятие клиентов, которое характеризует их негативным образом. Это, во многих случаях, приводит к ухудшению качества услуг, которые оказываются клиенту» [3].

По мнению К. Маслач, эмоциональное выгорание — это «плата» за сочувствие — важное качество личности медицинского работника, определяющее его профессионализм.

Исследователями синдрома эмоционального выгорания выявлены следующие стадии:

1) первая стадия — нарушение выполнения функций, произвольное поведение; не выделяется как симптом развивающегося синдрома, не определяется серьезность последствий «девичьей памяти», «склероза». Может формироваться в течение трех–пяти лет (в зависимости от характера деятельности, величины нервно-психических нагрузок и личностных особенностей специалиста);

2) вторая стадия — снижение интереса к работе, потребности в общении (на работе, дома, с друзьями), нарастание аппетита, появление устойчивых соматических симптомов («обессиление», особенно к концу недели, головные боли по вечерам; «мертвый сон, без сновидений»; увеличение числа простудных заболеваний); повышенная раздражительность. Продолжительность формирования — от пяти до пятнадцати лет;

3) третья стадия — личностное выгорание: полная потеря интереса к работе и жизни, эмоциональное безразличие, ощущение постоянного отсутствия сил, стремление к уе-

динению (общение с животными, природой). Стадия может формироваться от десяти до двадцати лет [4].

Последствиями развития синдрома эмоционального выгорания у среднего медицинского персонала могут быть циничность, астенический синдром, психопатии, психосоматические расстройства, вредные привычки, снижение профессиональных возможностей, уход из профессии, из социума. Данные последствия имеют значение как для уровня оказания медицинских услуг (качество жизни/смерти пациентов), так и для медицинского работника: его личности, психосоматического статуса, социального благополучия.

Ведущим российским исследователем синдрома эмоционального выгорания В. В. Бойко разработана «Методика диагностики уровня эмоционального выгорания». По мнению В. В. Бойко, эмоциональное выгорание — это выработанный личностью психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на психотравмирующие воздействия. С одной стороны, эмоциональное выгорание является «сохраняющим» энергетические ресурсы функциональным стереотипом индивида, с другой — причиной дисфункциональных расстройств, влияющих на профессиональную деятельность и межличностные отношения.

Данная методика различает ведущие симптомы эмоционального выгорания и дифференцирует фазы стресса (три стадии эмоционального выгорания): напряжение, резистенция, истощение [5].

Эмоциональное выгорание разделено на следующие фазы:

I. Фаза напряжения — начало эмоционального выгорания, характеризуется постоянством или усилением психотравмирующих факторов, включает следующие симптомы:

- симптом «переживания» психотравмирующих обстоятельств (усиливающееся осознание трудных или неустрашимых психотравмирующих факторов профессиональной деятельности, усиливающееся раздражение ими, отчаянье и негодование);
- симптом неудовлетворенности собой (в результате неспособности повлиять на психотравмирующие обстоятельства развивается недовольство собой, избранной профессией);
- симптом «загнанности в клетку» (чувство безысходности, эмоционального и интеллектуального тупика в связи с невозможностью изменить психотравмирующую ситуацию);
- симптом «тревоги и депрессии» (чувство неудовлетворенности собой и работой преобразуется в переживания ситуационной и личностной тревоги, личностные и профессиональные разочарования).

II. Фаза резистенции — сопротивление нарастающему напряжению, включает следующие симптомы:

- симптом «неадекватного избирательного эмоционального реагирования» (ограничение эмоциональной отдачи за счет выборочного реагирования в ходе рабочих контактов);
- симптом «эмоционально-нравственной дезориентации» (работник не проявляет должного эмоционального отношения к субъекту, представляя субъектов как недостойных / не заслуживающих эмоциональной отдачи);
- симптом «расширения сферы экономии эмоций» (данная форма защиты осуществляется вне профессиональной области, в общении с семьей, друзьями, знакомыми);
- симптом редукции профессиональных обязанностей (облегчение или сокращение обязанностей, требующих эмоциональных затрат).

III. Фаза истощения — снижение энергетического тонуса и ослабление нервной системы. Фаза истощения включает следующие симптомы:

- а) симптом «эмоционального дефицита» (ощущение эмоционального «бессилия» помогать субъектам своей деятельности, невозможности сочувствия и сопереживания; более

осложненная форма — урежение положительных эмоций и учащение отрицательных; резкость, грубость, раздражительность, обиды, капризы);

б) симптом «эмоциональной отстраненности» (эмоциональная защита в виде исключения эмоций из сферы профессиональной деятельности с сохранением полноценных эмоций вне работы); реагирование без чувств и эмоций — наиболее выраженный симптом эмоционального выгорания, признак профессиональной деформации личности, причиняющий ущерб субъекту общения;

в) симптом «личностной отстраненности», или деперсонализации (деперсонализированный защитный эмоционально-волевой антигуманный настрой: полная или частичная утрата интереса к клиенту/пациенту, восприятие его как объект для манипуляций; изменение установок, принципов, системы ценностей личности). Может трансформироваться в невроты и психопатические состояния;

г) симптом психосоматических и психовегетативных нарушений (мысли/действия с клиентом/пациентом вызывают плохое настроение, бессонницу, чувство страха, неприятные ощущения в области сердца, сосудистые реакции, обострение хронических заболеваний). Формирование психосоматики является признаком декомпенсации выгорания как эмоциональной защиты и вовлечение в патологический процесс других органов и систем индивида [2].

Профессия медицинской сестры отличается от многих профессий: помимо профессиональных технических качеств (выполнение манипуляций), необходимо обладание такими личностными качествами, как спокойствие, долготерпение, дружелюбие, желание помогать, сочувствие. Обладание вышеперечисленными личностными качествами первоначально основывается на психофизиологических особенностях личности медработника, а в дальнейшем формируется в процессе профессионального становления.

От высокого профессионализма медицинской сестры / медицинского брата как в техническом, так и в личностном плане напрямую зависит уровень качества жизни и качества смерти (в случае хосписа) пациентов. По данным Всемирной организации здравоохранения, качество жизни представляет собой «индивидуальное соотношение положения в жизни общества в контексте культуры и систем ценности этого общества с целями данного индивидуума, его планами, возможностями и степенью общего неустройства». Выделяют следующие показатели качества жизни:

- физические (сила, энергия, усталость, боль, дискомфорт, сон, отдых);
- психологические (положительные и отрицательные эмоции, мышление, память, самооценка);
- уровень независимости (повседневная активность, работоспособность, зависимость от лечения и лекарств);
- общественная жизнь (личные взаимоотношения, общественная ценность субъекта, сексуальная активность);
- окружающая среда (благополучие, безопасность, быт, обеспеченность, доступность и качество медицинского и социального обеспечения, доступность информации, возможность обучения и повышения квалификации, досуг, экология) [6].

Показатели качества смерти кардинально не отличаются от показателей качества жизни, являясь составной частью жизни, но в большей степени зависят от медицинского обслуживания, душевного участия медицинского персонала. Сочувствие, сопереживание и другие проявления эмоционального отклика среднего медицинского персонала — обязательное условие получения высококвалифицированной медицинской помощи. Препятствием формированию эмоционального отклика может являться синдром эмоционального выгорания медицинского работника.

С целью изучения синдрома эмоционального выгорания у среднего медицинского персонала, оказывающего паллиативную помощь, было проведено собственное исследование. Использована «Методика диагностики уровня эмоционального выгорания» В. В. Бойко. Простую случайную выборку составили медицинские сестры, работающие в хосписе, женского пола, в возрасте от 24 до 50 лет, стаж работы в медицинских учреждениях (в том числе в хосписе) от 4 до 30 лет.

Анализ проведенной психодиагностики показал следующее:

- 1) 100 % опрошенных медицинских сестер подвержены эмоциональному выгоранию в той или иной степени;
- 2) 20 % опрошенных медицинских сестер находятся в стадии формирования фазы истощения эмоционального выгорания.

Необходимо отметить, что фаза истощения выявлена у медицинских сестер как с типичным (30 лет), так и нетипичным (7 лет) стажем работы. Фаза истощения при более длительном стаже работы характеризовалась складывающимся симптомом эмоционального дефицита, доминирующим сложившимся симптомом психосоматических и психовегетативных нарушений. Фаза истощения при недлительном стаже работы (7 лет) характеризовалась сложившимся доминирующим симптомом эмоционального дефицита, складывающимися симптомами эмоциональной отстраненности и психосоматических и психовегетативных нарушений.

Результаты психодиагностики показывают, что проблема формирования синдрома эмоционального выгорания для среднего медицинского персонала, оказывающего паллиативную помощь, актуальна. Данная проблема требует вмешательства, что обусловлено зависимостью уровня оказания медицинских услуг (качество жизни/смерти пациентов) от психоэмоционального состояния среднего медицинского персонала.

Библиографический список

1. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Филинь, 1996. 472 с.
2. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.: Питер, 2009. 278 с.
3. Маслач К. Профессиональное выгорание: как люди справляются [Электронный ресурс]. URL: <https://mirznanii.com> (дата обращения: 01.04.2019).
4. Молокоедов А. В., Слободчиков И. М., Удовик С. В. Эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности. М.: Левь, 2018. 252 с.
5. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие. Самара: БАХРАХ, 1998. 672 с.
6. What quality of life? / The WHOQOL Group // World Health Forum. 1996. Vol. 17, no. 4. P. 354-356. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/54358> (дата обращения: 01.04.2019).

Шумкова С. В. Психоаналитические аспекты нервной анорексии // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 74–78.

Shumkova S. V. Psychoanalytic aspects of anorexia nervosa. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 74–78. (In Russ.)

УДК 159.972

С. В. Шумкова

Прикамский социальный институт, Пермь, Россия

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕРВНОЙ АНОРЕКСИИ

Шумкова Светлана Витальевна — младший научный сотрудник, старший преподаватель кафедры «Психология и педагогика».

E-mail: shumkova.psy@gmail.com

В работе рассмотрены исследовательские подходы к изучению нервной анорексии, существующие в отечественной академической психологии, выявлены проблемные области, которые ведут к упрощенному представлению о специфике этого заболевания. Представлен психоаналитический взгляд на причины нервной анорексии. В статье также приводится психологический профиль семей, в которых воспитывались дети, ставшие впоследствии анорексичными.

Ключевые слова: нервная анорексия, пищевые расстройства, причины возникновения, психоанализ.

S. V. Shumkova

Prikamsky Social Institute, Perm, Russia

PSYCHOANALYTIC ASPECTS OF ANOREXIA NERVOSA

Shumkova Svetlana V. — Research Assistant, Senior Lecturer at the Department of Psychology and Pedagogy.

E-mail: shumkova.psy@gmail.com

The work considers studies of the problem of anorexia nervosa by academic psychology (on the example of domestic studies), revealed problem areas, which lead to a simplified idea of the specificity of this disease. A psychoanalytic view of the causes of anorexia nervosa is presented. The article also provides a psychological profile of families in which children who later became anorexic were raised.

Keywords: anorexia nervosa, eating disorders, causes of occurrence, psychoanalysis.

Нервная анорексия — относительно редкое заболевание. Частота встречаемости в странах Западной Европы составляет один случай на миллион жителей, а у лиц женского пола в возрасте 15–20 лет — примерно 16 случаев на 100 тыс. [5]. В начале 60-х годов XX века количество случаев нервной анорексии удвоилось [3]. За последние 20–30 лет частота встречаемости этого заболевания резко возросла [5]. 10–20 % случаев анорексии заканчиваются летальным исходом [6]. Нервная анорексия (далее мы будем употреблять термин «анорексия») — серьезное психическое заболевание, отличительными чертами которого являются одержимость сбрасыванием веса, отказ от пищи и наличие выраженного страха прибавить в весе [5].

Лечении анорексии требует комплексного подхода, и на определенных этапах заболевания первичным является медицинское вмешательство и госпитализация. Несмотря на то что МКБ-10¹ относит анорексию к поведенческим синдромам, связанным с физиологическими и физическими факторами, подавляющее большинство специалистов, занимающихся исследованием и лечением этого заболевания, признают психогенный характер этого расстройства.

В нашей работе мы остановимся на одном аспекте анорексии — причинах ее возникновения. Заявленная тема требует, по нашему мнению, психоаналитического рассмотрения, однако сначала необходимо коснуться основных взглядов академических психологов на проблему анорексии. Психоаналитический подход предполагает глубокий анализ бессознательных процессов и нарушений объектных отношений в раннем детстве; академическая психология гораздо меньше внимания уделяет данным факторам, что, на наш взгляд, ведет к упрощенному представлению о специфике этого заболевания.

Анализируя российские психологические исследования, так или иначе затрагивающие проблематику анорексии, можно отметить три главные тенденции:

1. Чаще всего эмпирические исследования направлены на описание широкого круга психических явлений, связанных с анорексией.

Безусловно, это важный сегмент исследований, но он не проясняет причины возникновения данного расстройства пищевого поведения. Например, в исследовании Л. Г. Жедуновой, А. С. Волдаевой, в котором изучались границы психологического пространства личности как фактора нарушений пищевого поведения, была выявлена тенденция к депривированности физического тела при анорексии и негибкость границ у лиц с анорексией. К сожалению, подобные аспекты не получают дальнейшей разработки. Между тем, на наш взгляд, важным шагом была бы постановка следующих вопросов: в чем проявляется депривированность тела; какая психическая реальность приводит к негибкости границ [1].

В упомянутой выше работе было показано, что «...для испытуемых с анорексией характерен страх, чувство бесперспективности, ощущение утраты личностной позиции, самоуничужение, скрываемое от окружающих и маскируемое нарочитой беспечностью. Для людей, страдающих анорексией, характерна инфантильная установка по отношению к миру. Потребность в повышении собственной позиции за счет усиления самоконтроля. Таким образом, при анорексии человек ощущает себя хозяином собственной телесности, и ограничения в питании (контактах с миром) являются своего рода гиперкомпенсацией собственной уязвимости и нестабильности» [1]. По нашему мнению, к этому блоку выявленных психологических особенностей важно сформулировать ряд вопросов: в чем именно заключается инфантильная установка к миру у лиц с анорексией; в чем так уязвимы и нестабильны люди, которые страдают анорексией; почему для лиц с анорексией важно ощущать контроль над своим телом даже ценой собственной жизни.

Не ставя перед собой подобные вопросы, мы не продвигаемся в вопросах дифференциальной диагностики.

2. Если в психологических публикациях всё же заходит речь о причинах анорексии, то они обсуждаются мимоходом, и по содержанию эти обсуждения могут быть весьма поверхностными.

Д. В. Иванов, А. А. Хохрина отмечают, что «в большинстве случаев в подростковом возрасте неадекватное восприятие внешности и озабоченность каким-либо дефектом внешности

¹ МКБ-10 — Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем (10-й пересмотр), действует на территории Российской Федерации. Диагностические критерии анорексии также представлены в DSM-V — диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам (V издание), разрабатывается и публикуется Американской психиатрической ассоциацией. Рассмотрение вопросов диагностики выходит за пределы этой статьи.

может привести к нарушениям пищевого поведения, таким как булимия или анорексия» [2]. В. П. Медведев, Т. Д. Лоскучерявая считают, что «количество подростков, озабоченных своей внешностью, постоянно растет, что приводит к всё более частым случаям одержимости, которые могут перерасти в расстройства пищевого поведения, мешающие нормальной жизни подростка и отрицательно сказывающиеся на его здоровье» [4]. Озабоченность внешностью и тревога по поводу меняющегося тела в принципе свойственна подросткам. И, вероятно, восприятие тела в этом возрасте далеко от адекватного. Как пишет М. Хирш, «нет человека, который бы в этом возрасте не смотрел на свое меняющееся тело без тревожно-ипохондрических, дисморфофобных переживаний» [6]. Однако развитая дисморфофобия, которую мы наблюдаем при анорексии, свидетельствует о мощном динамическом психическом процессе патологического характера, смысл которого нам необходимо открыть, если мы хотим понять специфику анорексии. Подростковые же переживания по поводу тела и его недостатков могут быть переработаны психикой как по позитивному, так и по негативному сценарию. Для развития анорексии необходимы дополнительные факторы.

Д. В. Иванов, А. А. Хохрина связывают расстройства пищевого поведения у подростков с заниженной самооценкой, негативными чувствами и мыслями по поводу своего веса [2]. Заниженная самооценка характерна для множества состояний, расстройств, для некоторых типов личности и т. д. Поэтому этот факт никак не объясняет наличие пищевого расстройства. Озабоченность весом действительно занимает центральное место при анорексии, но мы должны рассматривать ее в контексте тех символических смыслов, которыми вес наделяется.

3. В некоторые исследования проникла популярная идея о роли СМИ, транслируемых ими идеалов красоты в динамике анорексии. Иногда подобные внешние факторы могут подаваться как причины возникновения анорексии. Например, В. П. Медведев, Т. Д. Лоскучерявая считают, что «в средствах массовой информации активно распространяются идеи о том, что худоба является залогом успеха в жизни. Такие идеи, а также сложившиеся в общественном мнении представления о красоте, как мужской, так и, в особенности, женской, оказывают влияние на представления подростков о себе и своем теле, определяют образ тела и, в конечном счете, пищевое поведение подростка» [4].

СМИ, безусловно, влияют на многие сферы нашей жизни, но почему одни подростки подвержены этому влиянию, а другие — нет? Вероятно, есть гораздо более мощный фактор, который запускает анорексическую динамику. Например, семейный фактор воздействует на нас гораздо дольше и интенсивней.

Представители психоаналитической школы, на наш взгляд, продвинулись гораздо глубже академической психологии в вопросах понимания глубинных причин возникновения анорексии.

Например, в исследовании К. Ф. Уилсон представлен глубокий анализ роли семейного фактора в возникновении анорексии [8]. В исследовании принимали участие сто семей, в которых воспитывались дети, ставшие впоследствии анорексичными. К. Ф. Уилсон выявила психологический профиль этих семей:

1. Родители демонстрировали «правильность» и всячески одобряли конформное поведение детей. Большинство родителей были достаточно успешны в профессии, которая часто имела высокую социальную значимость (врачи, воспитатели, религиозные деятели и пр.).

2. Высокие моральные стандарты, которые поддерживались в этих семьях, способствовали подавлению эмоций. Присутствовал строгий контроль над эмоциями. В некоторых семьях никогда не ссорились в присутствии детей, не разрешались и любые проявления агрессивного поведения. Мать — доминирующая фигура в сравнении с отцом, авторитет которого ограничен.

3. Высокоморальные перфекционистские установки родителей в этих семьях оборачиваются гиперконтролем над детьми. Например, в некоторых семьях не было позволено веселье ради веселья. Всё должно было иметь благородную цель.

4. В большинстве случаев у родителей присутствовали страх поправиться и озабоченность диетами. Этот специфический этиологический фактор передается дочери путем идентификации.

5. Эксгибиционистское поведение родителей, значение которого полностью отрицалось, встречалось в каждой семье. Двери в спальни и туалеты в этих семьях оставались открытыми, что позволяло детям часто становиться свидетелями полового акта или исполнения туалетных функций. Такой опыт в сочетании с родительскими высокоморальными и ханжескими установками вызывал задержку психосексуального развития. Многие девушки были девственными, зажатые в сексуальном плане и боялись мальчиков.

6. В этих семьях ребенок, ставший впоследствии анорексичным, испытывал на себе «особое» отношение родителей, которое отличалось от отношения к другим детям в этой семье. Согласно Кэтрин Ф. Уилсон [8], это могло быть связано с тремя бессознательными аспектами:

1) переносом неразрешенного эмоционального конфликта из детства родителей (например, младенец мог представлять для родителя ненавистного родителя, брата или сестру);

2) необходимостью интенсивного контроля над ребенком, так что ребенок рассматривался почти как часть тела одного родителя;

3) особой психологической ситуацией и эмоциональным состоянием родителя (родителей) во время рождения ребенка (например, ребенок может быть гиперкатектирован¹, потому что он или она — последний ребенок в семье или перенасыщен родителем, который недавно пострадал от потери).

Выявленные К. Ф. Уилсон тенденции позволяют увидеть, в чем именно может заключаться патологичность семей, в которых воспитывались страдающие анорексией. Однако для того, чтобы понять, что именно «запускает» анорексичную динамику, нам необходимо обратить внимание на специфику отношений между матерью и ребенком. Большинство психоаналитиков сходятся в том, что истоки пищевых расстройств, в частности анорексии, следует искать в нарушениях ранних отношений между матерью и ребенком (чаще всего девочкой). М. Сперлинг, анализируя анорексичных детей и их матерей, показала, что предрасположенность к анорексии устанавливается в раннем детстве в результате нарушения симбиотических отношений между матерью и ребенком [цит. по: 8]. М. Хирш считает, что «мы можем понимать тело и его паталогические реакции как символическое выражение раннего, жизненно необходимого, но негативного опыта с материнскими объектами» [6]. В отличие от М. Сперлинг, М. Хирш придерживается несколько иного взгляда на сроки возникновения нарушений. Он считает, что нарушения в развитии, которые впоследствии могут привести к анорексии, связаны не с симбиотической фазой развития, а с фазой повторного сближения (по М. Малер). На этом этапе ребенок особенно сильно зависит от эмпатической поддержки матери, но мать пренебрегает потребностями ребенка, ограничивает их, навязывая свои собственные представления и продвигая свои собственные потребности. «Ребенок к этому времени (в норме) настолько хорошо развит, что начинает идти своим путем, а также отходит от матери, но вскоре чувствует свои границы и должен вернуться к ней. Если мать (нарциссически) реагирует обидой на развитие ребенка и потом не подпускает его к себе, когда он хочет вернуться, мы видим ограничивающую развитие динамику». По мнению М. Хирша, «эта эгоистичная динамика матери, в сочетании с не-

¹ Гиперкатексис — перенасыщение объекта психической энергией.

способностью сопереживать ребенку, вживаться в его потребности и намерения, становится основной в формировании пограничного расстройства личности, а в особенности укоренения анорексии в подростковом возрасте» [6]. Травма состоит том, что доминирующая, гиперопекающая и контролирующая мать ограничивает и наказывает ребенка за попытки быть автономным. На этом этапе происходит также создание и использование переходного объекта (по Д. В. Винникоту), ребенок создает промежуточную область, в которой он в собственных фантазиях, воплощенных в объекте (плюшевом мишке, одеяле), имеет власть, которой у него в действительности нет, в частности власть регулировать близость и дистанцию с самостоятельно созданным материнским объектом. Доминирующие, контролирующие матери не предоставляют ребенку это пространство для игры и обучения, и можно представить, что впоследствии девушки, больные анорексией, создают такое полностью подвластное им пространство в своем теле, противопоставляя его матери [6].

Кроме того, для девочки-подростка формирование женской фигуры означает слияние с «плохим», ограничивающим материнским объектом, ввиду недостаточной дифференциации «Я» от объекта. Кажется, будто в теле, которое становится женским, может восстать мать, тело становится чужеродным. Девушка, страдающая анорексией, должна не допустить этого, даже ценой собственной жизни. Она «становится его повелительницей. Она имеет абсолютную власть над своим весом, и, пока она его контролирует, она ощущает себя самодостаточной и сильной» [6].

Таким образом, при анорексии возникает потребность бессознательного использования своего тела определенным образом, которая парадоксальным образом становится важнее, чем сама жизнь.

В основе любого расстройства питания, будь то компульсивное переедание, булимия или анорексия, лежит крик от глубочайшей части человеческой души, который должен быть услышан. Мы должны понять симптом в контексте внутреннего и внешнего миров пациента [7]. Без этого понимания наши попытки оказать ему помощь будут обречены на провал.

Библиографический список

1. Жедунова Л. Г., Волдаева А. С. Границы психологического пространства личности как фактор нарушений пищевого поведения // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2, № 4. С. 237–241.
2. Иванов Д. В., Хохрина А. А. Образ тела у подростков с нарушениями пищевого поведения // Вестник университета. 2019. № 6. С. 198–204.
3. Илич М. Научный обзор исследований нервной анорексии в психологии здоровья [Электронный ресурс] // Концепт: науч.-метод. электрон. журнал. 2019. № 7. URL: <http://e-koncept.ru/2019/192025.htm> (дата обращения: 03.12.2019).
4. Медведев В. П., Лоскучерявая Т. Д. Нервная анорексия и нервная булимия у детей и подростков: диагностика и лечение // Российский семейный врач. 2013. Т. 17, № 1. С. 4–15.
5. Нервная анорексия: обзор и клинический случай / Л. В. Демешкина, О. Н. Сердюченко, Д. А. Птушкина, О. П. Петишко // Психосоматика в гастроэнтерологии. 2015. № 3 (57). С. 59–65.
6. Хирш М. «Это мое тело... и я могу делать с ним что хочу»: психоаналитический взгляд на диссоциацию и инсценировки тела: пер. с нем. М.: Когито-Центр, 2018. 381 с.
7. Gaynor F. The Psychoanalytic understanding of Anorexia Nervosa and the therapeutic response. URL: https://esource.dbs.ie/bitstream/handle/10788/2882/Fiona%20Gaynor_Dissertation.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 03.12.2019).
8. Wilson C. P. The family psychological profile and its therapeutic implications // Fear of being fat: The treatment of anorexia nervosa and bulimia / ed. C. P. Wilson. New York: Aronson, 1983. P. 29-47.

Булахтин М. А. Семейная политика польских консерваторов на современном этапе // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 79–86.

Bulakhtin M. A. Family policy of Polish conservatives at the present stage. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 79–86. (In Russ.)

УДК 323 (438)

М. А. Булахтин

Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь, Россия

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

Булахтин Максим Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление», кафедры «История и археология».

E-mail: bulachtin@yandex.ru

В статье анализируется семейная политика, проводимая в Польше правящей консервативной партией «Право и справедливость». Государственная поддержка семьи объявлена консерваторами одним из ключевых приоритетов деятельности. Она продиктована прежде всего необходимостью предотвращения демографического кризиса в Польше, рассматривается также как средство борьбы с бедностью, особенно среди детей. Главной задачей государства консерваторы считают повышение уровня благосостояния польских семей, обеспечение роста семейных доходов. Они исходят из того, что прямая материальная поддержка семьи со стороны государства — это не расходы, а инвестиция в людей как самый ценный актив, которым располагает государство. Важными направлениями государственной семейной политики партия «Право и справедливость» называет также развитие социальной инфраструктуры для детей, создание условий для того, чтобы родители могли совмещать обязанности по воспитанию детей с трудовой деятельностью. В целом консерваторы считают, что забота государства о семье должна сформировать позитивный климат, способствующий укреплению семейных ценностей, института семьи и брака в польском обществе.

Ключевые слова: Польша, консерватизм, государственная семейная политика, демографическая ситуация, материнство, детство.

M. A. Bulakhtin

Perm State National Research University, Perm, Russia

FAMILY POLICY OF POLISH CONSERVATIVES AT THE PRESENT STAGE

Bulakhtin Maxim A. — Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Public Administration, Department of History and Archaeology.

E-mail: bulachtin@yandex.ru

The research investigates the ruling Law and Justice party's policy towards family issues in Poland. Polish conservatives have declared government support for families as their key priority. This support is aimed to prevent a demographic crisis in the country and to reduce poverty especially among children. The main measures of the policy are intended to increase families' income and to improve their welfare. Polish conservatives consider direct government allowances to families as an investment in the human capital as a national most valuable asset. Law and Justice party also pays attention towards public amenities for children that will allow parents to combine their job and family responsibilities. Generally, Law and Justice party wants to maintain the institution of family and marriage. Polish conservatives believe that the policy towards family issues should create an optimistic atmosphere and strengthen conservative values within the nation.

Keywords: Poland, conservatism, Family Policy, demographic situation, maternity, childhood.

Несмотря на глубокие трансформации в политической, социально-экономической и культурной жизни Польши на рубеже XX и XXI веков, семья остается важнейшим институтом польского общества, а семейное счастье — главной ценностью и жизненной целью для абсолютного большинства поляков. Сохранению сильных и стабильных связей, поддержанию тесных и дружеских отношений между родственниками придается в Польше большое значение. Многие поляки убеждены в том, что без семьи трудно быть настоящим счастливым человеком [9, s. 8; 17, s. 1-5].

Большое внимание защите и укреплению семьи и брака уделяет консервативная партия «Право и справедливость» (ПиС). Ее представители уверены в том, что традиционные семейные ценности являются основой существования и сохранения польского народа. По мнению лидера «ПиС» Я. Качиньского, главной задачей государства является забота о семье. «Нужно строить на скале, как учит Евангелие. Такой скалой для нас является польская семья», — убежден политик [7].

Завоевав на выборах 2015 года большинство мест в парламенте, «ПиС» одним из главных направлений своей деятельности провозгласила поддержку семей с детьми. Эта тема приобрела особую актуальность в условиях развития неблагоприятных тенденций в сфере демографии. Министр семьи, труда и социальной политики Э. Рафальская в своем выступлении перед депутатами в феврале 2016 года обратила внимание на крайне низкий показатель рождаемости в Польше. По ее словам, из 224 стран мира польское государство занимает по этому показателю лишь 216-е место. В 2014 году этот показатель составил всего 1,29. Согласно прогнозам, к 2050 году польское население может сократиться с 38,4 млн до 34 млн человек [13, s. 6]. Как отметил другой представитель «ПиС» Й. Брудзиньский, если сохранится такой уровень рождаемости, то к концу XXI века население страны сократится до 17 млн человек, а некоторые эксперты прогнозируют сокращение и до 12 млн человек [1]. Кроме того, поляки станут стареющим обществом. Уже сейчас 9 млн человек в Польше (или 24 % населения) — это люди старше 60 лет. К 2050 году количество лиц в возрасте «60+» увеличится до 13,7 млн человек, что составит более 40 % населения страны [19].

Главным препятствием для роста рождаемости консерваторы считают неуверенность польских граждан в своей экономической безопасности, страх потерять работу в случае увеличения семьи. Стремление улучшить демографическую ситуацию в стране и побудило «ПиС» принять в 2016 году специальную государственную программу поддержки семьи («Семья 500 плюс»). Она предусматривала предоставление семьям денежного пособия в размере 500 злотых в месяц (около 116 евро, или 8 300 рублей по курсу на октябрь 2019 года) за каждого второго и следующего ребенка. Если доход на каждого члена семьи не превышал 800 злотых в месяц (около 187 евро, или 13 300 рублей по курсу на октябрь 2019 года), то выплата полагалась и на первого ребенка. Если в

семье воспитывался ребенок с ограниченными возможностями, то выплата на первого ребенка производилась при условии, если доход на каждого члена семьи не превышает 1 200 злотых (около 280 евро, или 19 900 рублей по курсу на октябрь 2019 года). Эта субсидия должна выплачиваться с рождения до достижения ребенком 18 лет. Кроме того, она не облагается налогом. В целом данная выплата была призвана обеспечить семью дополнительными 6 тыс. злотых в год (около 1 400 евро, или 99 700 рублей по курсу на октябрь 2019 года) на воспитание ребенка, позволяя покрыть 60 % расходов на его содержание [13, s. 8].

Таким образом, польские консерваторы полагали, что денежные пособия для семей повысят показатели рождаемости. Выражалась надежда, что программа позволит также перейти от доминирующей в Польше модели семьи «2 + 1» (двое родителей и один ребенок) хотя бы к модели «2 + 2» (двое родителей и двое детей), а лучше всего — к «2 + 3» (двое родителей и трое детей).

Деятели «ПиС» указывали также на то, что программа «Семья 500 плюс» будет способствовать сокращению бедности и нищеты среди детей. По словам министра Э. Рафальской, в 2015 году более 800 тыс. польских детей жили в семьях с доходами ниже прожиточного минимума. Это означает, что у их семей не хватало средств на удовлетворение основных биологических потребностей [13, s. 7]. Причем особенно остро нищета затрагивала многодетные семьи. По данным министерства семьи, труда и социальной политики, среди семей, воспитывавших четырех и более детей, в 2015 году показатель бедности превышал 25 % [13, s. 8]. Полмиллиона детей недоедали, у их родителей не было средств на обеспечение детям как минимум один раз в два дня питания с включением в рацион мяса, рыбы или их вегетарианского эквивалента. У таких семей не было средств на покупку хотя бы несколько раз в неделю свежих фруктов и овощей. Многие семьи были вынуждены отказываться от дополнительных занятий для своих детей, например от частных уроков для отстающих учеников, курсов по подготовке к экзаменам, спортивных, музыкальных занятий. Каждая третья семья не имела возможности отправить детей хотя бы раз в год на недельный отдых. У каждой 11-й семьи не было средств на организацию дня рождения для своего ребенка, у каждой 8-й — на посещение театра или кино [13, s. 8].

Деятели «ПиС» обращали внимание и на другие аспекты программы «Семья 500 плюс». Отмечалось, в частности, что каждая страна в ЕС «физически» конкурирует за молодых людей. В Западной Европе широко распространена практика предоставления высоких пособий на воспитание детей. В Германии такое пособие составляет 188 евро в месяц, во Франции — 135 евро, в Ирландии — 135 евро, в Англии — 20 фунтов в неделю [14, s. 199]. Устанавливая соответствующие выплаты, польское правительство рассчитывало сократить эмиграцию молодежи, показывая, что высоко ценит молодое поколение [13, s. 9; 14, s. 177]. В контексте высокого уровня эмиграции поляков такая задача приобретала особую важность. По разным данным, страну покинули от 2,3 до 2,7 млн человек [13, s. 6]. Переезд большого числа сограждан за границу консерваторы называют «драмой», «невозместимой потерей», особенно когда речь идет о молодежи, лучше образованной и более предприимчивой [2]. «Мы четко говорим молодежи: вы очень нам нужны. Нам очень важно, чтобы вы оставались в Польше и строили здесь свое будущее», — заявила Э. Рафальская [13, s. 9].

В 2019 году консерваторы распространили действие программы «Семья 500 плюс» на всех польских детей, независимо от дохода семьи. По данным социологических опросов, 75 % поляков поддержали это решение [6, s. 2]. В результате, если в апреле 2019 года этим пособием пользовались 3,6 млн детей, то с июля 2019 года каждая польская семья стала получать 500 злотых в месяц за первого или единственного ребенка. В настоящее время все польские дети, а именно 6,8 млн человек, охвачены этой программой [5, s. 55].

Данные средства родители используют в том числе на образование, путешествия своих детей по стране. В результате многие из них впервые побывали на море — балтийском побережье Польши.

Следует отметить, что хотя формально программа «Семья 500 плюс» направлена на поддержку детей в возрасте до 18 лет, эти деньги косвенно поддерживают и взрослых детей в семье. Например, за счет данной субсидии родители получили возможность помогать своим старшим детям, которые обучаются в другом городе [18].

Еще одним инструментом государственной поддержки семьи стала программа «Хороший старт». Она предусматривает разовую выплату каждому школьнику в размере 300 злотых (около 70 евро, или 4 900 рублей по курсу на октябрь 2019 года) для подготовки к новому учебному году. Данные средства предназначены на покупку учебников, тетрадей, письменных принадлежностей, одежды, обуви. Всего такую выплату получают семьи 4,4 млн школьников.

Кроме предоставления прямых денежных выплат, польское правительство занимается развитием социальной инфраструктуры для детей. Так, например, благодаря программе «Малыш плюс» количество мест в яслях для детей до трех лет увеличилось с 85 тыс. в 2015 году до 146 тыс. в 2018 году, то есть на 74 % [5, s. 55]. Доступность этой социальной услуги повысилась не только в больших городах, но и в малых, а также на селе [8]. С 2018 года бюджет программы вырос в три раза, составив 450 млн злотых [5, s. 57; 16, s. 158]. Консерваторы отмечают, что эта программа дает родителям больше возможностей сочетать семейную жизнь с трудовой деятельностью. Кроме того, благодаря программе местные органы самоуправления могут оказывать дополнительную финансовую поддержку дошкольным образовательным учреждениям, что способствует снижению семейных расходов на оплату содержания ребенка в яслях и детских садах.

Увеличилось также финансирование программы «Карточка большой семьи», которая дает возможность семьям, воспитывающим трех и более детей, получать скидки на различные товары и услуги. В 2019 году этой программой стали пользоваться более 3 млн человек, что в три раза больше, чем в 2015 году [5, s. 55].

В 2019 году начала действовать программа «Мама 4 плюс». Она предусматривает выплату ежемесячного пособия женщинам, воспитавшим четырех и более детей. Эти средства получают многодетные матери, достигшие пенсионного возраста (60 лет), но не заработавшие на пенсию. Размер пособия равен минимальной пенсии, которая на март 2019 года составляла 1 100 злотых (около 257 евро, или 18 300 рублей по курсу на октябрь 2019 года).

В своей предвыборной программе 2019 года консерваторы подчеркнули, что если в 2015 году государственная поддержка на одного ребенка в среднем составляла 1 776 злотых в год (около 415 евро, или 29 500 рублей по курсу на октябрь 2019 года), то в 2019 году это уже 8 280 злотых (около 1 938 евро, или 137 800 рублей по курсу на октябрь 2019 года) [10]. В 2015 году бюджетные расходы на поддержку семьи составляли 1,78 % ВВП, в 2017 году они возросли до 3,11 %, а в 2020 году составят 4 %. Таким образом, считают деятели «ПиС», это приведет к тому, что Польша станет одним из лидеров в мире в области семейной политики [5, s. 65].

В ходе избирательной кампании 2019 года консерваторы выступили с предложением сделать бесплатными лекарства, необходимые женщинам во время беременности. В случае победы они обещали также принять программу, которая позволит матерям воспользоваться более гибкими формами занятости. К таковым относится возможность установления индивидуального режима работы, выполнения части работы на дому. Кроме того, государ-

ство будет содействовать работодателям в организации яслей и детских садов при предприятиях [5, s. 65-66].

По оценкам «ПиС», благодаря проводимой семейной политике в Польше сократилось социальное неравенство, бедность, был высоко оценен труд матерей, посвятивших себя воспитанию детей [8]. Если в 2015 году уровень крайней бедности составлял 6,5 %, то в 2018 году он снизился до 5,4 % [10]. Наблюдался также рост показателя рождаемости. Если в 2015 году он составлял 1,29, то в 2018 году — уже 1,44. Более чем на треть вырос доход самых бедных семей. Изменилась и структура расходов. Поляки стали меньше тратить на продукты питания и транспорт, и больше — на отдых, культуру, обустройство квартиры, образование, питание вне дома [10].

Действительно, жизнь многих польских семей изменилась к лучшему. Об этом свидетельствуют и данные опросов. Согласно результатам социологического исследования, проведенного в марте 2019 года, 62 % поляков позитивно оценили семейную политику государства. До 2013 года такую оценку давали лишь 16 % респондентов [6, s. 1-2].

Важным направлением семейной политики партия «ПиС» считает обеспечение гражданам хорошо оплачиваемой работы. Консерваторы сумели добиться повышения минимальной заработной платы. Так, если в 2015 году она составляла 1 750 злотых брутто, то в 2019 году — уже 2 250 злотых брутто. Правительство запланировало повышение минимальной зарплаты в 2020 году до 2 600 злотых брутто [4]. Лидер «ПиС» Ярослав Качиньский заявил о необходимости достижения в Польше западноевропейского уровня доходов. В 2021 году минимальная заработная плата должна вырасти до 3 тыс. злотых брутто, а в 2023 году — до 4 тыс. злотых брутто. По мнению руководителя «ПиС», необходимо «сломоть механизм», который вынуждает людей работать за низкую зарплату [7].

За последние годы повысилась и минимальная почасовая ставка оплаты труда. Если в 2017 году она составляла 13 злотых брутто, то в 2019 году — 14,70 злотых брутто (около 3,4 евро, или 240 рублей по курсу на октябрь 2019 года). В 2020 году она должна возрасти до 17 злотых брутто [4].

По мнению Я. Качиньского, улучшению материального благосостояния граждан должно способствовать также обеспечение правительством высокого экономического роста в стране. По его словам, через 14 лет экономическое развитие Польши должно достичь среднего уровня по ЕС, а через 21 год — Германии [7].

Семейная политика консерваторов с самого начала ее реализации стала подвергаться критике со стороны политических оппонентов и экспертного сообщества в Польше. В настоящее время обращается внимание на то обстоятельство, что в результате расширения в 2019 году права на выплату ежемесячного пособия в размере 500 злотых на первого ребенка больше всего средств будет поступать семьям со средним достатком, а не самым бедным. Эти деньги получают и самые богатые семьи, чей доход на каждого члена семьи составляет 5 тыс. злотых в месяц (около 1 170 евро, или 83 тыс. рублей по курсу на октябрь 2019 года). «Они действительно нуждаются в социальной поддержке? Ну, разве что на учебу в Лондоне», — иронично заметил сенатор Я. Рулевский [3].

Публицист М. Пясецкий отмечает, что программа «Семья 500 плюс» усилила в Польше «классовую неприязнь» к малообеспеченным группам населения [3]. Однако, как полагает автор, если бы представители среднего класса оказались лишены выплат по этой программе, то их гнев, ожесточение и требование более строгого контроля за трудовой деятельностью менее состоятельных граждан были бы еще сильнее. Кроме того, отсутствует уверенность в том, что сэкономленные на программе «Семья 500 плюс» средства были бы направлены на финансирование других сфер социальной политики, а не пошли бы, например, на закупку вооружений для армии.

Эксперты соглашаются с тем, что благодаря проводимой политике правительству удалось уменьшить крайнюю бедность. Однако это произошло слишком высокой ценой. Так, например, предполагалось, что «Семья 500 плюс» позволит сократить крайнюю бедность в целом на 35–47 %, а среди детей — на 75–100 %. Однако в действительности уровень крайней бедности снизился лишь на 21 %, а среди детей — на 41 % [9, s. 8]. Исследователи подчеркивают, что если бы выплаты направлялись исключительно на поддержку самых бедных семей, то подобный результат можно было достичь и за 12 % от суммы, выделяемой на эту программу [9, s. 9].

Эксперты также ставят под сомнение наличие прямой связи между денежными выплатами и ростом рождаемости. Обращается внимание, что за период действия программы «Семья 500 плюс» количество рождений больше всего возросло в семьях, где уже было двое детей [9, s. 6]. И можно предположить, что это были семьи, где уже задумывались о следующем ребенке. Стимул в виде 500 злотых лишь ускорил это решение [3].

В Польше весьма многочисленной является группа семей, которые откладывают решение о рождении первого ребенка. Исследователи полагают, что ключевую роль для них в этом вопросе будет играть доступность и качество социальных услуг в сфере опеки над детьми (прежде всего для детей в возрасте до трех лет), в области образования, здоровья, отдыха [3]. Супруги откладывают решение о рождении ребенка из-за отсутствия уверенности в том, что их малыш будет иметь соответствующие условия для взросления. Дополнительные 500 злотых в семейном бюджете вряд ли решат эту проблему.

Отмечается также, что в 2017 году 87 % родивших женщин имели как минимум среднее образование, а 51,7 % — высшее. Для женщин с высшим образованием особенно важно, чтобы у них была возможность совмещать родительские обязанности с трудовой деятельностью. Однако Польша относится пока к той группе стран, где это сделать трудно [9, s. 6, 8].

Критики семейной политики «ПиС» указывают и на то обстоятельство, что выделение огромной суммы только на выплату по программе «Семья 500 плюс» означает отсутствие средств на развитие других сфер социальной политики, потенциально не менее важных для общества (образование, здравоохранение) или связанных с долгосрочной перспективой развития страны (транспортная инфраструктура, качество воздуха и т. д.) [9, s. 2, 14].

Финансовый аспект, полагают эксперты, является лишь одной из многих предпосылок в принятии решения о рождении ребенка [9, s. 6]. Ощущение финансовой безопасности, которое значительно выходит за рамки 500 злотых, связано с восприятием ситуации на рынке труда, в том числе шансов найти привлекательную работу и достойную заработную плату. Рост рождаемости в 2016–2017 годах исследователи объясняют прежде всего заметным улучшением ситуации на рынке труда, а также свидетельством реализации ранее отложенных планов рождения детей. Программа «Семья 500 плюс», по мнению экспертов, принципиально не меняет непосредственных расходов на воспитание детей, не изменяет восприятия трудностей, которые мешают повышению рождаемости в значительной группе семей, и в этом смысле не сдерживает перенос решения о рождении ребенка [9, s. 7]. Исследователи сомневаются также в том, что предложенная «ПиС» концепция распределения бюджетных средств соответствует предпочтениям польского общества [9, s. 14].

Следует заметить, что консерваторы прислушиваются к критическим замечаниям в отношении проводимой ими семейной политики. Как уже отмечалось, благодаря появлению дополнительных финансовых возможностей в 2019 году было расширено право на выплату ежемесячного денежного пособия и на первого ребенка вне зависимости от дохода семьи. Правительство увеличило финансирование яслей и детских садов. В ходе предвыборной кампании партия «ПиС» заявила о желании создать условия, которые позволят

родителям совмещать семейные обязанности с трудовой деятельностью. Можно согласиться с экспертами в том, что пока не удалось существенным образом переломить негативные тенденции в сфере демографии, решить проблему нехватки мест в яслях и детских садах. Тем не менее семейная политика «ПиС» находит поддержку значительной части польского общества. Люди реально почувствовали, что государство стало проводить активную социальную политику. Программы поддержки семьи в немалой степени способствовали успеху консерваторов на парламентских выборах в октябре 2019 года, по итогам которых «ПиС» получила большинство в сейме (235 мест из 460) и почти половину мест в сенате (48 из 100).

Библиографический список

1. Lipiec — Najbliższa konwencja PiS poświęcona polityce rodzinnej // Telewizja Republika. 09.09.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sMvxhN1N9a8> (дата обращения: 16.10.2019).
2. Marczuk B. Polskie państwo ma służyć rodzinom // Rzeczpospolita. 08.08.2018. URL: <https://www.rp.pl/publicystyka/rafalskamarczuk> (дата обращения: 15.06.2019).
3. Piasecki M. Ekonomiści: 5 mld zł z 500 plus trafi do 10 proc. najbogatszych rodzin // OKO.press. URL: <https://oko.press/5-mld-zl-trafi-do-10-proc-najbogatszych-rodzin-500-plus/> (дата обращения: 20.07.2019).
4. Płaca minimalna 2020. Ile na rękę najniższa krajowa. Będzie rekord // GK24.pl. URL: <https://gk24.pl/placa-minimalna-2020-ile-na-reke-najnizsza-krajowa-bedzie-rekord-stawki-brutto-i-netto-pensja-23112019/ar/c3-14446357> (дата обращения: 17.10.2019).
5. Program Prawa i Sprawiedliwości 2019 “Polski model państwa dobrobytu”. URL: http://pis.org.pl/files/Program_PIS_2019.pdf (дата обращения: 15.10.2019).
6. Program Rodzina 500 plus po trzech latach funkcjonowania // Centrum Badania Opinii Społecznej. Komunikat z badań. № 52/2019, kwiecień. URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2019/K_052_19.PDF (дата обращения: 10.08.2019).
7. Przemówienie prezesa Prawa i Sprawiedliwości Jarosława Kaczyńskiego. URL: <https://www.polskieradio.pl/7/5766/Artykul/2367734,Konwencja-PiS-w-Lodzi-Transmisja-w-Jedynce> (дата обращения: 12.10.2019).
8. Rafalska: Polska wśród liderów polityki społecznej // Radio Zachód. 07.07.2019. URL: <https://www.zachod.pl/117159/rafalska-polska-wsrod-liderow-polityki-spoecznej/> (дата обращения: 25.09.2019).
9. “Rodzina 500+” — ocena programu i propozycje zmian / M. Brzeziński, A. Chłoń-Domińczak, I. E. Kotowska, I. Magda, M. Myck, M. Najsztab, J. Tyrowicz. URL: [file:///C:/Users/009/Downloads/press-release500-pluspdfraport500plusfinal%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/009/Downloads/press-release500-pluspdfraport500plusfinal%20(1).pdf) (дата обращения: 30.09.2019).
10. Rodzina 500+, czyli rewolucja w polskiej polityce społecznej / Ministerstwo Rodziny, Pracy i Polityki Społecznej. 05.09.2019. URL: <https://www.gov.pl/web/rodzina/rodzina-500-czyli-rewolucja-w-polskiej-polityce-spoecznej> (дата обращения: 17.10.2019).
11. Rodzina — jej znaczenie i rozumienie // Centrum Badania Opinii Społecznej. Komunikat z badań. № 22/2019, luty. URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2019/K_022_19.PDF (дата обращения: 14.08.2019).
12. Silna rodzina to silna wspólnota / Ministerstwo Rodziny, Pracy i Polityki Społecznej. 05.09.2019. URL: <https://www.gov.pl/web/rodzina/silna-rodzina-to-silna-wspolnota> (дата обращения: 12.10.2019).
13. Sprawozdanie Stenograficzne z 11. posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej w dniu 9 lutego 2016 r. // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, Wydawnictwo Sejmowe, 2016. URL: http://orka2.sejm.gov.pl/StenoInter8.nsf/0/CFEA3265E15B757CC1257F54005D968F/%24File/11_a_ksiadzka_bis.pdf (дата обращения: 25.06.2019).
14. Sprawozdanie Stenograficzne z 11. posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej w dniu 10 lutego 2016 r. // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, Wydawnictwo Sejmowe, 2016. URL: http://orka2.sejm.gov.pl/StenoInter8.nsf/0/05FFF623C697631BC1257F550060ED29/%24File/11_b_ksiadzka_bis.pdf (дата обращения: 25.06.2019).

15. Sprawozdanie Stenograficzne z 11. posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej w dniu 11 lutego 2016 r. // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, Wydawnictwo Sejmowe, 2016. URL: http://orka2.sejm.gov.pl/StenoInter8.nsf/0/8B1E29A81F40FE76C1257F56006F616E/%24File/11_c_ksiazka_bis.pdf (дата обращения: 27.06.2019).
16. Sprawozdanie Stenograficzne z 63. posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej w dniu 6 czerwca 2018 r. // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, Wydawnictwo Sejmowe, 2018. URL: http://orka2.sejm.gov.pl/StenoInter8.nsf/0/FA3B6CB3513CCCD3C12582A500088F83/%24File/63_b_ksiazka_bis.pdf (дата обращения: 27.06.2019).
17. Więzi rodzinne // Centrum Badania Opinii Społecznej. Komunikat z badań. № 61/2019, kwiecień. URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2019/K_061_19.PDF (дата обращения: 15.09.2019).
18. Wójcik P. Egalitarna polityka rodzinna // Nowy Obywatel. URL: <https://nowyobywatel.pl/2019/03/03/egalitarna-polityka-rodzinna/> (дата обращения: 12.10.2019).
19. Żebrowski P. Węgierska polityka rodzinna przykładem dla Polski // Prawo.pl. URL: <https://www.prawo.pl/kadry/wegierska-polityka-rodzinna-przykladem-dla-polski,402468.html> (дата обращения: 12.10.2019).

Бурмистрова Е. С. Традиционные ценности в повестке либеральных сил в начале XXI века: США и Канада // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 87–92.

Burmistrova E. S. Traditional values in liberal agenda in the beginning of the 21st century: USA and Canada. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 87–92. (In Russ.)

УДК 329.12(71+73)“20”

Е. С. Бурмистрова

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ПОВЕСТКЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ СИЛ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: США И КАНАДА*

Бурмистрова Екатерина Сергеевна — ассистент кафедры «История и археология».
E-mail: burmi-k@yandex.ru

В статье предпринята попытка показать различия в восприятии современными американскими и канадскими либералами концепта традиционных ценностей. Отношение к концепту традиционных ценностей рассматривается автором через призму отношения к таким проблемам, как институт брака и семьи, защита детства, роль религии и отношение к миграционным процессам. На примере Демократической партии США и Либеральной партии Канады автор предпринимает попытку ответить на вопрос, каким образом либеральные силы используют и переосмысливают концепт традиционных ценностей в своей риторике. Автор обращается к партийным программам и высказываниям ведущих политиков, анализируя связанные с этими темами проблемы. Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в рассматриваемых странах существуют противоположные тенденции. В США, где тон политической жизни задают консерваторы, либералы вынуждены использовать в своей риторике концепт традиционных ценностей. В Канаде на первых ролях либералы, и, следовательно, проблемы традиционных ценностей не столь актуальны.

Ключевые слова: либерализм, традиционные ценности, правый радикализм, Демократическая партия США, Либеральная партия Канады.

E. S. Burmistrova

Perm State University, Perm, Russia

TRADITIONAL VALUES IN LIBERAL AGENDA IN THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY: USA AND CANADA

Burmistrova Ekaterina S. — Assistant at the Department of History and Archeology.
E-mail: burmi-k@yandex.ru

An attempt to show the differences in the perception of concept of traditional values by modern American and Canadian liberals. The attitude to the concept of traditional values is considered through the prism of attitude to such problems as the institution of marriage and the family, protection of childhood, the role of religion and attitude to migration processes. Using the example of the Democratic Party of the USA and the Liberal Party of Canada the author attempts to answer the question of how liberal forces use and reconsider concept of traditional values. The author pays special attention to programs of parties and the statements of politicians, analyzing the problems associated with these topics. The foregoing allows

concluding that in the USA and Canada there are opposite trends. In the USA, where conservatives set the tone for political life, liberals are forced to use the concept of traditional values in their rhetoric. In Canada, liberals take the lead, and therefore the problems of traditional values are not so relevant.

Keywords: liberalism, traditional values, right-wing radicalism, Democratic Party of the USA, Liberal Party of Canada

Введение

В современном мире всё популярнее становятся идеи правых радикалов, отстаивающих традиционные ценности. Актуализация таких тем, как семья, религия, роль женщины в воспитании детей и отношение к мигрантам, в политической риторике вынуждает либералов также включить эту проблематику в свой дискурс. В связи с этим интересно проанализировать то, как либеральные силы Соединенных Штатов Америки и Канады, стран-соседей, имеющих разные траектории политического развития, используют тематику традиционных ценностей в своей риторике.

В рамках исследования под концептом «традиционные ценности» понимается поддержка гетеросексуальных отношений, института брака и семьи, признание ценности материнства, защита детства, признание ведущей роли религии в обществе и отрицательное отношение к миграционным процессам. Проанализировав точки зрения американских и канадских либералов по каждой из проблем, дадим оценку роли этого концепта для современных либералов США и Канады.

Американские либералы на страже традиционных ценностей

Основными носителями либеральной идеи на политической арене в Соединенных Штатах Америки на современном этапе традиционно остаются представители Демократической партии. Так, на протяжении XX века доля демократов, заявляющих о либеральности своих взглядов, согласно данным исследовательского центра Пью, возросла с 28 % в 2000 году до 34 % в 2008 году и 38 % в 2012 году, при этом доля консервативно настроенных демократов сократилась к 2012 году до 20 % [10]. Значительно снизилась и доля демократов, соглашавшихся с тем, что для них актуальны «старомодные ценности в отношении семьи и брака»: к 2012 с этим были согласны только 60 % демократов, по сравнению с 70 % в 2007 году и 86 % в опросе 1987 года [10].

До начала XXI века традиционные ценности оставались основой риторики консервативных сил, а либералы явно избегали этой тематики. Это можно объяснить тем, что «фраза “семейные ценности” так тесно связана с 1980-ми годами и с Джерри Фолуэллом, что ее употребление мгновенно убивает всякий интерес» [5]. Однако на современном этапе демократы всё чаще начинают обращать внимание на этот концепт. Ядром этого концепта для американцев является прежде всего семья, и демократы обращают внимание на то, как она меняется в современном мире. Либералы полагают, что стабильные, здоровые браки и отношения могут укрепить экономическую безопасность и благополучие взрослых и детей и обращают внимание на то, что дебаты о семье обычно ограничиваются обсуждением достоинств «традиционных» семей по сравнению с «альтернативными» [19]. Указывая на то, что исконной ценностью американцев является семья, они призывают защищать то, что под семьей понимается сейчас. В центре внимания либералов, таким образом, теперь находится новый тип семьи, включающий в себя как «традиционную» семью, так и родителей-одиночек и однополых родителей.

Уже в своей программе 2004 года демократы обращали внимание на то, что семья является ключевым понятием для американца. «Семья — это центр повседневной американской жизни. Наши родители — наши первые защитники, первые учителя, первые образцы для подражания и первые друзья. Родители знают, что главная награда Америки — это тихое, ни с чем не сравнимое удовлетворение, которое приносит их семьям лучшая жизнь.

Сильные семьи, наделенные возможностью, руководствуясь верой и наполненные мечтами, являются сердцем сильной Америки» [16].

Говоря о семейной политике, демократы обращают внимание на то, что в центре такой политики должны быть не только матери, но и отцы. «Мы поддерживали общественные и религиозные группы, ориентированные на отцовство, сотрудничали с предприятиями, чтобы предоставить отцам возможность проводить время со своими детьми в боулинге или на футбольном поле, и работали над тем, чтобы помочь отцам общаться с их детьми. Мы все заинтересованы в установлении более прочных связей между отцами и их детьми» [8, р. 47]. Такая поддержка, по мнению демократов, поможет создать более здоровые и активные семьи.

Еще одна центральная тема для американских либералов — поддержание института брака. «Мы должны предоставлять гранты религиозным организациям, чтобы помочь супружеским парам укрепить свой брак, стать лучшими родителями и уменьшить насилие в семье» [1]. Помимо консультативной поддержки, демократы выступают за борьбу со «штрафом за брак» — ситуацией, в рамках которой супружеская пара платит больше налогов, чем они платили бы поодиночке.

Внимание к финансовой составляющей брака тесно связано с ключевым посылом демократов: «пора перестать просто говорить о семейных ценностях и начать проводить политику, которая действительно ценит семьи» [8, р. 47]. Демократы активно поддерживали принятие закона «О здоровых семьях» и выступали за расширение закона «Об отпуске по семейным и медицинским причинам», за экономическую поддержку семей с детьми. Также они считают необходимым сделать уход за детьми более доступным за счет целенаправленного снижения налогов. В целом, по их мнению, главной заботой должно стать экономическое обеспечение американской семьи: за счет различных льгот, изменений в налоговой системе, финансовой поддержки со стороны государства.

Говоря об институте брака, демократы признают право однополых пар на заключение брака и призывают к защите их прав. При этом они признают существование церковного брака и поддерживают право церквей и религиозных объединений заключать брак как религиозное таинство без вмешательства государства [8, р. 53]. Несмотря на то что проблеме религии в программе партии не уделяется значительное внимание, упоминание Бога в ней всё же традиционно встречается. Так, программа 2016 года гласит, что «демократы верят в то, что каждый заслуживает шанса реализовать свой Богом данный потенциал» [17, р. 13]. Интересно отметить, что в 2012 году демократы попытались убрать упоминание Бога из своей программы, однако президент Барак Обама настоял на том, чтобы строчка о том, что демократам «нужно правительство, которое отстаивает надежды, ценности и интересы трудящихся и дает каждому желающему возможность усердно трудиться и максимально использовать свой Богом данный потенциал», была оставлена в программе [9].

Демократы всецело поддерживают право женщины на аборт, полагая, что он является «глубоко личным решением, принимаемым женщиной вместе с ее семьей, врачом и священником, а политикам и правительству не стоит в это вмешиваться» [8, р. 52]. Вместе с тем демократы настаивают на развитии систем здравоохранения и образования, которые способны помочь снизить количество абортов. Аборты, считают демократы, должны быть безопасными, легальными и редкими [16].

В целом демократы традиционно придерживаются более прогрессивных взглядов на женский вопрос. Влияние на это оказывает и то, что демократы на американской политической арене удерживают лидерство по женскому представительству в партии: так, на 2012 год 37 % женщин называли себя демократками, по сравнению с 33 % независимых и 24 % республиканок [12]. Следует отметить и тот факт, что на 2012 год только

16 % демократов считали, что женщины должны вернуться к своей традиционной роли в обществе [20]. Одной из ключевых ценностей для демократов являются женщины и защита их прав: «Когда женщины и девочки здоровы, образованы и могут участвовать в экономической жизни, их семьи и общины процветают, бедность уменьшается, а экономика растет» [17, р. 41]. Борьба с насилием на гендерной почве и защита интересов женщин на всех уровнях является для демократов приоритетной целью.

Несмотря на то что 39 % демократов считают, что растущее число мигрантов из других стран угрожает традиционным американским обычаям и ценностям, согласно официальной риторике по проблеме миграционного кризиса демократы выступают за поддержку и ассимиляцию мигрантов в американском обществе [18]. «Пока Дональд Трамп предлагает перестать пускать мусульманских беженцев, мы будем искать способы помочь невинным людям, которые спасаются от преследований, обеспечивая при этом строгий контроль и проверку» [11].

Таким образом, демократы в силу сложившейся в США ситуации, в которой тон задают консервативные силы, вынуждены вводить в свою риторику понятие традиционных ценностей и активно высказываться по его содержанию. Сохраняя «либеральный взгляд» на проблему, демократы, тем не менее, не отказываются от ключевых понятий концепта традиционных ценностей, в первую очередь от значимости семьи и значения христианства для американцев.

Канадские либералы — проводники ценностей мультикультурализма

В отношении концепта традиционных ценностей Канада представляет собой случай, заслуживающий особого внимания. Так, еще с 1970-х годов Канада взяла курс на мультикультурализм и терпимость по отношению к меньшинствам и иммигрантам. В 2016 году в своей речи, посвященной празднованию Дня мультикультурализма, премьер-министр Канады Джастин Трюдо заявил, что «Канада снова и снова демонстрирует, что страна может быть сильнее, не несмотря на свои различия, но благодаря им. Как канадцы, мы ценим свободу, с которой мы можем демонстрировать гордость за свою индивидуальность и родословную. Независимо от нашей религии, где мы родились, какого цвета наша кожа или на каком языке мы говорим, мы равноправные члены этой великой страны» [14]. Мультикультурализм и терпимость являются одними из фундаментальных характеристик канадской идентичности. Так, согласно опросу, проведенному в 2013 году, более 90 % канадцев в той или иной степени считали, что гендерное равенство и этническое и культурное разнообразие являются общепризнанными ценностями канадцев [15].

Либеральная партия Канады, старейшая партия страны, доминировала на политической арене большую часть XX века и продолжает удерживать лидерство до сих пор. Именно их деятельность и риторика во многом определяют политическую повестку дня в стране. Интересно, что даже в периоды нахождения у власти Консервативной партии, Канада по-прежнему сохраняла курс на мультикультурализм [2, р. 425]. Можно говорить, что для Канады характерна обратная американской ситуации, в которой консерваторы вынуждены играть по либеральным правилам и использовать либеральную риторику в своей политике.

Взгляды либеральной партии официально оформлены в партийной конституции. Одними из ключевых принципов для них являются разнообразие, инклюзивность и гендерное равноправие. Они требуют отказа от «дискриминации по признаку расы, национального или этнического происхождения, цвета кожи, религии, пола, гендерной идентичности или самовыражения, сексуальной ориентации, возраста, психических или физических состояний» [4, р. 1]. Вместе с тем проблемам семьи в политической программе канадских либералов уделяется лишь незначительное внимание. Так, в партийной конституции проблемы семьи и детей не поднимаются вовсе, а в партийной программе на 2019 год проблемы семьи и воспитания детей тесно связаны с финансовой составляющей. В центре внимания

канадских либералов прежде всего детские пособия, облегчение налогового бремени для родителей и введение декретного отпуска для приемных родителей, в том числе относящихся к ЛГБТК2 [7]. Таким образом, канадцы продолжают либеральную традицию по финансовой поддержке семьи, уделяя внимание тому, как семья трансформируется в современном мире, прежде всего обращая внимание на однополых родителей.

Говоря о ценности гендерного равноправия, стоит также обратить внимание на то, как активно либералы в своей программе критикуют консерваторов за то, что «после десятилетий прогресса фундаментальное право женщины выбирать, что она хочет делать со своим телом, ставится под сомнение» [13]. Либералы отстаивают право женщин на аборт и стремятся сделать планирование семьи и охрану сексуального и репродуктивного здоровья более доступными, в том числе в финансовом отношении.

Проблема миграционного кризиса не актуальна для Канады в силу укоренившейся политики мультикультурализма. Исламофобия, ключевой элемент критической риторики против мигрантов, в принципе не характерна для Канады. Религиозные проблемы не привлекают особого внимания канадцев, поскольку с каждым годом количество людей, относящихся к католикам и протестантам, стабильно снижается [6]. В Канаде нет своих крайне правых объединений, сторонники подобных взглядов обычно объединяются вокруг американского *Stormfront* и «Лиги английской обороны» [3, р. 216-217]. Именно отсутствие религиозных дебатов и слабость правого движения определяют тот факт, что проблемам миграции в политической повестке Канады практически не уделяется внимания. Исключение составляет лишь Квебек, жители которого не считают мультикультурализм своей национальной ценностью, а потому настроены к исламу весьма критически и, в частности, пытались принять закон, запрещающий женщинам носить паранджу [3, р. 217].

Таким образом, в Канаде, стране с утвердившимися либеральными принципами, для традиционных ценностей в политической повестке страны практически не остается места. Даже канадские консерваторы не слишком активно используют этот концепт в своей риторике. Проблема мигрантов и вовсе для Канады не имеет никакого значения в силу утвердившихся традиций мультикультурализма.

Выводы

На политической арене США активно борются и противостоят друг другу консервативные и либеральные силы. На современном этапе можно отметить тот факт, что традиционные темы консерваторов: проблемы семьи, религии и национальной идентичности стоят в центре американской политической повестки, что связано с тем, что консервативные силы занимают ведущее положение. Это вынуждает либералов задействовать в своей риторике концепт традиционных ценностей, ранее для них не характерный. Либералы переосмысливают традиционные ценности, говорят об их изменившемся характере и содержании и даже заявляют о том, что на современном этапе именно они становятся партией, действительно борющейся за традиционные ценности, в первую очередь оказывая поддержку семьям.

Для Канады, напротив, характерно политическое преобладание либеральных сил, и повестка дня в канадской политике определяется именно либералами. Правые радикалы, склонные к отстаиванию традиционных ценностей, слабо представлены в политической жизни Канады, а консерваторы вынуждены играть по правилам, заданным либералами. Именно поэтому дискуссии о семье и религии не занимают центральное место в канадских политических дебатах. На первом месте для канадцев находятся традиционные «канадские ценности», несколько отличающиеся от того, о чем говорят консерваторы США и Европы: это мультикультурализм и равенство. В центре внимания канадских либералов борьба с насилием на гендерной почве, а также борьба с расизмом и дискриминацией.

Библиографический список

1. 2000 Democratic Party Platform. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2000-democratic-party-platform> (дата обращения: 15.10.2019).
2. Adam H., Moodley K. Shifting boundaries and flexible identities within a multicultural Canada // *Intercultural Education*. 2012. Vol. 23, no. 5. P. 425-436.
3. Ambrose E., Mudde C. Canadian multiculturalism and the absence of the far right // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2015. Vol. 21. P. 213-236.
4. Constitution of the Liberal Party of Canada. 2016. 13 p.
5. Green E. Why is it hard for liberals to talk about “family values”? URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2013/07/why-is-it-hard-for-liberals-to-talk-about-family-values/278151/> (дата обращения: 15.10.2019).
6. Montgomery M. What’s happening to Canadian churches? URL: <https://www.rcinet.ca/en/2016/12/13/whats-happening-to-canadian-churches/> (дата обращения: 25.10.2019).
7. More help for families // FORWARD: a real plan for the middle class. URL: <https://2019.liberal.ca/our-platform/more-help-for-families/> (дата обращения: 25.10.2019).
8. Moving America Forward. The 2012 Democratic National Party Platform. 70 p.
9. Obama put God and Jerusalem back into the Democratic Party Platform. URL: <https://relevantmagazine.com/current/obama-put-god-and-jerusalem-back-democratic-party-platform/> (дата обращения: 15.10.2019).
10. Partisan Polarization Surges in Bush, Obama Years // Overview. URL: <https://www.peoplepress.org/2012/06/04/partisan-polarization-surges-in-bush-obama-years/> (дата обращения: 15.10.2019).
11. Protect our values // The 2016 Democratic Party Platform. URL: <https://democrats.org/where-we-stand/party-platform/protect-our-values/> (дата обращения: 15.10.2019).
12. Section 9: Trends in party affiliation // Partisan Polarization Surges in Bush, Obama Years. URL: <https://www.peoplepress.org/2012/06/04/section-9-trends-in-party-affiliation/> (дата обращения: 15.10.2019).
13. Sexual and reproductive health // FORWARD: a real plan for the middle class. URL: <https://2019.liberal.ca/our-platform/sexual-and-reproductive-health/> (дата обращения: 25.10.2019).
14. Statement by the Prime Minister of Canada on Multiculturalism Day. URL: <https://pm.gc.ca/en/news/statements/2016/06/27/statement-prime-minister-canada-multiculturalism-day> (дата обращения: 25.10.2019).
15. Statistics Canada. General Social Survey, 2013.
16. The 2004 Democratic Platform for America. Strong at home, respected in the World. URL: <http://janda.org/politxts/PartyPlatforms/Democratic/dem.004.html> (дата обращения: 15.10.2019).
17. The 2016 Democratic Party Platform. 45 p.
18. The growing number of newcomers from other countries threaten traditional American customs and values // American Values Survey. URL: <https://www.peoplepress.org/values-questions/q40z/newcomers-from-other-countries-threaten-traditional-american-values/#party> (дата обращения: 15.10.2019).
19. Valuing all our families: Progressive policies that strengthen family commitments and reduce family disparities. URL: <https://www.americanprogress.org/events/2015/01/05/103814/valuing-all-our-families-progressive-policies-that-strengthen-family-commitments-and-reduce-family-disparities/> (дата обращения: 15.10.2019).
20. Women should return to their traditional roles in society // American Values Survey. URL: <https://www.peoplepress.org/values-questions/q41j/women-should-return-to-their-traditional-roles-in-society/#party> (дата обращения: 15.10.2019).

Голохвастова Н. В. Чтение как элемент повседневной культуры крепостных служащих уральской горнозаводской вотчины (на примере пермских вотчин Строгановых конца XVIII — первой половины XIX века) // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 93–98.

Golohvastova N. V. Reading as an element of an everyday culture of serf employees in Ural Mining Estates (of Perm Patrimonies of the Stroganof Estates late XVIII — first half of the XIX century). *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 93–98. (In Russ.)

УДК 908+326.3

Н. В. Голохвастова

Прикамский социальный институт, Пермь, Россия

**ЧТЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ
КРЕПОСТНЫХ СЛУЖАЩИХ УРАЛЬСКОЙ ГОРНОЗАВОДСКОЙ
ВОТЧИНЫ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКИХ ВОТЧИН СТРОГАНОВЫХ
КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА)**

Голохвастова Наталия Вениаминовна — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой «Теория и история государства и права».

E-mail: nata-gol@bk.ru

В статье рассматривается место такого занятия, как чтение, в повседневной жизни крепостных служащих уральских горнозаводских вотчин. Исследуются факторы, оказывавшие влияние на особое отношение к книге — рукописной и печатной. Обращается внимание на круг чтения, состав частных библиотек, принадлежавших крепостным служащим в пермских вотчинах Строгановых. Делается вывод о формировании у крепостных служащих повседневной культуры чтения.

Ключевые слова: крепостные служащие, уральская горнозаводская вотчина, социально-психологические особенности, повседневная культура, круг чтения, библиотеки.

N. V. Golohvastova

Prikamsky Social Institute, Perm, Russia

**READING AS AN ELEMENT OF AN EVERYDAY
CULTURE OF SERF EMPLOYEES IN URAL MINING ESTATES
(OF PERM PATRIMONIES OF THE STROGANOF ESTATES
LATE XVIII — FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)**

Golokhvastova Natalia V. — Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Theory and History of State and Law.

E-mail: nata-gol@bk.ru

The article examines the place of such an occupation as reading in the daily life of serf employees of the Ural mining estates. The factors that influence the special attitude to the book, handwritten and printed, are investigated. Attention is drawn to the circle of reading, the composition of private libraries owned by serfs in the Perm estates of the Stroganovs. The conclusion is drawn about the formation of serfdom in the daily culture of reading.

Keywords: serf employees, Ural Mining Estate, socio-psychological characteristics, everyday culture, reading circle, libraries.

Одной из своеобразнейших групп в социальной структуре российского общества конца XVIII — первой половины XIX века, особенно в структуре уральских горнозаводских имений, были крепостные служащие. Они явственно выделялись из массы зависимого населения по характеру занятий, условиям труда и быта, по образовательному и культурному уровню, по своим социально-психологическим особенностям. Основное их отличие состояло в том, что, находясь на службе у вотчинника, они выполняли зачастую (хотя и в разном объеме) функции, свойственные, по определению М. Д. Курмачевой, «интеллигентским профессиям» [13, с. 7].

Особая роль служащих в системе управления такими сложными, многоотраслевыми комплексами, каковыми были горнозаводские вотчины, способствовала формированию типичных для представителей этой группы социально-психологических черт, которые проявлялись в их повседневной жизни и по которым можно составить более полное представление о данном социальном слое. Как отмечают исследователи истории повседневности, в ее центре — «повторяющееся, “нормальное” и привычное, конструирующее стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения» [14, с. 7–8].

Одной из таких специфических черт крепостных служащих было особенное отношение к книге. Своеобразная книжная культура формировалась у представителей этой категории с самого детства под влиянием ряда факторов.

Большинство крепостных служащих имели образование: в первую очередь, они проходили курс обучения в приходских училищах в вотчинах, программа которых включала такие предметы, как чтение, письмо, Закон Божий, грамматика, арифметика и чистописание, а также история (русская и всеобщая), география, физика, а иногда и латинский язык, основы рисования и живописи. Некоторые из детей служащих направлялись владельцами в Пермское уездное училище, Московскую земледельческую школу и др. [9; 15; 18, с. 20]. Часть представителей этого слоя получали профессиональное образование в основанной самими Строгановыми Санкт-Петербургской школе земледелия и горнозаводских наук, приближавшей по уровню образования к высшим учебным заведениям или непосредственно в высших учебных заведениях, но последних были единицы. В процессе обучения будущие крепостные служащие приобщались к чтению как естественному занятию образованного человека. Качественное образование действовало в среде служащих как критерий объединения — отграничения. Так, будущий главный лесничий и главноуправляющий Пермского нераздельного имения графов Строгановых А. Е. Теплоухов, являясь студентом Тарандской лесной академии в Саксонии, писал своему другу, с которым вместе обучался в Санкт-Петербургской строгановской школе, А. М. Пестрякову: «Ты, Шарин и я <...> поставлены в ряд просвещенных людей» [3]. Напротив, отсутствие образования в среде служащих, особенно второй четверти XIX века, рассматривалось как нехарактерная черта, даже как недостаток. Например, член Главного управления имением С. И. Конюхов в одном из донесений графу С. Г. Строганову, сообщая о злоупотреблениях сельского приказчика Симанова, отмечал как негативный момент, что последний «образованием <...> стоит не выше обыкновенных пищиков, из крестьян» [17].

Важным фактором, повлиявшим на то, что чтение становилось неотъемлемым элементом повседневной культуры вотчинного служащего, было формирование этого слоя в конце XVIII — первой половине XIX века уже в основном за счет «воспроизводства»: в службу вступали дети, внуки крепостных служащих. В их семьях на протяжении десятилетий складывался особый образ жизни, в котором книга играла значительную роль.

Развитию книжной культуры крепостных способствовало и активное церковное строительство в пермских вотчинах Строгановых: храмы нуждались в первую очередь в

богослужебной литературе. Книжные собрания приходских церквей специалисты считают волостными библиотеками, имевшими большое значение в развитии грамотности, нравственном воспитании местного населения. Постепенно и в семьях крепостных прихожан складывалась традиция книжно-рукописного собирательства. Частные собрания крепостных включали литературу разных жанров [19, с. 171–172].

Ярким примером этого является история рукописной библиотеки строгановских крепостных Демидовых XVIII — первой половины XIX века, хранящейся в фондах Пермского краеведческого музея. Эта уникальная библиотека, состоящая из 30 книг, собиралась, пополнялась и передавалась из поколения в поколение в семье Демидовых — крепостных села Слудка Пермского имения графов Строгановых. Сначала это были крестьяне, затем сменили род занятий (Сила Васильевич Демидов в первой половине XIX века — строгановский караванный приказчик). Но и в среде крестьян, из которых в основном формировалось первое поколение «служителей», существовали люди, хорошо умевшие читать и писать. Из них и складывался круг любителей чтения, которые собирали личные библиотеки, чаще всего переписывая книги от руки, обмениваясь ими. В составе библиотеки Демидовых, которую начали собирать дед и отец будущего караванного, — духовная литература (христианские жития, библейские книги, молитвы), исторические повести (о нашествии хана Батая, о Ермаке и др.), развлекательные романы (о рыцаре Бове-королевиче), повествования о далеких странах и правителях («Об Индейском царстве», «О царе Аггее»), сатирические произведения (повести «О пьянстве и покаянии», «О судьбе Шемяке», «О куре и лисице»), сборники латинских пословиц, русских поговорок, своего рода «энциклопедии», лечебники и др. В XIX веке С. В. Демидов пополнил библиотеку в основном светскими произведениями, печатными изданиями [20, с. 37–47].

Состав библиотеки не случаен: следует помнить, что начали собирать ее в XVIII веке крестьяне. Сочетание религиозных и светских произведений, разноплановость последних говорит о широте интересов крепостных; о гармоничном соединении образованности и народной культуры; о внимании ее владельцев и читателей к внутреннему миру человека, к вопросам его бытия, хотя и выраженным в простой форме.

Встречались в этих библиотеках и уникальные рукописи. Так, служащий канцелярии вотчинного правления Григорий Богданов составил сборник, куда включил 257 латинских афоризмов, дословно переведенных составителем, и 224 соответствующие им по содержанию русские пословицы: очевидно, латинские меткие выражения были тщательно осмыслены крепостным [19, с. 172].

Наличие подобных по составу и, по большей части, рукописных библиотек было, очевидно, характерной чертой семейств образованных крепостных крестьян и служащих пермских вотчин Строгановых в XVIII — начале XIX века. Например, приехавший на обучение в Ильинское приходское училище 13-летний Василий Волегов (выходец из семьи крепостных служащих, впоследствии — главноуправляющий майоратом Строгановых) был «охотником читать по вечерам» и очень сожалел в разговоре со своим ильинским «опекуном» Я. Ваниным, что «у них на Лысьве» остался целый ящик книг, среди которых были «О Бове-королевиче», «О царе Аггее», «Об Илье Муромце» и подобные произведения [4].

В семьях крепостных служащих закладывались основы книжной культуры. Круг чтения резко менялся вместе с повышением уровня образования. Окунувшиеся в столичную культурную среду выпускники Санкт-Петербургской строгановской школы научились любить и ценить русскую классическую художественную литературу. Так, юный Александр Теплоухов увлекается поэзией — Державиным, Баратынским, Батюшковым: «Сочинения сии доставляют мне в моей уединенной жизни истинное наслаждение». Сильное впечатление производит на него роман А. С. Пушкина «Рославлев»: «Приятный

и столь занимателен, что я почти две ночи употребил для его прочтения, да две ночи бредил о небесной сентиментальной его Полине, которая своими несчастиями совершенно отравила мое двухсуточное душевное спокойствие» [1]. Другой выпускник названной школы А. И. Тютюков, будучи уже управляющим Билимбаевским округом и заводом, выписывает в 1839 году для своей библиотеки собрание сочинений А. С. Пушкина в шести томах. В письме к нему пермский вице-губернатор М. Владимиров отмечает, что хорошо знает любовь Александра Ивановича «к отечественной словесности» [19]. В личной библиотеке уже упоминавшегося В. А. Волегова в середине XIX века также имелись произведения Пушкина, Грибоедова, Жуковского, Майкова, Гоголя [6].

Формирование личных библиотек элитой строгановских служащих первой половины XIX века — продолжение традиции на новом качественном уровне. Основу их книжных собраний в этот период составляют учебные и научные издания, так как получившие профессиональное образование служащие приобрели на всю жизнь стремление к постоянному самообразованию, самоусовершенствованию. А. Е. Теплоухов собрал у себя в Ильинском «Лесную библиотеку», которую постоянно пополнял и пользоваться которой разрешал всем лесным служащим имения — большинство из них были его учениками на лесном отделении Санкт-Петербургской строгановской школы в первой половине 1840-х годов: «Чтобы лесным служащим, коих при устройстве лесов графини Строгановой служит под моим начальством 24 человека из воспитанников помянутой школы, во время проживания по деревням не было скучно, я сообщаю им разные хозяйственные журналы и книги из библиотеки моей. Любознательные из них извлекают свою пользу» [2; 10].

Личная библиотека В. А. Волегова включала более 160 книг: 100 — учебные и научные издания (по русскому языку, математике, физике, химии, географии, истории, риторике, архитектуре, искусствоведению, экономике, статистике, бухгалтерии, горному делу, металлургии, минералогии, лесоводству, сельскому хозяйству, медицине), 14 — юридическая литература, нормативные акты, 8 — художественная литература, 39 — книги духовного содержания). Кроме того, в нее входило 30 наименований периодических и продолжающихся изданий, среди которых — журналы различных министерств (внутренних дел, юстиции, путей сообщения), «Горный журнал», «Мануфактурные известия», «Земледельческая газета», «Коммерческая газета», «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», «Сын Отечества» и многие др. Управленческая элита в первую очередь стремилась иметь под рукой издания для пополнения, уточнения знаний по многим отраслям, необходимых им для компетентного исполнения широкого комплекса административно-производственных функций в такой сложнейшей системе, какой было многоотраслевое горнозаводское имение. Особое место занимала православная литература; причем были в собрании В. А. Волегова рукописные книги уставного и полууставного письма [5]. Наличие большого количества периодики говорит о живом интересе служащих Пермского нераздельного имения Строгановых к жизни страны. Особенно активно крепостные служащие читали газеты в те периоды, когда речь шла о социальных переменах в жизни российского общества, непосредственно касавшихся их судьбы. Так, из деловой переписки управления строгановского майората с владельцем известно, что в период, предшествовавший отмене крепостного права, внимание вотчинных служащих было приковано к газетам, оповещавшим о подготовке «великой реформы» и ходе ее проведения в западных и северных губерниях России. В произведениях уральской писательницы А. А. Кирпищевой, дочери крепостного управителя завода (правда, не Строгановых, а Лазаревых), содержатся упоминания о том, что высшие служащие постоянно читали центральные периодические издания и отнюдь не были в стороне от политической жизни страны, особенно в 50-е годы XIX века: «Только и было разговоров и толков, что о войне и политике. Споры по поводу политических соображений доходили до ссор» [12; 16].

Источником политических и правовых знаний крепостных служащих уральского горнозаводского имения, помимо газет, были регулярно получаемые в заводских конторах и окружных управлениях копии императорских указов, правительственных положений, государственных законов, предписаний уральского горного правления и т. п., находившиеся в непосредственном пользовании административно-управленческого аппарата вотчин. Так, например, в «Реестре на предписания и указы, поступившие к дополнению и пояснению законов за 1855 г.» в Билимбаевское окружное правление графа Строганова за период с января по июнь, перечислено более 20 документов, среди которых значатся: копия с «Указа Уральского Горного Правления по предмету сдачи в рекруты и отсылки в Сибирь людей худого поведения» (2 июня 1855 г., № 907), копия с «Высочайше утвержденного 13 декабря 1854 г. мнения Государственного совета относительно смягчения наказаний за нарушение правил о порядке сплава лесных материалов» (29 мая 1855 г., № 1987) и другие документы [8].

Конечно, не все крепостные служащие могли позволить себе собирать личные библиотеки, но очень многие пользовались общественными библиотеками и библиотеками правлений (или «господскими»), которые были достаточно велики. Например, в 1858 году в Ильинской общественной библиотеке насчитывалось 558 сочинений (1385 томов); 84 сочинения (221 том) находились в это время на руках у служащих округов Пермского нераздельного имения Строгановых; 45 сочинений (84 тома) было выдано читателям библиотеки, которые выехали из имения, и посторонним чиновникам. Библиотечный фонд создавался и пополнялся за счет самих служащих [11, с. 54].

Таким образом, чтение стало широко распространенным занятием строгановских крепостных служащих. Книга прочно вошла в их повседневность, помогая осуществлять профессиональную деятельность, давая возможность поддерживать достаточно высокий образовательный и культурный уровень, развиваться, быть в курсе социально-политических перемен в стране. Формированию отношения служащих к чтению как к необходимой составляющей жизни способствовали воспитание в семье, образование и, в большой степени, культурная среда, существовавшая в административных и заводских центрах пермских вотчин Строгановых в конце XVIII — первой половине XIX века.

Библиографический список*

1. ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 22. Л. 30; Д. 404. Л. 30; Д. 466. Л. 1об.
2. ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 372. Л. 10–16; Д. 373. Л. 32; Д. 376. Л. 30.
3. ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 466. Л. 4.
4. ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 263. Л. 1об.
5. ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 303.
6. ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 303. Л. 7, 15–15об.
7. ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 79–80, 98.
8. ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28.
9. ИКМ. Осн. фонд. № 1963/84. Л. 452об., 455об., 17об., 33об., 176об., 208об., 234об., 398об., 409об., 415об.; № 1990/108. Л. 57; № 1991/109. Л. 116об.
10. ИКМ. Осн. фонд. № 1935/56.
11. Калинина Т. А. Село Ильинское как один из центров просвещения крепостного населения (конец XVIII — первая половина XIX вв.) // Сторонушка Ильинская: материалы науч.-практ. конф., посвященной 75-летию Ильинского краеведческого музея. 28–29 июня 1996 г. Ильинский, 1997. С. 48–57.

* Сокращения: Государственный архив Пермского края — ГАПК; Государственный архив Свердловской области — ГАСО; Ильинский краеведческий музей — ИКМ; Российский государственный архив древних актов — РГАДА.

12. Кирпищикова А. А. Из записок управительской дочери // Как жили в Куморе. Пермь, 1987. С. 173–271.
13. Курмачева М. Д. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII — начало XIX вв.). М., 1983.
14. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы анналов к российской философской школе [Электронный ресурс] // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 1. Т. 4. С. 7–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-istorii-povsednevnosti-v-sovremennom-istoricheskom-issledovanii-ot-shkoly-annalov-k-rossiyskoy-filosofskoy-shkole/viewer> (дата обращения: 12.11.2019).
15. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1366. Л. 54об. –55, 115об., 130об.–131.
16. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 5025. Л. 28, 33–33об.
17. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1472. Л. 98–98об.
18. Рогов Н. А. Материалы для истории Пермского заповедного имения графов Строгановых. Пермь, 1892.
19. Род Строгановых / Т. Г. Мезенина, А. Г. Мосин, Н. А. Мудрова, Е. Г. Неклюдов. Екатеринбург, 2007.
20. Соболева Л. С. «Списал оную собственноручно и радетельно» (рукописная библиотека строгановских крестьян XVIII века) // Сторонюшка Ильинская: материалы науч.-практ. конф., посвященной 75-летию Ильинского краеведческого музея. 28–29 июня 1996 г. Ильинский, 1997. С. 37–47.

Кальсина А. А. Проблемы развития российского образования в контексте обеспечения национальной безопасности // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 99–105.

Kalsina A. A. Problems of development of Russian education in the context of national security. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 99–105. (In Russ.)

УДК [37.01:35] (470+571)

А. А. Кальсина

Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Пермь, Россия

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кальсина Алла Алексеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Теория и практика управления».

E-mail: kalsina.alla@mail.ru

В статье раскрываются проблемы развития российской системы образования в контексте обеспечения национальной безопасности страны. Рассматриваются процессы трансформации российского образования за последние двадцать лет, дается оценка изменениям в сфере образования, а также направленности реформ. Делается вывод о западническом характере осуществляемых реформ, без учета российских реалий и особенностей развития отечественной системы образования.

Ключевые слова: реформа, единый государственный экзамен, единое образовательное пространство, российское образование, статус учителя.

A. A. Kalsina

Perm Branch of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Perm, Russia

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN EDUCATION IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

Kalsina Alla A. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Management Theory and Practice

E-mail: kalsina.alla@mail.ru

The article reveals the problems of the development of the Russian education system in the context of ensuring the national security of the country. The processes of transformation of Russian education over the past twenty years are examined, and changes in the field of education, as well as the direction of reforms, are evaluated. The conclusion is drawn about the Western character of the reforms, without taking into account Russian realities, and the features of the development of the domestic education system.

Keywords: reform, Unified State Examination, unified educational space, Russian education, teacher status.

Любая безопасность — экономическая, информационная, оборонная, экологическая и т. д. — так или иначе зависит от состояния образования в стране. Обеспечивает ли со-

временное российское образование национальную безопасность? Обеспечивается ли качественное воспроизводство российского социума? Именно эту функцию выполняет современная система образования.

Вопрос безопасности тесно связан со стратегией реформ, которые проводятся в нашей стране. Исторически развитие российского образования, начиная с эпохи Александра I, шло от реформы к контрреформе. Как правило, либеральные преобразования сменялись консервативными, (охранительными) действиями, поэтому можно отметить реверсивный характер реформ.

Последние двадцать лет сфера образования в Российской Федерации реформируется непрерывно. Следует отметить противоречивый и разновекторный характер проводимых реформ. Многие специалисты отмечают, что затянувшаяся реформа сферы образования постепенно превращается в контрреформу, поскольку результаты преобразований оказываются весьма противоречивыми. Чем больше реформируется данная сфера, тем хуже становится качество образования.

Исторически российское образование было направлено на достижение двух целей: 1) передачу знаний, умений и навыков и приобретение профессиональной квалификации; 2) формирование мировоззрения человека и воспитание гражданина [4]. Воспитательная функция школы всегда являлась особенностью российской модели образования — и в дореволюционный, и в советский период. Традиционно российское образование было направлено на формирование у молодых людей ценностей справедливости, сопереживания, поддержки, терпимости. В 1990-е годы функция воспитания в школе была отброшена как ненужная, и сегодня мы видим результаты этих процессов, в первую очередь снижение общей культуры в обществе.

В советский период система вузовского образования носила «университетский» характер, студенты получали целостное, системное знание и фундаментальную подготовку. В это время было много сделано для формирования единого образовательного пространства, была создана единая государственная школа, бессловная, светская и бесплатная. Известно, что дореволюционная система образования была сословной, ведомственной, раздельной в обучении мальчиков и девочек и не устраивала многие социальные группы российского общества, поскольку получение образования часто ограничивалось уровнем начальной школы. Полную образовательную цепочку могли осуществить только дворянские классы, поэтому идея единства школы поддерживалась многими российскими педагогами задолго до октябрьских событий 1917 года.

Именно принцип единой, государственной школы, введенный советской властью, позволил в короткие сроки создать огромные ресурсы квалифицированных и открытых знанию работников, которые смогли провести в стране форсированную индустриализацию, выстоять в Великой Отечественной войне и, наконец, первыми полететь в космос. Когда американская межведомственная комиссия в 1960-е годы исследовала причины прорыва советской космонавтики, Дж. Кеннеди заявил: «Советское образование лучшее в мире. Мы должны многое из него взять. СССР выиграл космическую гонку за школьной партией» [5].

В СССР образование рассматривалось как общественное благо. Финансирование системы образования осуществлялось государством, на развитие народного образования выделялось в год 12 % от валового внутреннего продукта (далее — ВВП), в современной Российской Федерации — только 3 % от ВВП, при этом во многих развитых странах затраты государства на сферу образования составляют в среднем 6–7 % от ВВП.

Известные политические события начала 1990-х годов изменили ситуацию в стране. С переходом к рыночным отношениям в 1992 году начался демонтаж единой государственной школы. Была провозглашена вариативность программ и учебных заведений, посте-

пенно вводилась платность обучения. Первое, что было разрушено, это единое образовательное пространство. За внешне привлекательным лозунгом индивидуализации образования и вариативности обучения стояла угроза разрушения общего фундамента российской образовательной системы, а через нее и общества в целом. Вариативность всегда приводит к сословности общества и снижает доступность образования. Разрушение единства образовательного пространства отражается на менталитете нации, стирается преемственность между поколениями, а это уже меняет ценности и в целом национальный характер.

Рыночная экономика изменила многое в системе российского образования. В частности, изменился рынок учебной литературы, который прежде был монополией государства. Он стал весьма многообразным и интересным, с одной стороны, отвечал на любые запросы потребителя, а с другой — вносил хаос в процесс обучения. Только по предмету «История» на 2012 учебный год существовало 75 учебных пособий, которые порой противоречиво трактовали события российской истории. А некоторые учебники, изданные в 1990-е годы, вообще навязывали ложные представления и чувство вины за свою историю. Ситуация конца 1990-х годов показала, что, например, в Перми, в Москве или во Владивостоке ученики изучают разную историю, по разным учебникам, с разными трактовками исторических событий, порой диаметрально противоположными. Многие скажут: прекрасно, разные точки зрения формируют критическое мышление и т. д. Однако практика показала, что такой подход больше применим для студентов, нежели школьников 5–9-х классов, чей познавательный опыт весьма ограничен, и в силу возраста ребенку довольно трудно анализировать противоречивые события политической истории, особенно XX века. Отчасти поэтому возникла необходимость ввести Федеральные государственные образовательные стандарты, которые бы гарантировали определенный обязательный минимум знаний обучающихся и способствовали сохранению единого образовательного пространства.

Рыночный характер образования автоматически разделяет детей на категории согласно шкале доходов, реформаторы сферы образования закрепили эту селективность с введением базового и углубленного уровней в обучении, а это, в свою очередь, привело к разрыву в качестве получаемого образования и формированию дальнейших различий социального статуса обучающихся.

Под воздействием рыночных отношений изменился и статус российского учителя. Федеральный закон № 273 «Об образовании в Российской Федерации» определяет, что зарплата учителя должна быть не ниже средней зарплаты по экономике субъекта РФ. Однако все субъекты нашей огромной страны развиваются в условиях рынка неодинаково. Следовательно, статус московского учителя, чья зарплата достигает 110 тыс. руб. в мес., и сельского учителя в Пермском крае, чей заработок составляет порой всего 15 тыс. руб., различается существенно.

Введение рыночных отношений в систему образования сегодня разрушает и педагогическую солидарность. В советской школе педагогический коллектив часто представлял собой некий монолит, занимающийся серьезной работой по оказанию помощи отстающим ученикам, в работе с отстающими учениками участвовали все члены педагогического коллектива.

Сегодня с введением новой системы оплаты труда разрушается педагогическая солидарность, каждый учитель сам за себя, так как речь идет о зарплате, которая делится на базовую и стимулирующую. В одном коллективе школы разница в оплате труда может быть весьма значительной. Часть педагогов, как правило, это предметники, могут получать зарплату от 30 до 50 тыс. руб., а другая часть, как правило, учителя начальной школы, только 15 тыс. руб. Откуда взяться педагогической солидарности? Отметим, что оплата труда сегодня привязана не к количеству часов, проведенных учителем, а к количеству учащихся в

классе. Выигрывают от этого только крупные школы, малые, сельские школы постепенно исчезают в результате оптимизации. Эта оптимизация (на официальном языке — реструктуризация) была одним из направлений Комплексного проекта модернизации образования (КПМО). Однако мало кто говорит о возникающих при этом рисках. Если на селе исчезает школа, возможность учиться, то умирает и данный населенный пункт. Эксперименты наших чиновников длятся с 2006 года, каковы же итоги оптимизации? По официальной статистике, в Пермском крае с сентября 2007 по сентябрь 2009 года закрылось 130 образовательных учреждений (осталось 790) [1, с. 28]. В 2019 году в Пермском крае в течение года реорганизовали 165 детских садов и 47 школ. В планах — продолжение процесса слияния образовательных учреждений. Причина оптимизации — несовершенные механизмы финансирования образовательных учреждений. Финансирование системе образования не добавляют, а существующие средства предлагают делить по-новому. Что в итоге? Вымывание населения из сельских территорий, новая селекция детей, ограничение доступа к качественному образованию. Территориальный фактор в ограничении доступа к качественному образованию играет немалую роль: 17 % российских школьников не имеют права выбора школы, так как в их населенном пункте школа всего одна.

Платный характер образования меняет роль учителя в школе. В России отношение к учителю со стороны общества всегда было уважительное, особенно на селе. Российский учитель и в дореволюционное время, и в советское выполнял почетную миссию «сеять разумное, доброе, вечное», просвещал неграмотную крестьянскую массу, выполнял (часто на добровольной основе) свои обязанности, понимая, что кроме него научить некому.

Сейчас, когда преподавание подается как образовательная услуга, отношение детей и родителей к учителю серьезно изменилось, особенно это заметно в начальной школе, где родители относятся к учителю весьма потребительски, считая, что он должен в первую очередь присматривать за детьми, а уже потом давать знания. В то же время и новое, современное поколение учителей, приходя в школу, часто имеет низкую подготовку. В рамках новой Болонской системы двухуровневого высшего образования очень сложно за четыре года подготовить квалифицированного учителя. Кроме того, в последние несколько лет реформаторы начали политику закрытия неэффективных вузов. На сегодняшний день закрыто 40 педагогических вузов. В стране действуют всего 13 педагогических вузов. Откуда взять квалифицированные кадры? Сегодня можно преподавать без педагогического образования, однако незнание методики обучения тоже ведет к серьезным проблемам и снижает качество образования.

Кроме того, на учителя сегодня возложена масса всяческой дополнительной работы, которая отвлекает его от процесса обучения. Он занят заполнением всевозможных электронных документов, подготовкой к различным мониторингам, подготовкой своих обучающихся к основному государственному экзамену (ОГЭ), единому государственному экзамену (ЕГЭ), всероссийским проверочным работам (ВПР), и за мельчайшие отклонения в своей работе он может в любой момент быть наказан родителями, учениками, администрацией школы. Предложенный реформаторами проект национальной системы учительского роста также ставит учителя в очень невыгодное положение. Создается федеральный сайт, на котором будет содержаться вся информация об учителе в РФ: стаж работы, зарплата, результаты ВПР и государственной итоговой аттестации (ГИА) его учеников, отзывы обучающихся за последние четыре года; планируется проверка его методических и предметных компетенций. Информация о каждом учителе будет доступна любому работодателю, таким способом государство устанавливает новые фильтры для учителей. Возникает вопрос: кто останется в профессии?

В 2001 году в Российской Федерации была введена система ЕГЭ. Прошло почти 20 лет, и уже можно отмечать последствия этого нового инструмента в сфере образования. Стоит подчеркнуть, что отечественные реформаторы сферы образования мало что придумывали самостоятельно, многие реформы, проводимые в России, были заимствованы на Западе, но, к сожалению, без учета российских реалий. ЕГЭ — это калька с американской школы, только в Америке нет общенационального ЕГЭ, в каждом штате он свой. Введенная в Америке тестовая система проверки знаний тоже оказалась порочной. В 2010 году президент США Барак Обама сделал заявление, в котором сказал: «хватить превращать американцев в тупых болванчиков, необходимо отказаться от тестовой системы проверки знаний» [6].

Введенный в РФ Единый государственный экзамен изначально был направлен на то, чтобы убрать коррупцию при поступлении в вуз. Это было сделано, однако коррупция переместилась в другие сферы, часто родители несут колоссальные затраты, чтобы подготовить ребенка к экзамену, потому что школа сделать это не в состоянии, произошло невиданное расширение и удорожание репетиторского рынка услуг (в одной Москве 75 тыс. репетиторов). О бесплатном характере обучения в средней школе говорить не приходится, а это право закрепляется российской Конституцией.

Но хуже другое: вместо обучения и прохождения программы в школах осуществляется тотальная подготовка, «натаскивание» учеников к ЕГЭ и ОГЭ. По данным социологов (исследование было проведено в сентябре 2015 года), с введением ЕГЭ существенно снизился уровень подготовки школьников и студентов, эффективность системы образования в целом упала более чем в два раза [4]. Новое поколение школьников и студентов, выросшее в условиях постоянного тестирования и отказа от устной речи, отличается телеграфностью мышления, обучающиеся не владеют «смысловым чтением», не могут перерабатывать большие объемы информации — всё потому, что детей не учат мыслить системно, а формируют отрывочные фрагментарные знания, необходимые для успешного прохождения тестовых заданий.

Система ЕГЭ довольно жестко отсекает школьников определенного склада (речь идет о тех, кто не мыслит стандартно) и ввергает детей в состояние стресса, не оставляя права на ошибку, увеличивая роль случая в столь судьбоносном для человека событии, как поступление в вуз. В стрессе находятся и родители обучающихся. В последние годы участились случаи самоубийств российских школьников из-за результатов ЕГЭ.

Исчезает целевой контингент вузов: человек поступает не туда, куда ему бы хотелось, а куда его возьмут по баллам ЕГЭ. Очень многие занимают не свое место. Так, примерно половина выпускников педагогических вузов в школу работать не идут и честно признаются, что учатся, потому что смогли попасть на бюджет. Государство тратит деньги на их обучение, а в школу молодые люди не приходят.

Нам говорят, что формат ЕГЭ изменился, изменились задания, которые требуют проверки не только знаний, но и умений. Однако на деле каждое новое поколение выпускников оказывается в условиях более сложных, чем выпускники предыдущих лет.

И еще несколько слов о системе высшей школы. Болевой точкой является переход на Болонскую систему и введение в РФ двухуровневого высшего образования. В начале 2003 года чиновники от образования провозгласили открытый характер высшего образования в России, и мы присоединились к европейской Болонской системе двухуровневого образования, не просчитав грядущих рисков. Фактически присоединились на чужих условиях, в ущерб традициям российского образования и сложившейся, хорошо себя зарекомендовавшей модели высшего образования.

Сегодня российское высшее образование имеет несовершенную структуру, механически транслированную с Запада и не адаптированную к российским реалиям. В частно-

сти, не оптимальна, не приспособлена к нынешним российским условиям его трехступенчатость — бакалавриат, выпускающий неспециалистов; магистратура, почти не повышающая квалификацию; аспирантура, в которой практически невозможно стать кандидатом наук [2].

В 2012 году, когда происходил переход, российскому обществу не объяснили, каков статус бакалавров и магистров. Многие считают, что бакалавр — это выпускник с неоконченным высшим образованием. В магистратуру престижных российских вузов может поступить ограниченное число лиц, часто исключительно на платной основе.

Когда создавался Европейский союз, у европейских реформаторов в условиях мультикультурализма стояла задача «переварить, европеизировать» приезжающую отовсюду молодежь. Следовательно, бакалавриат на Западе — это пролонгированное школьное образование, где изучают только базовые дисциплины, специализация осуществляется только на уровне магистратуры. Бакалавры владеют узким набором необходимых компетенций, у них нет фундаментальности в обучении. Акцент делается на практику и функциональность. Так, за четыре года обучения бакалавр Европейского союза изучает всего 12–14 дисциплин. Наш российский студент за это же время осваивал 60 дисциплин, при этом специализация начиналась на первом курсе и завершалась к пятому курсу серьезной дипломной работой. В настоящее время российские бакалавры на защиту выходят с выпускной квалификационной работой (ВКР), требования к которой значительно снижены. Львиная доля времени отводится самостоятельной работе студентов, однако наш студент пока не готов так работать, это удастся только отдельным студентам с высоким уровнем самоорганизации. Все эти факторы также снижают уровень подготовки квалифицированных кадров.

В современных геополитических условиях (санкции против РФ) задуманная академическая мобильность не работает; трудно получить зарубежные визы, и если вы всё же захотите обучаться за рубежом, все расходы на обучение должны нести самостоятельно. Вместе с тем мы наблюдаем утечку мозгов: ежегодно довольно большое количество молодых людей, активных, выучившихся на бесплатной основе в РФ, уезжают из страны. Противоречие состоит в том, что в новых внешнеполитических реалиях переход на Болонскую систему только ухудшает систему подготовки квалифицированных кадров в России.

Подведем итоги. Трансформация всей системы российского образования за прошедшие 20 лет осуществляется не в интересах российского общества и государства, а, скорее, в интересах некой глобальной стратегии Запада, что, безусловно, грозит национальной безопасности России. Многие реформы носят западнический характер и порой переносятся на российскую почву без учета особенностей развития нашей страны и специфики отечественной системы образования. Среди этих мер: введение ЕГЭ, присоединение к Болонской системе, коммерциализация государственных образовательных учреждений, признание образования государственной услугой, а не государственной обязанностью, идея формирования «инновационного человека, готового к постоянным изменениям», реализация которой предполагает максимальное распространение международных стандартов и в школе, и в вузе [3].

В пользу существования глобалистской стратегии говорит наличие в России (в политической элите) серьезных сил, ориентированных на Запад, а также явно прозападный характер большинства проводимых в образовании реформ. Эти силы порой и определяют реформирование сферы образования. При этом органы управления образованием и разные ветви власти озвучивают порой противоположные позиции. Реструктуризация органов управления системой образования с осени 2018 года, разделение на Министерство образо-

вания и науки и Министерство просвещения только разбалансировало управление системой, поскольку необходимо было определить сферы интересов, а на это ушло время.

На сложной российской почве, в условиях стагнирующей экономики, коррупции, снижения общего культурного уровня и уровня образования, эти образовательные инновации запустили в большей степени деструктивные процессы, не похожие на западные образцы. В итоге традиционная система образования в России почти разрушена, новая так и не построена. Существующей системой образования не довольны ни сами обучающиеся, ни их родители, ни работодатели.

Библиографический список

1. Аликина Е. Б., Иванова О. Г., Кальсина А. А. Оптимизации школ Пермского края: плюсы и минусы // Вестник Пермского научного центра. 2016. № 2. С. 28–33.
2. Афанасьева В. Катастрофа российского образования: систематические ошибки, болезнь системы или новая евгеника? [Электронный ресурс]. URL: <http://zdravomyslie.info/index.php/article/articles/752-katastrofa-rossijskogo> (дата обращения: 30.11.2019).
3. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/ (дата обращения: 30.11.2019).
4. Сулакшин С. С. Образ страны в культуре, образовании, науке [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/analytics/obraz-strany-v-kulture-obrazovanii-nauke> (дата обращения: 30.11.2019).
5. Эскиндаров М. Мы так и не сформировали настоящий финансовый рынок [Электронный ресурс] // Банки и деловой мир. 2017. Авг.-сент. № 8-9. URL: <http://base.garant.ru/77710893/> (дата обращения: 30.11.2019).
6. Хроника заседания Государственной думы 14 июня 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/2013-06-14> (дата обращения: 01.12.2019).

Колпакова Н. Б. Личность в современном мире // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 106–109.

Kolpakova N. B. Personality in modern world. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 106–109. (In Russ.)

УДК 159.923+316.37

Н. Б. Колпакова

Прикамский социальный институт, Пермь, Россия

ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Колпакова Наталья Бориславовна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Психология и педагогика», психолог.

E-mail: Kolpakovaperm@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые факторы современности, как способствующие развитию индивидуальности человека, так и приводящие к нивелированию личности. Особое внимание уделено анализу влияния научно-технического прогресса на личность.

Ключевые слова: современность, личность, индивидуальность, самосовершенствование, последствия научно-технического прогресса.

N. B. Kolpakova

Prikamsky Social Institute, Perm, Russia

PERSONALITY IN MODERN WORLD

Kolpakova Natal'ya B. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Psychology and Pedagogy, Psychologist.

Factors of modernity, contributing to the development of the human individuality and leading to the personal leveling. Special attention is paid to the analysis of the influence on the personality of scientific and technological progress.

Keywords: modernity, personality, individuality, self-cultivation, consequences of the scientific and technological progress.

Для характеристики духовного (психологического) начала человека используется понятие «личность» как совокупность врожденных и приобретенных духовных свойств человека, его внутреннее духовное содержание. Врожденные качества человека, приобретенные и развитые в социальной среде, образуют личность. Другими словами, личность — это индивидуальность человека, совокупность его знаний, навыков, ценностей и целей.

Объективным фактором, заложенным в самой природе человека и влияющим на развитие его индивидуальности, являются сама сущность человека, его стремление к саморазвитию и самосовершенствованию, потребность в творчестве.

Производство в современном обществе потенциально открывает возможности для роста индивидуальности, проявления индивидуальных способностей, но в то же время имеет и тенденцию, которая этому противодействует: трудовой процесс формализуется, тем самым усредняя все индивидуальные проявления работников. Возникают противоречия между способностями и возможностями их проявления. В таком случае человек может являться инструментом для достижения некой «усредненной» цели.

Нельзя сказать, что капитал полностью препятствует развитию индивидуальности и социально-культурному развитию, тем не менее он ограничивает его определенным направлением, стремясь сохранить свое господство.

Необходимо также отметить, что в связи с объективным развитием научно-технической революции существует опасность нивелирования личности. Появляющаяся в современном обществе тенденция к развитию индивидуальности человека, превращающая его из пассивного исполнителя в творческого субъекта, находится в постоянном противоборстве с всеобщей компьютеризацией техногенного общества.

По мнению В. В. Орлова, компьютеризированный труд сам по себе является общественным, представляя собой систему с признаками социализации [8].

Человек по природе своей существо социальное. И, как мне представляется, индивид, испытывающий сложности с общением, не сумевший адаптироваться к быстрым изменениям социальной среды, попадает под влияние этой искусственно созданной системы. У людей, которые участвуют в таком труде, субъективно-психологически возникает зависимость, поскольку они становятся частью этого механизма, стремятся ощутить себя причастными к этой группе. И это мешает человеку сохранять индивидуальность, а именно — чувствовать себя не частью, а целым, то есть быть самим собой.

Можно сказать, что поведение такого человека является «усредненным». Таким человеком легче управлять, подчиняя существующему порядку. Это основная функция любой системы, поскольку она стремится к самосохранению. Ведь любая система — это правила, общественные институты, система воспитания, на которые затрачены силы и средства. Они не могут, да и не должны изменяться быстро, поскольку их функция — удержание сложившегося порядка.

Рассматривая тенденции влияния на развитие человека компьютеризированного общества, необходимо обратить внимание еще на одну опасность нашего времени. Слои общества, которые живут в условиях изобилия, начинают приспосабливать экономику к новому уровню человеческих потребностей, а конкретнее — экономика становится нацеленной на психическое удовлетворение потребностей человека. Такое направление развития может привести к потере человечеством здравого смысла и способности отличать иллюзию от реальности.

Самоутверждение индивидуальности — это борьба, развитие от низшего к высшему. Именно на этом пути индивидуальность развивается и укрепляется, встречая сопротивление со стороны социальности. И одной из самых важных задач самосовершенствования человека становится достижение гармонии с миром, под которым подразумевается не только природная и вещественная среда, но и окружающие человека люди и отношения с ними, то есть социальность. В нашем быстро изменяющемся мире изменяется и очень многое в самой научной теории общественного развития.

Вопрос о самосовершенствовании человека включает в себя и вопрос о его социальной адаптации: умение контролировать свои потребности, принятие общепринятых норм поведения, подчинение требованиям социума. Всё это приводит к стиранию индивидуальности. При полном слиянии человека с культурой индивидуальность уничтожается. Движение на пути развития индивидуальности невозможно без ощущения внутренней свободы, приобретенной за счет осознания своих эмоций и управления ими.

Современный мир подвержен постоянно нарастающим переменам. Психологи отмечают значительные изменения в психике людей, являющиеся приобретениями именно нашего времени. Получая несомненные блага цивилизации, общество начинает обнаруживать ранее незаметные для него последствия научно-технического прогресса.

Механизация разнообразных процессов деятельности человека вызывает и «механизацию» психических процессов, способствуя формированию стереотипного мышления, автоматизации действий.

Важно отметить также, что создание новой техники дает человеку возможность быстрее достигать результата действия, получать огромный объем информации за короткое время, а это, в свою очередь, приводит к ускорению жизни человека, создает всё большую нацеленность на результат, сокращая процесс деятельности; приводит к ломке ощущения собственного биологического ритма, скорости жизни, нарушению ощущения границ собственного тела.

Предсказуемость и запланированность событий способствует нарушению восприятия человеком времени, ведет к потере ощущения «здесь и сейчас».

Э. Тоффлер в своей книге «Шок будущего» предполагает, что человечество может погибнуть не из-за ядерной или экологической катастрофы, а из-за истощения психологических ресурсов человека [14].

В настоящее время происходят и значительные изменения во взаимоотношениях человека с окружающим его материальным миром. Удовлетворяя временные потребности человека, промышленность создает огромное количество временной продукции (одноразовая посуда и др.), превращая отношения человека к вещи в эфемерные, текучие.

В условиях современного города часто такими же поверхностными становятся и человеческие отношения — фрагментарными, не входящими во всю целостность личности. Зачастую это отношения по функциональному принципу.

Современная наука изучает проблему отчуждения как следствие фрагментации отношений между людьми [см., напр.: 2; 3; 5–7; 10; 13]. Именно такие отношения между людьми увеличивают способность человека «пропускать» через себя огромное количество людей. Это является условием, необходимым для адаптации и выживания в урбанизированных городах. Подобные отношения создают возможность не только быстро устанавливать связи, но и разрывать их, чтобы наладить новые.

Человек должен выработать в себе такое мировоззрение, когда постоянные реорганизации уже не будут являться травматическими. Проживая проносящиеся в бешеном темпе события, человек вынужден постоянно пересматривать свои понятия, изменять свои представления, сформированный ранее образ реальности. Именно поэтому в современном мире в фокус внимания в процессе воспитания подрастающего поколения, скорее всего, должно войти не накопление новой информации, а формирование гибкости мышления, умение оперировать своей постоянно меняющейся системой образов. Но необходимо отметить, что у каждого конкретного человека возможности нервной системы формировать образы имеют свой предел, обусловленный наследственностью. Психологи и социологи констатируют, что тревожность по поводу постоянно изменяющейся окружающей их ситуации возрастает. Особенно сильно этому подвержены пожилые люди.

Психологи обращают внимание, что в последнее время люди всё чаще стремятся не к карьере, не к победе в конкурентной борьбе, а к самореализации и внутренней гармонии.

Необходимо также отметить, что в некоторых слоях общества обострилось недоверие к самой идее самосовершенствования — как к развитию индивидуальности человека, так и к развитию социума в целом. Многим стало понятно, что не существует универсальной идеологической системы, под которую с целью улучшения человека так и хочется его подвести, что навязанный извне абстрактный идеал совершенства насильно внедрен быть не может. В связи с этим у некоторых людей возникло критическое отношение к духовной необходимости совершенствования.

В своей работе «Оправдание добра. Нравственная философия» известный русский философ В. С. Соловьев писал: «...собственное одухотворение человека может совершаться только за счет его внешних, наружу обращенных душевных сил и стремлений. Силы и стремления души должны вбираться внутрь и чрез это возрастать в своей интенсивности, а усиленное в себе, могучее и одухотворенное существо человека будет уже соотноситься не с вещественностью, поверхностью природы, а с ее внутренней сущностью. Требуется во все не отречение человека от внешнего воздействия на природу и от культурного труда, а только перестановка жизненных целей и волевого центра тяжести. Внешние предметы, за которыми большинство людей страстно гоняется как за целями, связывая с ними и тратя на них свои внутренние, душевные силы чувства и воли, должны стать всецело лишь средствами и орудиями, а внутренние силы, собранные и сосредоточенные в себе, должны быть приложены как могучий рычаг, чтобы поднять тяжесть вещественного бытия, подавляющую рассеянную душу человека и раздробленную душу природы» [11, с. 506].

Это высказывание как нельзя более актуально и по сей день, в современном мире гаджетов, телевидения и Интернета.

Представляется, что проблемы, связанные с социализацией и индивидуализацией личности в современном обществе, с обостряющимися противоречиями между этими неотделимыми друг от друга процессами требуют глубокого междисциплинарного исследования, в первую очередь — ученых-гуманитариев.

Очевидно, что необходима новая научная теория общественного развития. Эта теория должна учитывать все последствия, побочные эффекты научно-технического прогресса, которые вследствие постоянного нарастающего вала изменений даже не успевают осмысливаться.

Библиографический список

1. Васильева Т. С., Орлов В. В. Проблема соотношения биологического и социального / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1996. 96 с.
2. Жилина В. А. Проблема отчуждения в современных условиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 38 (329). Философия. Социология. Культурология. Вып. 31. С. 7–10.
3. Зиновьева Д. М. Психология отчуждения: монография. Волгоград: Изд-во ГОУ ВПО «ВАГС», 2005. 172 с.
4. Калашникова Е. М. Личность и общность / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1997. 156 с.
5. Колпакова Н. Б. Диалектика индивидуальности и социальности в процессе социализации / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2004. 177 с.
6. Мешков Д. Н. Некоторые факторы фрагментации и целостности современного общества [Электронный ресурс] // Регионология. 2011. № 4. URL: <http://regionsar.ru/node/844> (дата обращения: 12.04.2019).
7. Минюшев Ф. И. Социальное отчуждение. Опыт нового прочтения // Социологические исследования. 2011. № 4 (324). С. 3–13.
8. Орлов В. В. История человеческого интеллекта. Ч. 3. Современный интеллект / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1999. 184 с.
9. Орлов В. В. Научная философия в начале 21 века // Новые идеи в философии. Вып. 9 / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2000. С. 118–123.
10. Орлов В. В. Человек, мир, мировоззрение. М.: Молодая гвардия, 1985. 220 с.
11. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия [Электронный ресурс] // Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. URL: http://www.odinblago.ru/soloviev_8/ /1/19 (дата обращения: 12.04.2019).
12. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
13. Суворов С. А. Отчуждение как возможный этап развития личности [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Тамбов, 2008. URL: <http://www.dissercat.com/content/otchuzhdenie-kak-vozmozhnyi-etap-razvitiya-lichnosti> (дата обращения: 12.04.2019).
14. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
15. Юнг К. Г. Современность и будущее. Минск: Университетское, 1992. 62 с.

Логвинов Р. Н. Смена политического лидерства в Южно-Африканской Республике: на пути к политике нового поколения // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 110–116.

Logvinov R. N. Change of political leadership in the Republic of South Africa: on the way to the policy of next generation. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 110–116. (In Russ.)

УДК 329(680)“20”

Р. Н. Логвинов

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: НА ПУТИ К ПОЛИТИКЕ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Логвинов Родион Николаевич — аспирант кафедры «Политические науки».

E-mail: logvinov321@mail.ru

Исследование затрагивает особенности разработки политического курса Южно-Африканской Республики во время переходного периода власти, связанного с приходом в начале 2018 года нового лидера страны — Сирила Рамафосы. Автор выявляет тенденции формирования внутривнутриполитического курса страны, развития международных отношений Южной Африки, комплексно изучает эти процессы и определяет взаимосвязь внутривнутриполитической эволюции с направлениями внешнеполитического курса страны. Выстраиваясь как современное исследование в области политологии и международных отношений, работа рассматривает Южно-Африканскую Республику как активно развивающуюся страну-лидера своего геополитического региона, стремящуюся утвердить себя в качестве африканского лидера в целом, который оказывает влияние на мировую политику.

Определяя и характеризуя основные направления политики Южно-Африканской Республики во время перехода власти, автор выделяет факторы, влияющие на курс государства. В результате исследования делается заключение о том, что в целом переориентации внешнеполитических предпочтений при новом руководстве не происходит — важным курсом для внешней политики страны остается выстраивание прочных отношений с государствами Африки, в частности среди стран южноафриканского региона. Кроме этого Сирил Рамафоса довольно активно поддерживает отношения и с Европейским союзом, и с партнерами группы БРИКС, явно не высказывая предпочтений и стараясь лавировать между интересами всех сторон. Очевидным становится стремление нового президента страны в первую очередь исправить недочеты своего предшественника, а не резко менять внешнеполитический курс, который, скорее всего, не претерпит значительных трансформаций.

Ключевые слова: Южно-Африканская Республика, Южная Африка, Сирил Рамафоса, международные отношения, Африканский регион.

R. N. Logvinov

Perm State University, Perm, Russia

CHANGE OF POLITICAL LEADERSHIP IN THE REPUBLIC OF SOUTH AFRICA: ON THE WAY TO THE POLICY OF NEXT GENERATION

Logvinov Rodion N. — Postgraduate Student at the Department of Political Science.

E-mail: logvinov321@mail.ru

The research deals with the peculiarities of building the political course of the Republic of South Africa during the transitional period associated with the country's new leader, Cyril Ramaphosa. The author shows the trends of building country's political course and the development of international relations in South Africa. The attention is drawn to the relationship between domestic political development and the country's foreign policy. In relation to the study the South Africa is considered as an actively developing country-leader in its geopolitical region that is seeking to establish itself as an African leader in general, influencing world politics.

The author defines the main directions of the policy of the Republic of South Africa during the transition period and identifies factors affecting the political course of the state. As a result of the study, it is concluded that the new leadership doesn't change foreign policy preferences: building relationship with the African state remains an important course for the country's foreign policy. In addition, Cyril Ramaphosa is quite active in maintaining relations with the European Union and with the partners of the BRICS group, clearly not expressing preferences and trying to maneuver between the interests of all parties. The new president is going to correct the shortcomings of his predecessor and is not going to change the foreign policy course.

Keywords: Republic of South Africa, South Africa, Cyril Ramaphosa, international relationships, African Region.

Президентские перемены в Южно-Африканской Республике (далее — ЮАР) в феврале 2018 года привели к предположениям о том, что регион движется к политике нового поколения, которая более чутко реагирует на необходимость экономических реформ и имеет значительные демократические возможности.

Отставка Зумы может позитивно повлиять и на изменение образа России в глазах южноафриканского общества, который сегодня имеет скорее негативную окраску вследствие дружественных отношений президентов стран — негативное отношение к Зуме перенеслось и на Россию. Смена лидерства полезна для возобновления и развития активного двустороннего сотрудничества между странами, в первую очередь в области энергетики [1].

Большинство населения ЮАР позитивно встретило отставку Зумы в пользу Рамафосы, который сначала выиграл борьбу за лидерство в Африканском национальном конгрессе (далее — АНК). Однако, несмотря на это, существуют опасения, что эти перемены не уничтожат существующий патронаж и коррупцию в стране и что в политике нового президента будет столько же преемственности, сколько и новаторства. Кроме того, в настоящее время ЮАР сталкивается с довольно тяжелой социальной и экономической ситуацией. Почти сразу после избрания новый президент отметил, что 2018 год — «это год празднования, но это также год действий, действий, которые начнут трансформировать жизнь нашего народа» [13]. Сирил Рамафоса обнародовал план восстановления экономики, включающий десять основных направлений. Одним из важнейших направлений для него является туризм, который поможет вывести Южную Африку на путь роста [12]. Рамафоса объявил также о назначении президентского экономического консультативного совета. Он обратил внимание на то, что на протяжении многих лет экономика не росла и не создавала рабочих мест такими темпами, как следовало бы. Из достигнутых успехов Рамафоса отметил разве что политическую стабильность.

Безусловно, цели экономического роста и обеспечение стабильного развития экономики и хорошего инвестиционного климата стали важной частью предвыборной риторики. В январе 2019 года президент Рамафоса заявил, что АНК планирует привлечь 1,2 трлн рэндов новых инвестиций в течение следующих пяти лет. Он подчеркнул, что правительство, возглавляемое АНК, примет меры по снижению затрат на ведение бизнеса в стране, повышению производительности и росту конкурентоспособности. «Мы будем реализовывать соглашения, достигнутые на президентском саммите по рабочим местам в прошлом году, путем увеличения местного спроса на товары, увеличения инвестиций в такие сектора, как горнодобывающая промыш-

ленность, обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство, а также расширение экспортных рынков» [3].

По отношению же к Национальному плану развития ЮАР до 2030 Рамафоса высказывается более скептически: «Национальный план развития дает нам лишь общее политическое, социальное и экономическое направление» [14]. Рамафоса прав в том, что документ очень общий (более 500 страниц) и не несет какой-либо конкретики. По мнению некоторых исследователей, ключом к пониманию роли, которую Национальный план развития может сыграть в продвижении Южной Африки вперед, является то, что деловые, трудовые и другие заинтересованные группы с большей вероятностью сочтут план полезным, если конгресс и президент четко определяют те разделы, которые они хотели бы видеть выполненными, а затем заставят правительство действовать в соответствии с ними, используя тот факт, что они появляются в документе как рычаги [7].

Еще одной существенной проблемой, с которой столкнулась ЮАР, стал энергетический кризис, связанный с компанией *Eskom* — основным поставщиком электроэнергии в стране, которая не раз оказывалась в центре коррупционных скандалов, а также допускала перебои в электричестве. При Рамафосе вновь начали возникать споры о будущем компании и ее разделении на несколько частей или приватизации, что вызывает общественный резонанс [6]. Тем не менее налицо энергетический кризис, который не может не отражаться на авторитете АНК и президента в обществе. Этим пользуются и главные конкуренты АНК на политическом поприще: Демократический альянс не упускает возможность по критиковать правящую партию и правительство за неспособность грамотно отреагировать на возникшие трудности в сфере энергетики. Многие их посты в социальной сети «Твиттер» посвящены и критике президента в этом вопросе: они считают, что Рамафоса не уделяет должного внимания данной проблеме и сам «приложил руку» к этому кризису, будучи еще председателем АНК (к слову, именно неспособность решить «долгоиграющую» проблему демократы ставят в укор Африканскому конгрессу). Твиттер-лента Демократического альянса пестрит критикой АНК. «У нас нет конституционной проблемы, у нас есть проблема АНК» [10], — заявляет лидер альянса Мьюзи Мейман.

Успешное управление «способным государством», к которому Рамафоса стремится, в значительной степени зависит от небольшого числа союзников-единомышленников (в частности, министра финансов Нхланхла Нене и министра государственных предприятий Правина Гордхана) и неизбежно будет поставлено под угрозу продолжающимся сильным присутствием в государстве и партии тех, кто был близок к Зуме и был глубоко замешан в проекте «захвата государства». Действительно, хотя в кабинет Рамафосы вошли по большей части министры компетентные и честные, однако сохраняющийся политический вес фракции Зумы повлиял на то, что Рамафоса был вынужден назначать и таких министров, которые были печально известны своей репутацией в предыдущей администрации. Наиболее убедительным показателем того, в какой степени Рамафоса ограничен в своих действиях, стало назначение Дэвида Мабузы заместителем президента. До сих пор премьер-министр Мпумаланги Мабуза был замешан в широкомасштабной коррупции и политических убийствах в этой провинции, но именно его поддержка Рамафосы на национальном конгрессе АНК оказалась решающей в обеспечении победы над Дламини-Зума.

С учетом всеобщих выборов в 2019 году Рамафоса, похоже, отдает предпочтение поддержанию единства партии, а не энергичному осуществлению программы реформ. Это подтверждено его заявлением в качестве лидера партии, а не президента, что АНК предан выполнению резолюции Конгресса декабря 2017 года, требующей экспроприации земли без компенсации, чтобы ускорить процесс земельной реформы. Заявление Рамафосы было истолковано как сделанное для обеспечения поддержки сторонников «Борцов за экономическую сво-

боду» Юлия Малема, чья собственная программа была направлена на то, чтобы обойти АНК слева. Однако, поскольку осуществление «экспроприации без компенсации» потребовало бы внесения поправки в конституцию, а также потому, что в средствах массовой информации и деловых кругах это рассматривалось как серьезное нападение на права собственности, данный шаг Рамафосы был истолкован как полностью противоречащий его цели по привлечению 100 млрд долл. международных инвестиций в Южную Африку в течение пяти лет.

Между тем, хотя всё еще существовала значительная поддержка продолжающихся усилий Рамафосы по очистке от наследия Зумы, начали нарастать опасения, что этот проект застопорился перед лицом сопротивления со стороны АНК. Растет убежденность в том, что, хотя сам Рамафоса по-прежнему демонстрирует твердую приверженность реформам, ему не хватает политического влияния, чтобы довести дело до конца. Кроме того, отмечаются и медленные темпы самой программы реформ, которая влияет на ограниченный рост экономики, несмотря на наблюдаемую политическую стабильность в последнее время в Южной Африке, отчасти достигнутую под руководством Сирила Рамафосы [15]. Всё же исследователи прогнозируют рост внутреннего валового продукта (далее — ВВП) на 1,5 % к 2019 году по сравнению с 0,7 % в 2018 году и рецессионную обстановку, несмотря на то, что начальный процент роста предполагался на уровне 1,7 (вероятно, оказала влияние ситуация с *Eskom* — компания нуждается в крупных вложениях и реформировании). Инфляция прогнозируется на уровне 5,2 % с 4,6 % в 2018 году. На рост ВВП влияние оказала и инвестиционная инициатива президента Рамафосы, которая принесла обещанные инвестиции в размере 300 млрд рэндов [16]. Кроме этого большие усилия новоиспеченного президента направлены на то, чтобы обеспечить население рабочими местами [4], учитывая традиционно высокую безработицу по стране в последние десятилетия.

Несмотря на то что спустя некоторое время после начала реформ ситуация в корне не изменилась, «Рамафоса, безусловно, меняет правила игры», — говорит профессор CSDA Лейла Патель. Она объяснила, что статистика показывает: у общества есть большие надежды на Рамафосу, достаточно сравнить степень доверия граждан к президенту: у бывшего президента Джекоба Зумы оно было очень низким — 26 %, у Рамафосы сейчас 55 % [5].

Судя по всему, в настоящее время приоритеты Рамафосы в улучшении существующей в данный момент политики не предполагают претензий на то, чтобы ЮАР вернула позиции континентального лидера. Пока его президентство не принесло столь ожидаемых и ощутимых изменений во внутренней политике, хотя заметны некоторые изменения, которые могут принести результаты в среднесрочной и долгосрочной перспективах, и после того, как Рамафоса начнет полномасштабную политику после избрания на полноценный президентский срок, можно будет проследить и увидеть последствия принимаемых в настоящее время усилий президента по улучшению социально-экономической и политической ситуации в стране.

Сирилу Рамафосе предстоит предпринять и ряд мер, которые могут способствовать возвращению доверия к Африканскому национальному конгрессу. Очевидно, что череда коррупционных скандалов, а также раздробленность и распри внутри партии сказались на настроениях населения страны. Африканский национальный конгресс показал худшие результаты на выборах 8 мая 2019 года в своей истории, и представительство правящей партии в 400-местной Национальной ассамблее сократилось с 249 до 230 кресел. Примечательно, что ухудшился результат не только Африканского национального конгресса по сравнению с предыдущими выборами (почти на 5 %), но и основной оппозиционной партии ЮАР — Демократического альянса (традиционно считаемой «белой» партией), также потерявшего около 5 % голосов. Однако на этом фоне произошло усиление более радикальных партий — «Борцов за экономическую свободу», которые выступают за конфиска-

цию земель у белых, и ультраправого «Фронта свободы плюс», представляющего интересы белых фермеров-африканеров. Исходя из этого, усилия руководства страны должны быть направлены на недопущение дальнейшей радикализации общества.

На международной арене Сирил Рамафоса, судя по всему, также пока занял выжидающую позицию — очевидно желание проводить многовекторную политику в попытке найти наиболее удобный для ЮАР вариант сотрудничества.

После своего избрания Сирил Рамафоса заявил о своей готовности укреплять отношения между Южной Африкой и другими членами альянса БРИКС, вопреки мнению некоторых экспертов о том, что с приходом к власти Рамафосы сотрудничество ЮАР в рамках БРИКС замедлится из-за тесных связей президента с транснациональным бизнесом [2]. Подтверждает готовность активного сотрудничества ЮАР в рамках БРИКС и тот факт, что в 2018 году Южная Африка уже во второй раз взяла на себя руководство группой БРИКС. Очевидно, что членство ЮАР в группе БРИКС и ее приоритеты носят в первую очередь экономический характер — желание стать «воротами в Африку» для инвестиций от стран-гигантов, а также поиск новых партнеров для экономического и инвестиционного сотрудничества.

Кроме того, Сирил Рамафоса 15 ноября 2018 года выступил на седьмом саммите Европейский союз — Южная Африка в Брюсселе. В своем заявлении он поблагодарил народ Европы и его лидеров за роль, которую они сыграли в деле прекращения апартеида в Южной Африке [17], а также заявил, что он хочет использовать возможности этого саммита, чтобы укрепить связи ЮАР с Европой и заручиться поддержкой Европейского союза (далее — ЕС) в повестке дня в области экономики и развития, поскольку ЕС является крупнейшим торговым партнером Южной Африки и крупнейшим иностранным инвестором [11].

Также ЮАР постоянно подтверждает приверженность интересам Африки в своих внешнеполитических целях, руководство страны во время президентских сроков Джейкоба Зумы утверждало, что «взгляды ЮАР на мир, безопасность и развитие неразрывно связаны с позициями Африки», настаивая на том, что политика Южной Африки будет оставаться «панафриканской» и «афроцентричной» [8]. В настоящее время при руководстве Сирила Рамафосы правительство, судя по всему, намерено продолжать этот внешнеполитический курс, осознавая, что страна не может выжить в изоляции, поскольку ее экономическое развитие и безопасность связаны со стабильностью континента [9].

Вывоз южноафриканского капитала в страны Сообщества развития Юга Африки (далее — САДК) (англ. Southern African Development Community, SADC) приводит к определенной экономической взаимозависимости этих стран. Взаимозависимость является важной предпосылкой для экономической интеграции в рамках САДК. Безусловно, САДК рассматривается ЮАР в качестве инструмента утверждения политического лидерства и усиления позиций страны в Африканском союзе. Однако не только обладание значительными ресурсами и миротворческий потенциал ЮАР помогают в устремлениях страны к региональному лидерству. Значительная роль в этом процессе отводится имиджу государства — приверженца норм панафриканизма и солидарности.

Вообще, место ЮАР в системе международных отношений скорее всего будет постепенно изменяться — страна всё чаще оказывается в положении, в котором трудно, если в принципе возможно, согласовать различные требования, предъявляемые к ней и ее политике в отношении Африки. ЕС ожидает, что ЮАР продолжит занимать место «борца за демократию» и экономические реформы на всем африканском континенте, а коллеги ЮАР из группы БРИКС — что страна отстоит свои позиции и останется однозначным лидером в Африке.

Однако в последние годы у ЮАР появился серьезный конкурент, который может соперничать как за лидерство на африканском континенте, так и за статус «ворот в Африку» для иностранных капиталов: Нигерии удастся также предоставлять привлекательный климат для инвестиций, в первую очередь китайских. Одной из причин утраты безусловного лидерства ЮАР являются кризисные ситуации в последние годы (в том числе широкий энергетический кризис) и коррупция, данные о которой быстро распространились по всему миру, что спровоцировало частичный политический кризис: правящий Африканский национальный конгресс с Джейкобом Зумой во главе начали обвинять в «подрыве» государственных институтов с целью защиты и оправдания коррумпированных чиновников и сохранения их у власти, что повлияло на поддержку правящей партии среди населения и доверие к властям со стороны других стран, а продолжающиеся социально-экономические проблемы в стране, в том числе неспособность полностью преодолеть наследие апартеида в неравенстве доходов, имеют такие масштабы, что серьезно ограничивают возможности ЮАР по оказанию помощи другим странам Африки — это сказывается на репутации ЮАР как лидера в регионе.

Понятно стремление нового президента страны Сирила Рамафосы исправить недочеты своего предшественника. Большое внимание в риторике Рамафосы отводится борьбе с коррупцией и возвращению инвестиционной привлекательности страны. Несмотря на некоторые проблемы последних лет, ЮАР в экономическом аспекте, скорее всего, будет еще значительное время доминировать среди стран южноафриканского региона и в условиях глобализации может стать «флагманом» африканского юга, что приведет к усилению влияния Южно-Африканской Республики на африканском континенте, а в дальнейшем повысит значение ЮАР для других государств в мире. Значение инвестиций ЮАР для континента также может возрасти, особенно на волне, с одной стороны, ограниченности западных инвестиций вследствие высоких рисков для бизнеса в некоторых государствах Африки с нестабильной политической системой, а с другой — по причине всё большего ориентирования Китая на внутренний рынок и инвестиции внутри страны. Эти факторы также могут привести к повышению значимости ЮАР в Африке. Кроме того, одной из задач нового руководства страны станет возвращение доверия населения к Африканскому национальному конгрессу, а для этого правящей партии необходимо показать эффективность в решении внутренних вопросов развития страны и последовательность в решении внешнеполитических вопросов.

В целом же Рамафоса не меняет в значительной степени внешнеполитическую стратегию своего предшественника — приоритетом для внешней политики страны остаются выстраивание прочных отношений с государствами Африки, в частности среди стран региона (САДК), между которыми сегодня сформированы и существуют довольно устойчивые экономические связи. Отчасти это обусловлено интересами безопасности государств и защитой своих национальных интересов в мире, а также развитием торговли. Однако продолжается курс на развитие торговых и экономических связей с такими странами, как Индия и Китай — активное сотрудничество в рамках БРИКС имеет место и при новом лидере государства, о чем свидетельствуют успешные саммиты за прошедший год. Очевидно, что способность нового президента справляться с внутривнутриполитическими проблемами напрямую повлияет на успешность выстраивания внешнеполитического курса: если Рамафосе удастся вернуть ЮАР позитивный образ стабильного государства, это качественно повлияет на интерес мирового сообщества к одному из самых сильных африканских игроков.

Библиографический список

1. Архангельская А. Жизнь после Зумы: что ждать России от нового президента ЮАР [Электронный ресурс] // РБК. 2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/05/2019/5cef2f7c9a794783eb7e9891> (дата обращения: 24.10.2019).
2. Политическая переменная: какие новые лидеры пришли к власти в мире в 2018 году [Электронный ресурс] // RT на русском. 30 декабря 2018 г. URL: <https://russian.rt.com/world/article/588579-novye-lidery-2018-goda-populisty> (дата обращения: 24.10.2019).
3. ANC has plan to grow the country's economy — Ramaphosa [Электронный ресурс] // News24. 2019. URL: <https://www.news24.com/SouthAfrica/News/anc-has-plan-to-grow-the-countrys-economy-ramaphosa-20190112> (дата обращения: 24.10.2019).
4. Bruce P. Fighting hard to keep out the jobs and skills we need [Электронный ресурс] // Sunday Times. 2019. URL: <https://www.timeslive.co.za/sunday-times/opinion-and-analysis/2019-04-07-fighting-hard-to-keep-out-the-jobs-and-skills-we-need/> (дата обращения: 24.10.2019).
5. Coetzee J. Trust in Presidency up, courts and media down [Электронный ресурс] // Mail & Guardian. 2019. URL: <https://mg.co.za/article/2019-04-09-trust-in-presidency-up-courts-and-media-down-survey> (дата обращения: 24.10.2019).
6. Cyril Ramaphosa's Eskom plan faces blowback [Электронный ресурс] // City Press. 2018. URL: <https://city-press.news24.com/News/cyril-ramaphosas-eskom-plan-faces-blowback-20190218> (дата обращения: 24.10.2019).
7. Friedman S. The National Development Plan can be resuscitated [Электронный ресурс] // Mail & Guardian. 2017. URL: <https://mg.co.za/article/2017-10-02-the-national-development-plan-can-be-resuscitated-heres-how> (дата обращения: 24.10.2019).
8. Government (South African). Building a better world: the diplomacy of ubuntu: white paper on South African foreign policy (final draft) [Электронный ресурс]. 2011. URL: <https://www.gov.za/documents/white-paper-south-african-foreign-policy-building-better-world-diplomacy-ubuntu> (дата обращения: 24.10.2019).
9. Hamil J. The reality of South Africa's foreign policy under Ramaphosa [Электронный ресурс] // IISS blog. 2019. URL: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2019/02/south-africa-foreign-policy-ramaphosa> (дата обращения: 24.10.2019).
10. Maimane M. // Twitter. 4.12.2018. URL: <https://twitter.com/MmusiMaimane/status/1069913167906725889> (дата обращения: 24.10.2019).
11. President Cyril Ramaphosa: South Africa-European Union media briefing [Электронный ресурс] // South African Government. 2018. URL: <https://www.gov.za/speeches/cyril-ramaphosa-south-africa-european-union-media-briefing-15-nov-2018-0000> (дата обращения: 24.10.2019).
12. Ramaphosa's 10-point plan to revive SA's economy [Электронный ресурс] // Fin24. 2018. URL: <https://www.fin24.com/Economy/ramaphosas-10-point-plan-to-revive-sas-economy-20180216> (дата обращения: 24.10.2019).
13. Ramaphosa: 2018 the year to transform SA economy [Электронный ресурс] // Fin24. 2018. URL: <https://www.fin24.com/Economy/ramaphosa-2018-the-year-to-transform-sa-economy-20180211-3> (дата обращения: 24.10.2019).
14. Ramaphosa on The National Development Plan [Электронный ресурс] // African National Congress. 2018. URL: <https://www.anc1912.org.za/myanc-ramaphosa-national-development-plan-provides-us-political-social-and-economic-conjecture> (дата обращения: 24.10.2019).
15. South Africa's economic forecast for 2019 — and what's driving the rand right now [Электронный ресурс] // Business Tech. 2019. URL: <https://businesstech.co.za/news/business/292530/south-africas-economic-forecast-for-2019-and-whats-driving-the-rand-right-now/> (дата обращения: 24.10.2019).
16. South Africa growth revised down to 1.5% in 2019 [Электронный ресурс] // Business Tech. 2019. URL: <https://businesstech.co.za/news/budget-speech/300880/south-africa-growth-revised-down-to-1-5-in-2019/> (дата обращения: 24.10.2019).
17. South African President Cyril Ramaphosa addresses the Parliament [Электронный ресурс] // News European Parliament. 2018. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/world/20181108STO18507/south-african-president-cyril-ramaphosa-addresses-the-parliament> (дата обращения: 24.10.2019).

Чуприкова А. А. Быть черной британкой: конструирование идентичности в современной Великобритании в контексте черного феминизма // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 117–122.

Chuprikova A. A. Being a black British woman: constructing identity in nowadays Britain in the context of black feminism. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 117–122. (In Russ.)

УДК 94(410):316.346.2-055.2

А. А. Чуприкова

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

БЫТЬ ЧЕРНОЙ БРИТАНКОЙ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНТЕКСТЕ ЧЕРНОГО ФЕМИНИЗМА*

Чуприкова Алёна Александровна — ассистент кафедры «Междисциплинарные исторические исследования».

E-mail: alenachuprikova1@gmail.com

В центре исследования — инструменты и практики, формирующие идентичность черного женского сообщества Великобритании. Через личные и коллективные инициативы черные британки стремятся объединяться на общей платформе, используя разные форматы мероприятий, где женщины исследуют идентичность, рефлексировав о наполняющих ее элементах. Особое положение в вопросах самоидентификации занимают принадлежность к этническому меньшинству и опыт предыдущих поколений. Обращаясь к черному феминизму, базисом которого является интерсекциональный подход, женщины фокусируются прежде всего на уникальности его британского варианта, подчеркивая важность достижений черного женского движения в Великобритании, и его влияния на их положение в современном обществе.

Ключевые слова: Великобритания, идентичность, феминизм, черные британки, женский активизм, этнические меньшинства, постколониальные исследования.

A. A. Chuprikova

Perm State University, Perm, Russia

BEING A BLACK BRITISH WOMAN: CONSTRUCTING IDENTITY IN NOWADAYS BRITAIN IN THE CONTEXT OF BLACK FEMINISM

Chuprikova Alena A. — Assistant at the Department of Interdisciplinary Historical Research.

E-mail: alenachuprikova1@gmail.com

This research is focused on tools and practice which form the identity of black women community in Britain. Black British women tend to cooperate on common ground though individual and common initiatives using different formats of events where they research their identity and reflex about its components. Belonging to ethnic minorities and experience of previous generations play a key role in the self-

identity issues. Women focus on the uniqueness of the British variant of the black feminism, whose basis is intersectional approach. They emphasize the idea of importance of achievements of the movement of the Black British women and its influence on their position in the modern society.

Keywords: United Kingdom, identity, feminism, black British women, woman's activism, ethnic minorities, postcolonial studies.

Введение

Быть черной британкой — оказаться не просто в положении «чуждого» человека в стране с преимущественно этнически белым населением, где сохраняется расовая нетерпимость, но и попасть в позицию двойного исключения из общественного пространства: отличаться не только цветом кожи, но и быть женщиной. В связи с этим важно отметить, что постколониальная история Великобритании играет ключевую роль в формировании идентичности современной чернокожей женщины. На основе комплекса источников в работе предпринимается попытка дать ответы на вопросы о том, какие инструменты и практики используют черные женщины для конструирования, сохранения и презентации своей идентичности в современной Великобритании, какие элементы наполняют эту идентичность и как черный британский феминизм помогает цветным женщинам ее исследовать.

Проблема невидимости британского опыта в рамках черного феминизма

Черный феминизм существует на пересечении разных дискриминационных практик и основан на интерсекциональном подходе, в рамках которого рассматриваются разные формы угнетения и доминирования, в частности касающиеся расы, класса, гендера и сексуальности. Однако когда мы обращаемся к этому направлению феминистской мысли, на первый план по умолчанию выходит женское движение в Соединенных Штатах, и даже если оно не берется за канон в контексте борьбы цветных женщин, то традиционно фокус внимания направлен именно на знаковые работы американок, их активистскую деятельность и ее непосредственные результаты.

Проблема доминирования американского опыта в рамках черного феминизма остро ставит вопрос представительства чернокожих британок в истории борьбы за видимость цветных женщин и за ликвидацию дискриминации в их отношении. Сиана Бангура, британская писательница, блогер и независимый журналист, обратила внимание в статье 2015 года, что опыт чернокожих британок не так широко изучен и хорошо задокументирован, как опыт афроамериканок [2]. Американский голос с ключевыми представительницами движения заглушает женщин с других территорий, оттесняя их заслуги на второй план, тем самым делая их невидимыми. При этом проблема выходит за рамки феминистской мысли и является гораздо более широкой. Исследователи Аквуго Эмейулу и Франческа Собанде отмечают, что «внутри черной диаспоры существует постоянная напряженность в отношении доминирования черной американской политики и культуры с незначительным вниманием к долгой истории антиимпериалистической и антиколониальной борьбы в Европе. Таким образом, мы читаем Анджелу Дэвис и Стоукли Кармайка, но в меньшей степени Эме Сезера и Гейл Льюис»¹ [6].

Исследовательница расового равенства и прав женщин, британка Хайди Мирза отмечает, что черный феминизм имеет инклюзивный концепт, применимый для многих цветных женщин: женщин из диаспоры латиноамериканцев, индийцев и африканцев, которых объединяет общее колониальное прошлое [11]. В том же ключе высказывались и феминистки с платформы *blackfeminists.org*, подчеркивая, что дефиниция «черный» является осно-

¹ Анджела Дэвис – американская правозащитница; Стоукли Кармайка – американский борец за гражданские права; Эме Сезер – французский, мартиникский прозаик, поэт, один из создателей концепции негритуада; Гейл Льюис – британский социолог, соосновательница Организации женщин африканского и азиатского происхождения.

вополагающей и напрямую в целом объединяет цветных женщин с разных континентов: «Мы используем слово “черный” в политическом смысле: [оно — А. Ч.] обозначает женщин, отождествляющих себя, происходящих или имеющих происхождение (предков) из глобального большинства населения (то есть Африки, Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки) и коренного населения и происхождения смешанной расы» [14]. Таким образом, в политических дискуссиях определение «черный» используется по отношению ко всем «небелым» меньшинствам. В фокусе внимания статьи — женщины с африканскими и афро-карибскими корнями, для которых данная дефиниция является базисом расовой принадлежности.

Чернокожие британки, с одной стороны, по-прежнему чувствуют, что мейнстрим феминизма слишком часто обходит их стороной [10], расценивая его как концентрацию гегемонии белого опыта. Например, Лив Литл, основательница интернет-журнала *gal-dem*, посвященного женщинам и небинарным цветным людям, в материале *The Guardian* 2016 года описывала, как в университетские годы осознала, что феминизм сосредоточен прежде всего на белом опыте и не учитывает многообразие других, не менее важных, историй. Отталкиваясь от понимания существующей проблемы, девушка создала *gal-dem* как ответ на необходимость дать голос чернокожим миллениалкам.

С другой стороны, черные британки находятся в условиях, при которых черный феминизм не всегда учитывает бэкграунд и достижения цветных женщин за пределами Соединенных Штатов. В связи с этим женщины с африканским и афро-карибским происхождением стремятся исследовать свою идентичность и «периферийный» опыт в рамках черного британского феминизма, опираясь на собственное наследие борьбы цветных женщин с дискриминационными практиками на территории Соединенного Королевства. Обращаясь к специфике британского опыта, важно услышать голоса чернокожих женщин, отстаивающих свое право быть видимыми в евро-американском контексте феминизма, и понять, как женское движение влияет на формирование идентичности в современном обществе. Рану Самантраи, автор книги «Черный феминизм в постимперской нации», утверждает, что чернокожие активистки играют центральную роль в изменении основной сути британской идентичности, поскольку являются привилегированным посредником сходств и различий, и потому становятся образцом постимперской английскости [13].

Исследование идентичности через женские инициативы

Идентичность современной чернокожей британки выстраивается прежде всего из рефлексии об опыте предыдущих поколений, личных семейных историй, из самоанализа на предмет своего места в обществе. Исследуя идентичность, женщины выходят в публичное пространство, которое, с одной стороны, позволяет им объединяться на общей платформе и заниматься активистской деятельностью, а с другой стороны, развивать персональные практики взаимодействия с обществом. Пробуя разные форматы общественных, просветительских, досуговых мероприятий (открытые дискуссии, акции, фестивали), чернокожие британки стремятся как найти для себя ответы на волнующие вопросы о том, кем они являются в современной Великобритании, так и быть услышанными на предмет проблем этнического меньшинства, к которому они принадлежат. В свою очередь, черный феминизм становится для чернокожих британок тем инструментом, который способствует исследованию собственной идентичности, поскольку учитывает множественность специфических пересечений, из которой она конструируется.

Академическое пространство является одной из важных площадок, где реализуются инициативы студенток, стремящихся развивать дискуссию о месте черных женщин в современном британском обществе. Так, 15 октября 2013 года в Гёртон-колледже состоялось первое в своем роде мероприятие на базе Кембриджского университета, организованное

студенткой Присциллой Менса [12]. В основу концепции встречи «В защиту прав чернокожих женщин: панельная дискуссия о черном феминизме» легло желание исследовать чернокожих женщин в активизме, истории, слабости и силе [1]. В рамках мероприятия участницы, примеряя на себя разные роли, поднимали вопросы о том, что значит быть чернокожей женщиной в научных кругах, СМИ, медицине и политике.

Название дискуссии — отсылка к знаменитому тексту британки Мэри Уолстенкрафт 1792 года «В защиту прав женщин»; тем самым инициаторы встречи подчеркивали важность преемственности в рамках феминистского дискурса. По словам организатора Менса, это мероприятие стало «событием об идентичности или, скорее, о стремлении черных женщин найти их собственные стереотипы, не связанные с расистскими или сексистскими» [11]. К дискуссии также были привлечены известные исследовательницы проблематики, в числе которых Хайди Мирза, Джоан Аним-Аддо, поддержавшие студенческую инициативу.

Помимо формата открытых обсуждений, студентки видят университет и как платформу для активистских акций, которые помогают им рефлексировать на предмет достижений чернокожих женщин в британской истории, что напрямую отражается на конструировании как личной, так и коллективной идентичности.

В июне 2018 года благодаря идее «Африканского и карибского общества» более 50 студенток и выпускниц Кембриджского университета организовали фотосессию перед зданием Сената, административного центра университетского городка, в честь Глории Клэр Карпентер, первой чернокожей женщины, изучавшей право в Гёртон-колледже и окончившей его в 1948 году. Тими Сотир, вице-президент кембриджского отделения «Африканского и карибского общества», отметила: «71 год назад никто из нас не получил бы степень здесь, и теперь у нас есть реально сильная черная женская когорта, которую мы хотим прославлять. И просто позволить девушкам, которые хотят подать заявку в Кембридж, особенно чернокожим девушкам, знать, что здесь есть место для них» [5]. Участницы события, таким образом, не только делают упор на преемственности поколений и выстраивают связь с поворотным пунктом в британской истории для чернокожих женщин, открывшим беспрепятственную дорогу в академическое общество, но и подчеркивают важность женской солидарности в вопросе получения высшего образования.

В открытом письме «Африканского и карибского общества» подчеркивалось, что этой акцией организация хотела дать чернокожим женщинам беспрецедентную видимость в университете и повод для общенациональной дискуссии [9]. Так, поддержка со стороны этнического сообщества играет важную роль в объединении черных британок и реализации их идей, цель которых — дать возможность женскому голосу зазвучать в публичном пространстве.

Важно отметить, что женские инициативы активно выходят за рамки университетских стен и приобретают широкие масштабы в британском обществе. В 2017 году Николь Кренстил, куратор, креативный консультант, продюсер, и Паула Экпен, журналистка и писательница, организовали первый британский фестиваль *Black Girl*, посвященный чернокожим женщинам и девочкам [4]. Желание создать площадку, в рамках которой возможно сделать видимыми черных британок и консолидировать их на общей платформе, появилось из-за понимания «недостатка внимания к чернокожим женщинам, делающим удивительные вещи» [8], и «огромного запроса на подобные мероприятия» [3].

Когда инициатива только зарождалась, средства на осуществление мероприятия собирались на краудфандинговой площадке. К 2019 году у фестиваля появились крупные спонсоры: на данный момент поддержку оказывают *Microsoft*, *NHS* (Национальная служба

здравоохранения), крупный издательский дом *Penguin. Black Girl* превратился в значимое, долгожданное и популярное событие осени, билеты на которое были распроданы еще до самого мероприятия.

Фестиваль фокусируется на опыте, историях и практиках самореализации чернокожих женщин в Великобритании. Главной задачей мероприятия является необходимость создания пространства, где в формате воркшопов, выставок, бесед, перформансов, мастер-классов поднимается множество вопросов, касающихся черного британского сообщества. И в этом смысле фестиваль становится местом, где идентичности придается большая значимость. Так, Экпен подчеркивает, что «этот фестиваль конкретно для чернокожих британок» [15], формируя концепцию мероприятия, в основе которой лежит отличие этнического меньшинства от других граждан страны и кооперация внутри него.

Когда *Black Girl* только зарождался, посетительницы делились своими мыслями о том, кем они являются в современной Великобритании, бережно выстраивая идентичность из семейных историй, артикулируя опыт поколений: «Быть чернокожей британкой очень много значит для меня. Я второе поколение, моя мама родилась здесь, и моя бабушка приехала в 1950-е гг. с Ямайки. Они пережили много сегрегации и расизма» [7]. Также проговаривалось и то, что вызывает личную тревогу и непонимание: «Мне трудно видеть себя британкой. Я родилась в этой стране, но всё еще кажется, что это не моя страна» [7]. Конструируя свою идентичность, женщины рефлексуют о сложном комплексе переплетений, которые ее составляют: «Быть чернокожей женщиной для меня — это существовать в разных сообществах одновременно <...> Я чернокожая, я британка, я женщина. Каким-то странным образом это что-то вроде подарка, как будто я — многозадачность» [7].

Фестиваль преследует важную цель — создание пространства, где чернокожие британки могут быть теми, кем они являются, делиться тем, что волнует, и передавать свой опыт. 12 октября 2019 года фестиваль *Black Girl* прошел в третий раз. Как и прежде, в программе был заявлен широкий спектр тем, затрагивающих разные сферы жизни женщин и сосредоточенных на специфике черного сообщества. Например, особое внимание было уделено теме донорской крови в связи с серповидно-клеточной анемией, которая наблюдается практически исключительно у представителей негроидной расы. Также на площадках фестиваля говорилось о том, каково быть черной в Британии, был проведен экскурс в историю черного британского феминизма, подняты вопросы, касающиеся финансовой грамотности, красоты, сексуальности, заботы о ментальном и физическом здоровье.

Так инициатива двух чернокожих британок переросла в значимое событие, которое нашло большую поддержку среди женщин этнического сообщества и стало платформой для сохранения и репрезентации своей черной британской идентичности.

Заключение

Идентичность современной чернокожей британки — это переплетение множества компонентов, в основе которых находятся, прежде всего, осознание своей принадлежности к этническому меньшинству с его уникальной спецификой, выстраивание прочных связей с прошлым, акцентирование важности достижений черного сообщества в условиях постколониального времени и поиск его места в британской истории. Посредством публичных инициатив, осуществляемых в разных форматах, женщины продолжают исследовать собственную идентичность, сохраняя и популяризируя вклад черных британок предыдущих поколений, опираясь на личный опыт и обращаясь к черному британскому феминистскому дискурсу.

Библиографический список

1. A vindication of the rights of black women: A contribution to a discourse. URL: <https://noflyonthewall.com/2013/10/08/a-vindication-of-the-rights-of-black-women-a-contribution-to-a-discourse/> (дата обращения: 05.10.2019).
2. Bangura S. I too am black and a feminist: On the importance of black British feminism. URL: <https://mediadiversified.org/2015/03/13/i-too-am-black-and-a-feminist-on-the-importance-of-black-british-feminism/> (дата обращения: 29.08.2019).
3. Black Girl Fest has taken over Time Out London this week // Time Out. 2018. October 22th. URL: <https://www.timeout.com/london/things-to-do/black-girl-fest-has-taken-over-time-out-london-this-week> (дата обращения: 09.10.2019).
4. Black Girl Festival, 2019. Taking up space. URL: <https://www.blackgirlfest.com/> (дата обращения: 30.08.2019).
5. Celebrating the black women of Cambridge. URL: <https://www.cam.ac.uk/news/celebrating-the-black-women-of-cambridge> (дата обращения: 06.10.2019).
6. Emejulu A., Sobande F. Afrofeminism and black feminism in Europe. URL: <https://www.plutobooks.com/blog/europe-black-feminism-afrofeminism-emejulu/> (дата обращения: 28.09.2019).
7. Etutu J. Black Girl Festival: What my identity means to me // The BBC. 2017. November 1st. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-41815868> (дата обращения: 31.08.2019).
8. Ilube R. Black Girl Festival is a space for us to belong // gal-dem. 2017. November 6th. URL: <http://gal-dem.com/black-girl-festival-space-us-belong/> (дата обращения: 31.08.2019).
9. Lally C. Black women of Cambridge stage photoshoot on historic anniversary for access // Varsity. 2018. June 14th. URL: <https://www.varsity.co.uk/news/15824> (дата обращения: 06.10.2019).
10. Little L. Women of colour need their own space — so I've set up a feminist magazine // The Guardian. 2016. March 23th. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/mar/23/feminists-created-equal-black-women> (дата обращения: 31.08.2019).
11. Lusack S. What does black feminism mean today, and why do we need it? // Varsity. 2013. October 18th. URL: <https://www.varsity.co.uk/news/6246> (дата обращения: 31.08.2019).
12. Mensah P., Lloyd-Jones R. A Vindication of the rights of black women: A panel discussion on black feminism. URL: <https://www.facebook.com/events/526070024134767/> (дата обращения: 29.08.2019).
13. Mirza H. "Harvesting our collective intelligence": Black British feminism in post-race times. URL: https://www.academia.edu/14625400/_Harvesting_our_collective_intelligence_Black_British_feminism_in_post-race_times (дата обращения: 03.09.2019).
14. Mirza H. "The branch on which I sit": Reflections on black British feminism. URL: https://www.academia.edu/14631320/_The_branch_on_which_I_sit_Reflections_on_black_British_feminism (дата обращения: 02.09.2019).
15. Morris N. Black Girl Fest creators explain how they are helping to reclaim spaces for black women // Metro. 2018. October 22th. URL: <https://metro.co.uk/2018/10/22/black-girl-fest-creators-explain-how-they-are-helping-to-reclaim-spaces-for-black-women-8062896/?ito=cbshare> (дата обращения: 07.09.2019).

Щукина Р. И. Проблемы обеспечения этнической безопасности: правовой аспект // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3 (84). С. 123–128.

Shchukina R. I. Problems of ethnic security: legal aspect. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019. No. 3 (84). Pp. 123–128. (In Russ.)

УДК [1: 316]: 316.334.52

Р. И. Щукина

Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Щукина Раиса Ивановна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Теория и практика управления»; доцент кафедры «Социальная работа и конфликтология».

E-mail: raisa.schukina@mail.ru

В статье анализируются проблемы правовой регламентации обеспечения этнической безопасности в России на современном этапе с учетом региональных особенностей. Обосновывается актуальность, расширение и обновление правового поля с учетом международной практики и современных вызовов и угроз. Выявлены противоречия. Рассматриваются проблемные вопросы в сфере этнической безопасности и возможные внедренческие технологии их разрешения.

Ключевые слова: глобализационные вызовы, управленческие проблемы, этническая сфера, международное и федеральное законодательство, правовые аспекты, стратегические документы, гармонизация межнациональных отношений, этническая безопасность, этнокультурные права человека, этнокультурная идентичность.

R. I. Shchukina

Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration; Perm State University, Perm, Russia

PROBLEMS OF ETHNIC SECURITY: LEGAL ASPECT

Shchukina Raisa I. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Management Theory and Practice; Associate Professor at the Department of Social Work and Conflictology.

E-mail: raisa.schukina@mail.ru

The article analyzes the problems of legal regulation of ensuring ethnic security in Russia at the present stage, taking into account regional characteristics. The relevance, expansion and updating of the legal field, taking into account international practice and modern challenges and threats, is substantiated. Identified contradictions. Problematic issues in the field of ethnic security and possible innovative technologies for their resolution are considered.

Keywords: globalization challenges, managerial problems, ethnic sphere, international and federal legislation, legal aspects, strategic documents, harmonization of interethnic relations, ethnic security, ethnocultural human rights, ethnocultural identity.

В научной литературе одним из дискуссионных вопросов в конце XX — начале XXI века стал вопрос о национальной безопасности. Накал дискуссий не спадает и сегодня. По-прежнему актуальны и противоречивы позиции исследователей о сущностном содержании, ключевых тенденциях трансформации этого понятия. Отечественными учеными называется ряд причин, объясняющих неоднозначность правового регулирования и подходов к трактовке данного понятия. «Во-первых, национальная безопасность относится к числу таких понятий, которые имеют очень широкое употребление. Во-вторых, оно плотно вписано в политический контекст, широко употребляется как в профессиональных и публичных дискуссиях, так и в официальных документах. В-третьих, вопрос о национальной безопасности затрагивает самые разнообразные области общественного развития» [1]. Как показывает анализ, трактовка понятия безопасности претерпела значительные изменения. Его правовую ценность подчеркивали еще представители западноевропейской общественно-политической мысли. Известный писатель и юрист Нового времени Й. Зонненфельс рассматривал право человека на безопасность как отсутствие моральной и физической опасности, обеспечивающее согласие и мир в обществе. Исследование генезиса категории «безопасность» позволяет отметить, что длительный период правовые аспекты этой категории рассматривались на уровне защиты границ государства в международном пространстве. Такой подход достаточно активно артикулировался в научных кругах. Расширение содержательного контекста безопасности было обусловлено окончанием холодной войны в XX веке, когда дискурс этого понятия значительно обновился под влиянием приоритетности других ключевых проблем. В их числе внимание акцентировалось на проблемах этнического терроризма, национализма как возможных вызовов и угроз для современного социума. Значимость этих проблем стала одним из приоритетных направлений науки в 90-е годы прошлого века: этнические вопросы начали рассматриваться в контексте социальной безопасности с акцентом на способность полиэтничного социума воспроизводить языки, традиционные формы культуры, а также религиозную и национальную идентичности. При этом были выделены как проявления глобальных факторов возможные угрозы, в числе которых миграция и ее негативные последствия (распространение болезней, столкновение цивилизаций и т. д.) [5]. Таким образом, социальное измерение этнической безопасности обусловило ее трактовку в рамках социального пространства, которая конкретизировалась в международных нормативных документах.

Правовой импульс осмысления этнической безопасности в социальном контексте был дан Программой ООН (ПРООН) о развитии человеческого потенциала, где были определены новые концептуальные подходы к трактовке безопасности личности с акцентом на два взаимозависимых фактора: с одной стороны, «защита от неожиданных и пагубных нарушений нашего повседневного образа жизни» («свобода от страха»), с другой — «предостережение от каких-либо угроз голода, болезней, преступлений и подавления» («свобода от нужды»). Концепция безопасности личности включала семь составляющих личностной безопасности, где наряду с политической, продовольственной и т. д. была артикулирована безопасность национальных меньшинств с их правом на сохранение культурного своеобразия¹. В Отчете о развитии человечества Программы развития ООН за 1994 год акцент был сделан на безопасности людей в их повседневной жизни. Главным условием развития человека были провозглашены возможности расширения его права выбора: с одной стороны, «осуществлять свой выбор безопасно и свободно»; с другой — уверенность в том, что «возможности, которые у них есть сегодня, не будут утрачены завтра»².

¹ The Canadian Consortium for Human Security. URL: www.humansecuritybulletin.info (дата обращения: 12.11.2019).

² Там же.

В рамках реализации возможностей рассматривалось и право человека на этническую идентичность. Кроме того, дискурс понятия этнической безопасности расширился за счет осознания угрозы межэтнических конфликтов и необходимости их разрешения: «безопасность — это когда этнические распри не выходят из-под контроля...» [2].

Таким образом, трактовка этнической безопасности в правовом поле содержательно обновлялась и углублялась. Так, в отчете Генерального секретаря ООН за 2009 год был актуализирован принцип ответственности защищать, который должен был быть включен в каждую культуру и каждое общество без всяких сомнений и условий как воплощение не только глобальных, но и локальных ценностей и стандартов [4].

В современной России безопасность личности (включая этнобезопасность) как субъекта общественных отношений выдвигается на первый план в числе приоритетов гуманитарной безопасности. Однако правовые аспекты соотношения безопасности человека и национальной безопасности как ключевого концепта международного права обсуждаются в научной среде. Отечественными исследователями подчеркивается «правовая неурегулированность конкретных социальных связей в сфере этнонациональных отношений в их органичном единстве и взаимосвязи, что является причиной многих сложностей современного развития данной сферы», а значит, возможных рисков этнобезопасности [3].

Сложности правового регулирования проявляются и в существующем объективном противоречии. С одной стороны, правовое регулирование сферы этнических отношений как одного из видов общественных отношений должно осуществляться в рамках общественной сферы по идентичным с нею принципам. С другой стороны, эта сфера весьма специфична (этнокультурная самобытность народов, уровень национального самосознания и т. д.).

Кроме того, проблемы правовой регламентации этнической безопасности в настоящее время обусловлены расширением социального пространства национальной сферы за счет множества социальных контактов национальных общественных объединений и их связей между собой, с общественными институтами других сфер, с властными структурами. Разрабатывая правовые основания этнической безопасности, законодатель не может не учитывать весь спектр этих разноплановых факторов.

Многоаспектность содержания этой категории нашла отражение в нормативно-правовых документах Российской Федерации. В правовом поле постсоветской России впервые категория безопасности была истолкована как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Были определены и объекты безопасности: «личность — ее права и свободы; общество — его материальные и духовные ценности; государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность»¹, которые включали права и свободы этносоциальной направленности. Конкретизация прав была осуществлена в Конституции РФ 1993 года. Например, ст. 25 (п. 1) провозглашает: «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность». В ст. 26 (ч. 2) закреплено право граждан на пользование родным языком².

Культивирование прав человека в политике России на современном этапе изменило роль государства в системе безопасности и повлияло на осмысление этого понятия с учетом самого государства и гражданского общества. В этом контексте артикулированы новые направления его содержания. В 2010 году утверждена новая редакция Федерального закона «О безопасности»³.

¹ О безопасности [Электронный ресурс]: закон Рос. Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1. (Документ утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Конституция Российской Федерации: офиц. текст. М.: Приор, 2005.

³ О безопасности [Электронный ресурс]: федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В 2009 году была принята Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года¹. В структуру именно этого документа впервые был включен специальный раздел IV «Обеспечение национальной безопасности» (подраздел 7 «Культура») с указанием таких угроз и рисков этнобезопасности, как расовая, национальная и религиозная нетерпимость, духовно-нравственное оскудение, потеря самоуважения и т. д., и были определены направления противодействия этим угрозам, в том числе эффективность государственно-правового регулирования этнической сферы и т. д. В новой Стратегии национальной безопасности, принятой в 2015 году, внимание законодателя также обращено на вышеназванные угрозы этнической безопасности и подчеркивается роль государственной национальной политики, направленной на обеспечение национальной, религиозной, расовой терпимости, воспитание взаимного уважения народов России и развитие межнациональных культурных связей². Таким образом, этнические аспекты социальной безопасности нормативно закреплены Стратегией национальной безопасности, в их числе и консолидация российского общества на основе сохранения этнокультурного многообразия России.

В настоящее время в ряде федеральных документов укрепление единства нации обозначено как приоритетная цель³. Так, в обновленной редакции Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 года (далее — Стратегия) артикулированы высшие ценностные приоритеты государственной национальной политики: сохранение целостности страны, укрепление единства российского народа, достижение межнационального мира и согласия⁴.

Данная Стратегия с внесенными в декабре 2018 года поправками, по сути, документ стратегического значения, конкретно направленный на обеспечение безопасности в сфере национальных отношений, что позволяет рассматривать государственную национальную политику в контексте национальной безопасности страны в целом. Обновленное содержание Стратегии коррелируется с современными реалиями и нацелено «на обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепление государственного единства и целостности РФ». Ценностная значимость Стратегии в обновленном варианте проявляется в комплексном межотраслевом, социально ориентированном характере. Консолидация усилий и ресурсов властных структур и гражданских институтов обоснована в Стратегии содержательно расширенными приоритетами национальной политики РФ. Акцент сделан не только на укрепление гражданского единства, профилактику экстремизма и предупреждение межэтнических конфликтов, но и на создание *дополнительных социально-экономических условий для улучшения социального благополучия граждан*, прежде всего в регионах с высокой миграционной активностью, со сложным этническим и религиозным составом населения.

Пермский край является одним из самых крупных полиэтнических регионов страны. Задача, поставленная в Стратегии о выработке властными органами и институтами гражданского общества единых подходов к решению проблем в национальной политике, полу-

¹ Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года: указ Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537. (Документ утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О стратегии национальной безопасности РФ [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов РФ, органов МСУ и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений [Электронный ресурс]: федер. закон от 22 октября 2013 г. № 284-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., утвержденную Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 06.12.2018 № 703 URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843> (дата обращения: 16.10.2019).

чает конкретное воплощение на региональном уровне. В данном аспекте приоритетом подпрограммы «Реализация государственной национальной политики в Пермском крае» государственной программы «Власть и общество» является объединение усилий всех звеньев системы власти, научных, образовательных, культурных учреждений, творческих коллективов, учреждений физической культуры и спорта, общественных национальных и других объединений для обеспечения позитивного развития сферы межэтнических отношений в Пермском крае¹.

В рамках данной подпрограммы определены и приоритеты: обеспечение для представителей этнических сообществ Пермского края равных возможностей для доступа к этнокультурным ценностям; обеспечение сохранения стабильной межнациональной ситуации и недопущение социальных конфликтов на межэтнической почве; формирование общегражданской идентичности. В этих условиях важен анализ новых социальных практик, эффективных технологий и конвенций. Так, краевой координационный совет по национальным вопросам, в составе которого 26 лидеров некоммерческих организаций регионального уровня, официально действует с 2001 года². На муниципальном уровне также созданы советы по межнациональным и межконфессиональным отношениям³. Правовое регулирование этнических аспектов в региональной системе образования осуществляется на основе региональных правовых документов. Например, дополнительно к закону «Об образовании в Пермском крае» от 12 марта 2014 г. № 308-ПК в 2016 году была разработана и реализуется в образовательных учреждениях края «Концепция развития этнокультурного образования в Пермском крае»⁴.

В крае накоплен значительный опыт работы по внедрению в социальную практику объединительных тенденций и консолидирующих мотивов. Однако процессы культивирования объединительных идей в региональный социум в современных условиях обуславливают необходимость качественного изменения системы социальных связей, требуют консолидации усилий власти, научного сообщества, общественных институтов. Основой интегрирующих направлений сегодня являются общенациональные ценности и трендовые технологии. На пермской земле реализуются уникальные общероссийские проекты. Так, 12 декабря 2017 года, в День Конституции России, в Перми открылся и успешно действует исторический парк «Россия — моя история. Пермский край». Просветительские, познавательно-созидательные, культурно-досуговые, туристические брендовые проекты, которые посвящены не только фольклору и национальной кухне (хотя это тоже значимо), но и знаковым периодам и важным событиям для многонационального населения, — одна из технологий, способствующая обеспечению межнационального мира и согласия в регионе. Подобные проекты успешно работают на имидж края, формируя и поддерживая бренд региона в целом, демонстрируя уникальные этнокультурные ценности, природные ресурсы и естественным образом внося новизну в реализацию государственной национальной политики в регионе, а значит, способствуя обеспечению этнической безопасности.

¹ О внесении изменений в государственную программу Пермского края «Общество и власть», утвержденную Постановлением Правительства Пермского края от 3 октября 2013 г. № 1326-п [Электронный ресурс]: постановление Правительства Пермского края от 19 ноября 2018 г. № 715-п. URL: <http://www.http://docs.cntd.ru/document/550245546> (дата обращения: 25.10.2019).

² Координационный совет по национальным вопросам [Электронный ресурс] // Администрация губернатора Пермского края: офиц. сайт. URL: <http://oldadmin.permkrai.ru/national/coordinate/> (дата обращения: 28.10.2019).

³ Совет по межнациональным и межконфессиональным отношениям при главе города Перми [Электронный ресурс]. URL: <http://etnokonf.gorodperm.ru/news/view/1699> (дата обращения: 25.10.2019).

⁴ Об утверждении Концепции развития этнокультурного образования в Пермском крае [Электронный ресурс]: приказ Министерства образования и науки Пермского края от 19.07.2016 № СЭД-26-01-06-536. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографический список

1. Барановский В. Национальная безопасность: концептуальные и практические аспекты // Стратегия развития: материалы семинара. 22 апр. 2002 г. М., 2002. С. 7.
2. Молокоедов А., Слободчиков И., Франц С. Безопасность личности: комплексный анализ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=626803&p=6> (дата обращения: 12.10.2019).
3. Напсо М. Б. Защита этнонациональных интересов в современных условиях: социально-философские основы и правовое регулирование // Современное право. 2009. № 5. С. 19–23.
4. Отчет генерального секретаря ООН за 2009 год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/secretary-generals-reports-submitted-security-council-2009> (дата обращения: 12.10.2019).
5. Buzan B. People, states and fear: an agenda for International security studies in the Post-Could War era. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1991. 395 с.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

В научном журнале «Вестник Прикамского социального института» публикуются материалы, которые связаны с анализом социально-экономических и правовых отношений, посвящены актуальным проблемам развития общества и личности, носят как теоретический, так и экспериментальный характер, обобщают результаты исследований ученых и распространяют опыт практики работы специалистов в указанных отраслях. Приоритетное исследовательское направление — теоретические и практические вопросы совершенствования системы обеспечения национальной безопасности и реализации стратегических национальных приоритетов.

Подача материалов в журнал «Вестник Прикамского социального института» означает согласие автора (ов) на их публикацию в журнале и размещение в режиме свободного доступа в Интернете.

Публикация в журнале и рассылка электронного экземпляра — бесплатная. Печатный экземпляр журнала предоставляется при условии оплаты — 350 руб. за один экземпляр. Иногородние авторы оплачивают также почтовую пересылку — 250 руб.

Рукописи принимаются в порядке поступления. Количество статей в журнале ограничено. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов, проверки их на оригинальность текста с помощью системы «Антиплагиат» и редактирования статей для публикации. Статьи, написанные не по тематике журнала, оформленные не по правилам, не рассматриваются.

К рукописи прилагается заявка на публикацию статьи:

Фамилия, имя, отчество на русском языке	
Фамилия, имя, отчество на английском языке	
Место работы на русском языке	
Место работы на английском языке	
Должность на русском языке	
Должность на английском языке	
Адрес для переписки (с почтовым индексом)*	
Телефон с указанием кода города*	
Электронная почта	
DOI статей автора в базах Scopus и Web of Science (при наличии)	
Необходимость печатного экземпляра журнала (Да/нет)	

* Адрес и телефон в журнале не печатаются.

Статьи и заявки направляются в электронном виде по адресу: psi.nauka@mail.ru или представляются по адресу: Пермь, ул. Куйбышева, 98А, Прикамский социальный институт, каб. 205, научный отдел. Телефон редакции — (342) 214-26-76.

Для создания статей используется текстовый редактор Microsoft Office Word. Шрифт **Times New Roman 14**, междустрочный интервал — **1,5**, рекомендуемый объем — **до 15 страниц** (до 30 тыс. знаков). Все поля — **2 см.**

2. В начале статьи указывается **УДК**.

3. Далее указываются сначала **на русском, затем на английском языке**:

- на первой строке по центру полужирным шрифтом — **инициалы и фамилия автора (ов)**;
- на второй строке по центру — **место работы автора (ов)**;
- далее полужирным шрифтом прописными буквами с выравниванием по центру — **название** статьи;
- ниже с выравниванием по ширине — **ученая степень и звание, должность** (по желанию автора (ов)), **адрес электронной почты автора (ов)**;
- далее с выравниванием по ширине — **аннотация (авторское резюме)**, то есть изложение основного содержания и результатов исследования. Объем аннотации — до 200 слов, не более 2 тыс. знаков с пробелами. Аннотация должна отражать предмет, цель, методологию, результаты исследования и выводы. Аннотация (авторское резюме) к статье является основным источником информации в информационных системах и базах данных, индексирующих журнал;
- ниже с выравниванием по ширине — **ключевые слова** (5–10 слов).

4. **Ссылки** на источники из библиографического списка даются внутри текста статьи в квадратных скобках с указанием страниц, на которых расположен цитируемый текст: [2, с. 312; 3].

5. **Библиографический список** приводится в конце статьи, оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. Литература и электронные источники помещаются в списке в алфавитном порядке; источники на иностранных языках помещаются в конце списка; нумерация списка — автоматическая. В статьях, включенных в список, указываются все страницы публикации, например: Гринин Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. 2008. № 1. С. 86–97.

В библиографический список рекомендуется включать только литературу и электронные ресурсы, а ссылки на нормативные правовые акты (в том числе из сети Интернет или справочно-правовых систем) и архивные источники размещать в форме автоматических постраничных сносок (внизу страницы с новой нумерацией на каждой странице, шрифт сносок — Times New Roman 10).

При описании электронных ресурсов из сети Интернет указывается электронный адрес цитируемой веб-страницы, а не сайта в целом; после электронного адреса необходимо в круглых скобках указать дату обращения к документу, например: (дата обращения: 01.02.2018).

6. В конце статьи помещается **информация для цитирования**: указываются полные выходные данные статьи на русском и английском языках для облегчения ее цитирования (автор (ы), название статьи, место и год издания, номер выпуска).

Пример оформления статьи

УДК 351.74

В. В. Шилов, Т. Н. Сергеева

Березниковский филиал Пермского национального исследовательского политехнического университета, Березники, Россия

ПРЕСТУПНОСТЬ И РАБОТА ПОЛИЦИИ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ ЦЕНТРЕ УРАЛА

(по результатам социологического опроса в городе Березники Пермского края)

Шилов Владимир Викторович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой «Общественные дисциплины», член Правления Российского общества социологов (Пермское отделение).

E-mail: Vvvs595959@mail.ru

Сергеева Татьяна Николаевна — старший преподаватель кафедры «Общественные дисциплины».

E-mail: garri_62@mail.ru

На основе прикладного социологического исследования и статистической информации дается оценка криминогенной ситуации и работы сотрудников межмуниципального отдела полиции Министерства внутренних дел Российской Федерации «Березниковский» Пермского края. Методом социологического опроса определен уровень доверия жителей города Березники и Усольского муниципального района Пермского края к представителям правоохранительных органов. Проводится утверждение, что для достижения правопорядка полиция должна быть ориентирована не только на милитаризованные структуры, наряду с репрессивными мерами должна набирать силу ориентация на социальное обслуживание населения.

Ключевые слова: реформа, гражданское общество, свобода, ответственность, сотрудничество.

V. V. Shilov, T. N. Sergeeva

Berezniki branch of the Perm National Research Polytechnic University, Berezniki, Russia

CRIME AND POLICING IN THE INDUSTRIAL CENTER OF THE URALS (by results of sociological survey in Berezniki, Perm territory)

Shilov Vladimir V. — Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Scientific Disciplines, a Member of the Board of the Russian Society of Sociologists (Perm branch).

Sergeeva Tatiana N. — Senior Lecturer of the Department of Scientific Disciplines.

On the basis of applied social research and statistical evaluation are given the crime situation and the work of the staff of inter-municipal police department of the Interior Ministry “Berezniki” Perm territory. The method of the sociological survey determined the level of trust and the residents of the city of Berezniki and Usolye municipal district of the Perm territory to representatives of law enforcement agencies. States that in order to achieve the right order and the police must be focused not only on the militarized structure, but also, along with repressive measures, should be a growing trend, oriented towards the social service of the population.

Keywords: reform, civil society, freedom, responsibility, cooperation.

Защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности — эти вопросы всегда находятся в центре внимания политиков и общественности [1].

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства¹.

Библиографический список

1. Аналитический обзор зарубежных исследований о практике изучения и формирования общественного мнения о полиции / ВНИИ МВД России. М., 2003.
2. Бунов Е. Г. Сотрудники органов внутренних дел об эффективности их деятельности // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 87–89.
3. Владимир Колокольцев: «Полиция должна заслужить доверие граждан» // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. 2012. 12 июля. URL: <https://мвд.рф/news/item/150545> (дата обращения: 12.03.2016).
4. Заманихина Т. Участковые стали «писателями». Сенаторы обещали законодательную поддержку МВД // Рос. газета. 2013. 31 окт.
5. Ипакян А. П. Оценка деятельности органов внутренних дел в механизме налаживания их взаимодействия с населением // Проблемы взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями по охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности: материалы «круглого стола» 27 янв. 2006 г. в Акад. управления МВД России / Акад. управления МВД России. М., 2006. С. 96–97.

Информация для цитирования:

Шилов В. В., Сергеева Т. Н. Преступность и работа полиции в индустриальном центре Урала (по результатам социологического опроса в городе Березники Пермского края) // Вестник Прикамского социального института. 2018. № __. С. __.

Shilov V. V., Sergeeva T. N. Crime and policing in the industrial center of the Urals (by results of sociological survey in Berezniki, Perm Territory). *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2018. No. __. Pp. __. (In Russ.)

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 5.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

Лицензия серия 90Л01 № 0009523 от 08.11.2016 г.
выданная Федеральной службой по надзору
в сфере образования и науки

Автономная некоммерческая
организация высшего и
профессионального образования

ПЕРМСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
ПОДГОТОВКИ
(БАКАЛАВРИАТ):**

- Психология,
- Экономика,
- Менеджмент,
- Юриспруденция.

ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

Очная, очно-заочная
и заочная формы обучения.

**ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ**

Общеразвивающие программы
для детей и взрослых.

**ПОВЫШЕНИЕ
КВАЛИФИКАЦИИ
ПЕРЕПОДГОТОВКА КАДРОВ**

По всем реализуемым
образовательным программам.
Подробнее на сайте института.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КЛИНИКА

Оказание бесплатной юридической
помощи гражданам.

**ЦЕНТР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ПОМОЩИ**

Кризисный центр психологической
помощи людям, попавшим в сложные
жизненные ситуации.

e-mail: pkpsi@yandex.ru
сайт: www.psi.perm.ru

г. Пермь, ул. Куйбышева, 98А
тел.: (342) 214 26 16

